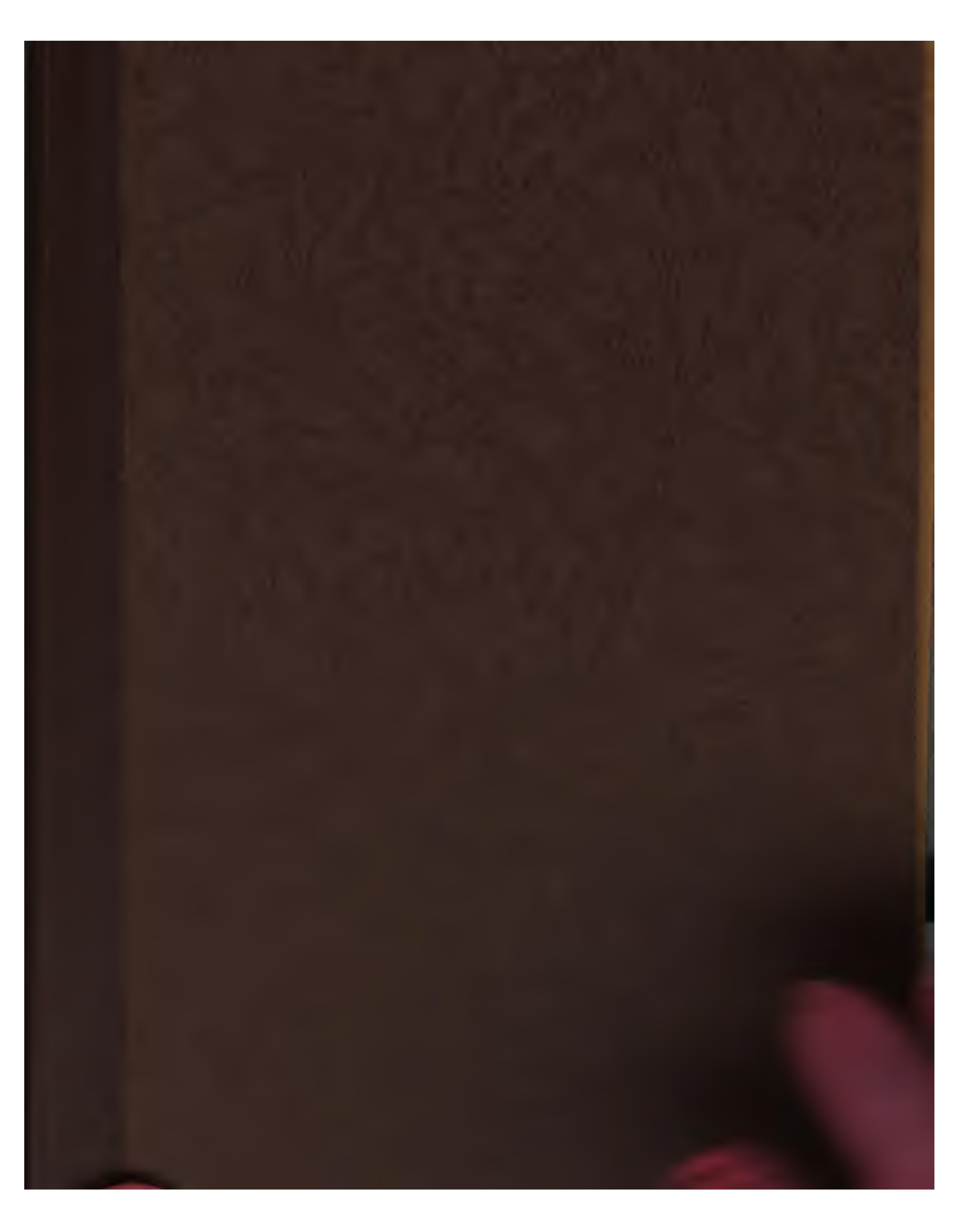

K 188 K62P4

BARON N.A.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

АРОНЪ Н. А. КОРФЪ

) ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго.

ъ портретомъ Н. Корфа, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
пографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная. 12
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ:

1) «Записки педагога барона Никол. Александр. Корфа», кн. 3, 4 и 5 «Русской Старины», 1884 г.

2) *1,000 писемъ*. Переписка барона Корфа съ 250 лицами.

3) «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу», Кашина. №№ 1 и «Современной Лѣтописи», 1871 г.

4) «Педагогическіе очерки школъ Александровскаго уѣзда» Д. Д. Семенова. «Народная Школа» (1871—72 годы).

5) «Мои воспоминанія», Д. Т. Гнѣдина. «Русское Богатство», кн. 5, 6 и 7, 1893 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Народъ въ государствѣ—это *все*». Политическая формула га, давно уже получившая повсемѣстное право гражданства, мѣетъ особенное значеніе для насъ, русскихъ, такъ какъ въ Россіи рудовой сельскій классъ составляетъ болѣе 85 процентовъ общаго осударственнаго населенія. Думать-же о народѣ, заботиться о его оренныхъ, самыхъ насущныхъ пользахъ и нуждахъ—это значитъ умать и заботиться прежде всего и главнымъ образомъ объ образованіи народа, такъ какъ именно образованіе служитъ главнымъ мпульсомъ всяческаго прогресса въ жизни и основнымъ источникомъ экономическаго роста и благосостоянія.

Для всякаго государства и народа невѣжество массы населенія—амый опаснѣйшій его внутренній врагъ, — опаснѣе всѣхъ внѣшихъ враговъ, взятыхъ вмѣстѣ. Отъ внѣшнихъ враговъ можно защищаться, укрываться. Невѣжество-же, предоставленное естественному своему теченію, остающееся безъ противодѣйствія му образованіемъ, настойчивымъ просвѣщеніемъ массы населенія,—является силой, разлагающей народъ, какъ бы онъ ни ылъ многочисленъ и могучъ физически. Именно подъ вліяніемъ невѣжества, обширнѣйшія многочисленныя древнія государства, вродѣ напримѣръ старинной Туркестанской имперіи, безслѣдно сошли съ исторической арены, не оставивъ ослѣ себя въ исторіи культуры человѣчества ровно ничего, кромѣ олаго факта своего существованія. Наоборотъ-же, маленькая еликобританія, съ населеніемъ около 36 милліоновъ человѣкъ по европейской ея территоріи), въ силу высокаго культурнаго азвитія, распространила свои владѣнія буквально на всѣ части вѣта и материки, держитъ въ своемъ подчиненіи не менѣе 400 милліоновъ населенія, и въ ея владѣніяхъ въ полномъ смыслѣ слова икогда не заходитъ солнце, не прекращаются весна и лѣто,—такъ ни обширны, распространены по разнымъ географическимъ широтамъ и долготамъ въ полушаріяхъ: западномъ и восточномъ, сѣверомъ и южномъ.

Съ той поры, какъ зародилась у насъ, въ Россіи, культ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. со временъ Петра Великаго вые появилась болѣе или менѣе опредѣленная забота и дум родномъ образованіи. Начало, положенное этому великому дѣ Петрѣ I, получило нѣкоторое развитіе при Екатеринѣ II, но чительно однако въ законодательномъ отношеніи. Насаж у насъ Екатериною II крѣпостное право отняло у всей с государственнаго образованія живое, естественное, благот воздѣйствіе его на жизнь и окончательно парализовало проявленіе сколько-нибудь правильнаго развитія народна зованія. Это послѣднее получило фактическое и юридическо бытія лишь въ царствованіе Александра II, послѣ освобо крестьянъ.

Такимъ образомъ народное образованіе у насъ—дѣло юное. Въ смыслѣ государственнаго установленія, болѣе ил организованнаго, приведеннаго въ систему и послѣдователь пространяемаго, оно имѣетъ у насъ, въ Россіи, немного бол верти вѣка. Мало-мальски благоустроенныя народныя школ отчасти удовлетворяющія педагогическимъ требованіямъ, возникать въ провинціальныхъ городахъ и деревняхъ однов съ открытіемъ земскихъ учрежденій, и преимущественно, единственно, благодаря послѣднимъ.

Успѣхи народнаго образованія у насъ выражаются, въ с въ слѣдующихъ цифрахъ. Изъ десяти дѣтей школьнаг раста (отъ 7 до 14 лѣтъ) начальное образованіе въ пре Европейской Россіи едва доступно лишь одному изъ нихъ, з изъ 100 дѣтей—едва 10 человѣкамъ. Такой ограниченны дѣтей, которыхъ могутъ обнять собою существующія ныя школы, въ сильной степени парализуетъ благотворное ствіе образованія на складъ, ходъ и строй сельскаго быт чтожная частица грамотнаго населенія какъ бы тонетъ, ряется въ общей тьмѣ народнаго невѣжества; мракъ массь ленія нерѣдко заглушаетъ даже и простую грамотность, та бываютъ случаи *рецедива безграмотности* (возвращені мотнаго къ первоначальной безграмотности) въ сельскомъ нас

Таковъ, къ сожалѣнію, законъ «вліянія массы», имѣющ не въ одной физической области, но и въ сферѣ нравственной Именно въ виду непреложности этого закона, люди, искрен данные дѣлу народнаго образованія, понимающіе главенств роль его въ государственной жизни и дѣятельности, при н *деніи* у насъ регулярныхъ народныхъ школъ, усилен

гаивали и доказывали, что въ этомъ дѣлѣ нельзя останавливаться а полпути,—нельзя затягивать на безконечно долгое время дѣла, ребующаго немедленнаго практическаго осуществленія. И усилія ти не пропадали даромъ. Худо-ли, хорошо-ли, но дѣло народнаго бразованія неуклонно подвигалось и подвигалось впередъ, при ружномъ сочувствіи общества, хотя, правда, очень медленно. Былъ оментъ, когда не только въ обществѣ, въ педагогической и общей ечати и въ средѣ педагоговъ, но даже и въ правительственныхъ ферахъ вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго обученія поучилъ было замѣтное движеніе. Въ исходѣ напримѣръ 70-ыхъ одовъ министерство народнаго просвѣщенія дѣятельно и серьезно анималось этимъ вопросомъ. Но затѣмъ—все затихло, и въ послѣдія десять лѣтъ замѣчается даже застой въ дѣлѣ народнаго обраованія.

Къ величайшему удивленію, въ этой области дѣятельности, гдѣ ъ сущности все такъ просто и ясно по силѣ основного закона уставъ 1874 года), почему-то смѣшались и перепутались воззрѣія на задачи и потребности народнаго образованія—самымъ проивуестественнымъ образомъ. Если разобраться въ этой сутолокѣ водоворотѣ крайне разнорѣчивыхъ и совершенно произвольныхъ нѣній и взглядовъ,—опредѣляются слѣдующія господствующія аправленія. По мнѣнію однихъ, для всего сельскаго населенія необходима лишь простая грамотность, но ни въ какомъ случаѣ не ачальное образованіе. Другіе, дико придерживаясь взгляда: «провѣщенье—вотъ чума», считаютъ совсѣмъ ненужною даже и протую грамотность, и подъ именемъ народнаго образованія не прочь идѣть простое, голое обученіе трудового класса прикладнымъ наніемъ, наивно полагая въ простотѣ невѣдѣнія, будто-бы осмысленная передача какихъ-бы то ни было прикладныхъ знаній можетъ быть по силамъ совершенно безграмотному населенію. Третьи о сихъ поръ еще не могутъ примириться съ мыслью, что земскія городскія общественныя учрежденія, а также частныя лица и бщества могутъ заботиться о нуждахъ народнаго образованія. На ихъ, слишкомъ ужъ упрощенный, взглядъ,—«на то есть начальство, которое и заботится о насъ». Обязанность-же общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ по ихъ мнѣнію—только давать деньги на народное образованіе, безъ всякаго активнаго участія въ расходованіи ихъ. Наконецъ есть и такіе, которые позволяютъ себѣ открыто проповѣдывать неправоспособность будто-бы даже и министерства просвѣщенія въ завѣдываніи и руководствѣ народнымъ образованіемъ; *будто-бы* для Россіи, въ противность всему осталь-

ному образованному міру, никакихъ особенныхъ учительскихъ минарій, никакихъ спеціально подготовленныхъ народныхъ телей—вовсе даже не требуется...

Всѣ эти измышленія были-бы только смѣшны и жалки по нелѣпости, если-бы они не вели къ печальнымъ послѣдствіям дѣлѣ. Смѣшными-же и жалкими они оказываются потому, что основной законъ о народныхъ училищахъ, такъ и всѣ послѣ щія правительственныя распоряженія по этому предмету, до нія правилъ о церковно-приходскихъ училищахъ (въ 1884 г включительно, не даютъ никакого повода къ извращенному то ванію узаконеннаго порядка вещей.

Но, повторяемъ, въ сферѣ практической дѣятельности по на ному образованію произошла большая путаница понятій, неси даже на простоту и ясность основного органическаго за по этому предмету. Въ результатѣ же такой путаницы явился значительный застой въ этой отрасли общественной тельности, который особенно остро ощущается именно въ насто время. Русскій человѣкъ вообще не твердъ въ пониманіи зако не устойчивъ на законной почвѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго этому, что, въ виду тѣхъ долго уже продолжающихся кривотол о задачахъ и цѣляхъ народнаго образованія, — хотя и воп положительному закону о немъ,—даже многія изъ земскихъ родскихъ общественныхъ учрежденій, очень сочувственно и э гично относившіяся прежде къ образованію народа, останови въ нерѣшительности, или даже стали систематически урѣзы свои расходы на эту первѣйшую, насущнѣйшую жизненную требность.

Такой прискорбный фактъ заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вн нія, что у насъ успѣла уже народиться даже особаго рода педа ческая литература, такъ сказать, *анти-педагогическаго* свой имѣющая дерзость воздвигать даже гоненіе на все, что́ есть ра наго въ нашемъ начальномъ обученіи. Это вызываетъ естестве опасеніе, какъ-бы намъ не вступить въ полосу *одичанія* въ народнаго образованія, какъ-бы ни началось *огульнаго отри нія* въ этой области всего раціональнаго, что добыто усиліями ловѣчества и насаждено на родной нашей нивѣ дружными усил самоотверженныхъ русскихъ дѣятелей. Истолкователемъ э «отрицательныхъ» вѣяній явился между прочимъ нѣкто Н. бовъ въ своихъ «Задачахъ русской народной школы». По его нію, высказываемому тономъ не пререкаемаго авторитета, но *всякихъ до*казательствъ, главный недостатокъ существующаго

тода обученія и воспитанія въ народной школѣ заключается въ усвоеніи нашими педагогами «протестантскихъ взглядовъ», въ силу которыхъ протестантъ «хочетъ слѣдовать только тому, въ чемъ онъ убѣдился доводами разсудка». Принципъ же воспитанія въ духѣ католицизма и православія,—какъ полагаетъ г. Горбовъ,—долженъ заключаться «въ подчиненіи своего существа подъ власть авторитетовъ».

«Это различіе—говоритъ г. Горбовъ—должно рѣшающимъ образомъ вліять какъ на методъ обученія, такъ и на дисциплину, и на всѣ порядки школы... Смотрѣть на ребенка, какъ на существо, которое надо развить и съ которымъ надо обходиться согласно требованіямъ природы; отыскивать въ немъ законъ развитія, которому должно слѣдовать; развивать его способности и силы, преслѣдовать формальныя цѣли обученія; ничего не позволять зубрить, т. е. учить безъ полной сознательности и пониманія; убѣждать ребенка въ истинѣ внутренними доводами... все это—протестантскіе принципы; все это—протестантскій способъ обученія».

Слѣдуя такимъ образомъ возвѣщаемому г. Горбовымъ «православному» методу воспитанія и обученія, оказывается, что при изученіи напримѣръ четырехъ правилъ ариѳметики только протестантъ имѣетъ право слѣдовать «доводамъ разсудка»; православный-же и католикъ должны принять все на-вѣру, взять памятью, отупляющей зубристикой...

То, что г. Горбовъ такъ самодовольно, съ такимъ самомнѣніемъ возвѣщаетъ, какъ нѣчто, будто-бы, новое, есть въ дѣйствительности общеизвѣстная, давно отвергнутая за непригодностью *старина*. Методъ, провозглашаемый г. Горбовымъ, это—*іезуитскій методъ* воспитанія и обученія, вовѣки проклятый и отвергнутый во всемъ образованномъ мірѣ!... И г. Горбовъ поступилъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ опрометчиво, припутавъ тутъ «православіе».

Вотъ что значитъ пытаться «доходить своимъ умомъ» до того, до чего другіе давнымъ давно уже додумались. Усиливаясь «открыть Америку», г. Горбовъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Никакого спеціальнаго «протестантскаго способа обученія» конечно нѣтъ и быть не можетъ. Для народовъ всевозможныхъ національностей и вѣроисповѣданій обязателенъ одинъ *индуктивный* методъ обученія, какъ единственно разумный, единственно пригодный для цѣлей обученія и воспитанія, естественно вытекающій изъ психологическихъ особенностей дѣтской натуры, и потому—воспринятый во всемъ мало-мальски образованномъ мірѣ, безъ всякаго различія по вѣроисповѣданіямъ.

Велико-же однако должно быть общественное помраченіе, если оказывается *возможнымъ* съ такимъ апломбомъ печатно возвѣщать

сумасбродное отрицаніе всего, что есть разумнаго въ дѣлѣ обученія и воспитанія, и совѣтывать возвратъ къ тому недоброму и, слава Богу, далекому уже прошлому, когда ученіе было мученіемъ, когда учили, не воспитывая. Въ виду этого, естественно является потребность оглянуться на все прошлое нашей народной школы—на то, какъ она зарождалась, организовалась и распространялась, такъ какъ во всемъ этомъ есть разумная законность, причинность и цѣль.

Говорить-же объ этомъ—значитъ говорить о баронѣ Николаѣ Александровичѣ Корфѣ, какъ первомъ насадителѣ и распространителѣ у насъ нормальной народной школы, въ томъ именно видѣ ея, который впослѣдствіи и узаконенъ правительствомъ, —какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ области именно народнаго образованія. Сынъ обрусѣвшаго остзейца, аристократъ по происхожденію и воспитанію, баринъ по привычкамъ и состоянію, располагая знатнымъ родствомъ и огромными связями, онъ однако не пошелъ открытою передъ нимъ дорогою почестей, знатности, крупныхъ отличій и чиновъ, громкихъ и видныхъ должностей, а скромно и самоотверженно отдался совсѣмъ новой въ его время и вовсе не замѣтной роли организатора народной школы, или иначе—разумнаго первоначальнаго обученія. На этомъ скромномъ но очень важномъ въ государственномъ отношеніи поприщѣ дѣятельности баронъ Н. А. Корфъ еще при жизни стяжалъ громкую и почетную извѣстность отъ края-до-края Россіи и блестяще вписалъ свое имя на страницахъ исторіи нашего отечественнаго народнаго образованія, составляющаго основу всего просвѣтительнаго дѣла въ государствѣ.

I.

Раннее дѣтство.

Скитальческая жизнь. — Смерть матери. — Жизнь въ домѣ мачихи. — Двухлѣтнее пребываніе въ Воронежской губерніи и благотворное вліяніе его. — Годичное пребываніе въ Новгородѣ, въ домѣ отца. — Нравственный образъ Корфа-отца. — Круглое сиротство и общій итогъ ранней дѣтской поры.

Очень неблагопріятно сложилось раннее дѣтство барона Николая Александровича Корфа и протекло въ высшей степени своеобразно. Въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, отъ двухъ до 10-ти лѣтъ, онъ выпужденъ былъ вести поистинѣ скитальческую жизнь, побывавъ въ этотъ промежутокъ времени въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Москвѣ, Воронежской губерніи, Новгородѣ, Лифляндской губерніи и Петербургѣ. Такимъ образомъ онъ былъ лишенъ того, что называется *родиною* въ строгомъ смыслѣ слова. Это однако не отразилось вредно на его воспитаніи, на которое вліяютъ не только семья и школа, но и вся вообще житейская обстановка. Эта же послѣдняя была милостива къ маленькому барону, пощадивъ въ немъ душевную и тѣлесную чистоту, внушивъ ему высокое патріотическое чувство и горячую любовь къ русскому народу.

«Житейская обстановка», въ виду исключительныхъ условій ранней дѣтской поры барона Корфа, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Разобраться въ ней помогаетъ самъ баронъ Корфъ, оставившій «Посмертныя записки», напечатанныя въ III, IV и V книжкахъ «Русской Старины» за 1884 годъ (подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго»), но доведенныя къ сожалѣнію авторомъ ихъ лишь до окончанія имъ курса въ Александровскомъ лицеѣ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ родился въ Харьковѣ 2 іюля 1834 года. Отецъ его, Александръ Федоровичъ Корфъ, былъ изъ остзейскихъ дворянъ, но совершенно обрусѣвшій; онъ получилъ образованіе въ «Лицейскомъ пансіонѣ», бывшемъ въ ту пору самостоятельнымъ *учебнымъ* заведеніемъ, и женился на малороссіянкѣ

получивъ за нею въ приданое помѣстье Нескучное, Александро-скаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Маленькому Колѣ еди исполнилось около года, какъ мать его умерла, такъ что у него н сохранилось никакихъ воспоминаній о материнскихъ попеченіяхъ о ласкахъ матери. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, отецъ ег вступилъ во второй бракъ, мотивируя такой шагъ передъ своим родными желаніемъ, чтобы осиротѣвшій Коля не былъ лишенъ м теринскаго ухода. Случилось-же однако совсѣмъ наоборотъ.

Въ своихъ «Запискахъ» баронъ Н. А. Корфъ ничего не говорит непосредственно о мачихѣ; но все то, что разсказываетъ онъ о своем раннемъ дѣтствѣ, доказываетъ, что второй бракъ отца внесъ в домъ большой разладъ, и маленькій Коля былъ не любимъ мачихо Помимо отца, очень любившаго его и оставившаго въ немъ свѣтлу и признательную память, мальчикъ имѣлъ еще вѣрнаго и предан наго друга въ лицѣ няни своей, Елены Ивановны Альберти, приняв шей его груднымъ младенцемъ отъ матери и воспитывавшей до ше стилѣтняго возраста. Эта уроженка города Риги была не дюжинною личностью. Она научила своего питомца читать по-русски и по-нѣ мецки, познакомила его съ начатками христіанской вѣры въ форм бесѣдъ о Христѣ и съ увлеченіемъ обучала русскимъ пѣснямъ Вся дворовая прислуга въ домѣ отца, которой также приходилос терпѣть отъ второй его жены, особенно бережно и любовно относи лась къ маленькому Колѣ, какъ сироткѣ, прославляя предъ ним память его покойной матери. Тѣмъ не менѣе положеніе ребенка в глазахъ мачихи было настолько не нормально, что не исполнилос еще Колѣ шести полныхъ лѣтъ, какъ отецъ, скрѣпя сердце, вы нужденъ былъ удалить его изъ дому для его-же пользы.

Маленькаго Колю, успѣвшаго уже пожить до этого времени в Екатеринославѣ и находившагося тогда въ Москвѣ, гдѣ жилъ ег отецъ по вступленіи во второй бракъ,—увезла съ собою въ Во ронежскую губернію родная его тетка, сестра матери, Татьяна Ти моѳеевна (также Корфъ по мужу). Эта умная женщина, вдова уже, имѣвшая двоихъ дѣтей (сына и дочь), такъ серьезно отно силась къ ихъ воспитанію, что ради этой цѣли переѣхала н житье изъ своего родового помѣстья Погромца въ сосѣднее с нимъ помѣстье Волчье, принадлежавшее Д. Д. Градовскому, отц покойнаго профессора и публициста, гдѣ домашнее обученіе был поставлено на широкую ногу и организовано замѣчательно умно. В домѣ Градовскаго, подъ личнымъ его наблюденіемъ и руковод ствомъ, была организована регулярная «семейная школа», с *должнымъ* штатомъ преподавателей и строго установленной пр

граммой обученія. Въ этой школѣ, кромѣ двухъ дѣтей Градовскаго, обучалось еще пятеро дѣтей его сосѣдей. Главою и душою школы былъ самъ Градовскій, относившійся къ чужимъ дѣтямъ совершенно такъ-же, какъ къ своимъ роднымъ. Для той отдаленной эпохи (т. е. начала 40-ыхъ годовъ) серьезное, сознательное отношеніе къ домашнему обученію было большою рѣдкостью.

Съ восторгомъ воспоминаетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ» о времени, проведенномъ имъ въ Воронежской губерніи, у тетушки Татьяны Тимоѳеевны Корфъ, и въ Волчьемъ, т. е. въ школѣ Д. Д. Градовскаго. Это—самая счастливая, яркая и радужная пора во всемъ его дѣтствѣ. За время пребыванія въ этомъ уголкѣ Малороссіи, въ которой находилось также и родовое его помѣстье Нескучное, онъ не только сжился, сроднился съ Малороссіею, но, можно даже сказать,—*приросъ* къ селу. Во всю послѣдующую пору школьнаго его ученія, село вообще и Малороссія въ частности были цѣлью его стремленій, его мечтою. Куда ни забрасывала его капризная судьба въ дѣтскомъ, отроческомъ и юношескомъ возрастѣ,— село неотступно было передъ нимъ, и онъ постоянно лелѣялъ мечту сдѣлать что-нибудь полезное и разумное въ родномъ своемъ имѣніи.

Такую привязанность къ сельской жизни породили тѣ замѣчательно благопріятныя условія, въ которыхъ онъ находился, живя и учась въ помѣстьѣ Градовскаго. Тамъ не морили надъ книгою, не угнетали физической и духовной природы дѣтей ученіемъ. Въ лѣтнюю напримѣръ пору, продолжающуюся на югѣ мѣсяцевъ семь, дѣти проводили надъ книгою не болѣе четырехъ часовъ, занимаясь остальное время на дворѣ, въ саду, лѣсу, полѣ, на лугу. Такая постановка занятій, какъ нельзя болѣе благопріятная въ физическомъ отношеніи, воспитывала характеръ, развивала наблюдательность, самодѣятельность и самостоятельность. Въ распоряженіе дѣтей были предоставлены всевозможныя удовольствія, какъ-то: уженье рыбы, купанье, верховая ѣзда, обработка собственныхъ грядъ и проч. Кромѣ того почти каждый изъ дѣтей имѣлъ своихъ ручныхъ кроликовъ, перепеловъ, жеребятъ и пр.

Къ этому нужно прибавить еще роскошныя условія окружающей природы, со степнымъ привольемъ, садомъ, лѣсомъ, лугами и рѣкою. Не послѣднюю роль конечно играло и кормленіе на славу, какъ и подобало прежней «житницѣ Россіи», до сихъ поръ еще славящейся своею кукурузою, тыквенною кашею, варениками, варенцомъ и арбузами, такими сочными, что ихъ можно ѣсть не *иначе, какъ ложками*. Маленькій Коля именно у своей тетушки

Т. Т. Корфъ и въ семьѣ Д. Д. Градовскаго получилъ гла
образомъ закваску коренного русскаго домашняго воспитанія
чемъ конечно не послѣднюю роль играли и богатая кутья
нунѣ Рождества, и торжественная встрѣча Пасхи.

Отзываясь съ большою похвалою о семейной школѣ Г
скаго, ея порядкахъ и учителяхъ, Н. А. Корфъ съ особенн
бовью и признательностью останавливается на личности шве
Бешра, какъ талантливаго педагога. Этотъ добрый, умны
вой и разносторонне свѣдущій руководитель былъ не тол
рошимъ преподавателемъ французскаго языка, но и воодуш
нымъ товарищемъ дѣтскихъ игръ, разнаго рода занятій
жемъ воздухѣ и затѣй. Нисколько не въ ущербъ престижу
и воспитателя, Бешра умѣлъ быть ребенкомъ съ дѣтьми,
дался даже строить вмѣстѣ съ ними мельницы на ручья
упуская однако случая сообщать имъ при этомъ и разн
лезныя свѣдѣнія, но умѣя не надоѣдать своими поученія
нятно, что у такого преподавателя знаніе французскаго
само собою переливалось въ дѣтей, и Коля, въ придачу
скому и нѣмецкому языкамъ, овладѣлъ еще и французск

Благопріятныя условія воспитанія въ семьѣ Градовска
бенно-же грандіозныя картины южно-русской природы, с
личавостью и ширью, съ ея табунами въ 500 лошадей,—о
въ душѣ ребенка неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Э
жизни была особенно благопріятна для маленькаго Коли е
томъ отношеніи, что тетка, на попеченіи которой онъ нах
какъ сестра покойной его матери, невольно воплощала
образъ послѣдней,—и ребенокъ не чувствовалъ своего сиро

Къ сожалѣнію, только два года продолжался этотъ
періодъ въ жизни Коли, съ 6-ти до 8-ми лѣтъ. Совершенно
данно пріѣхалъ его отецъ и увезъ съ собою въ Новгоро
онъ состоялъ тогда управляющимъ палатою государственны
ществъ. Мальчикъ очень любилъ отца, сильно обрадова
пріѣзду, но тѣмъ не менѣе со слезами оставилъ школу Градо
Жить ему въ отцовскомъ домѣ было тяжело. Въ его от
умеръ вѣрный и преданный другъ его, няня Альберти, та
кромѣ самого отца, въ семьѣ не было для него близкаго че
Своихъ сестеръ, т. е. дочерей отца отъ второго брака, он
совершенно не зналъ. Его поселили въ отдѣльномъ фли
нѣмцемъ гувернеромъ. Этотъ послѣдній сильно подвинулъ
редъ въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ что 9-ти лѣтъ отъ род
съ восторгомъ прочиталъ Робинзона Крузе въ нѣмецкомъ изд

Манкируя занятіями, вводя въ обманъ Корфа-отца, гувернеръ-нѣмецъ однако принесъ пользу своему питомцу. Во время прогулокъ по Новгороду, онъ сумѣлъ заинтересовать мальчика историческими памятниками этого города, познакомивъ его со своеобразнымъ и поучительнымъ прошлымъ Новгорода и новгородцевъ, и внушилъ ему глубокое уваженіе къ его древностямъ.

Вспоминая о своемъ годичномъ пребываніи въ Новгородѣ, баронъ Н. А. Корфъ очень симпатично очерчиваетъ нравственный образъ своего отца, наиболѣе памятный ему въ это время. Это былъ человѣкъ образованный и независимый для своего времени. Не интересуясь высокими чинами, онъ избралъ скромный родъ службы, чтобы приносить пользу на мѣстѣ. И онъ дѣйствительно приносилъ ее. Спустя лѣтъ 15 послѣ его смерти, государственные крестьяне Новгородской губерніи съ благословеніемъ и благодарностью вспоминали о времени управленія его. Просителей-крестьянъ онъ принималъ не иначе, какъ въ кабинетѣ. Со своими крѣпостными обращался вполнѣ гуманно. Даже въ ту дикую пору крѣпостного разгула онъ не позволялъ себѣ обращаться со своей прислугой, бывшей изъ его-же крѣпостныхъ, въ формѣ приказаній и сурово запрещалъ дѣлать это своему маленькому сыну. Подъ вліяніемъ примѣра отца, баронъ Н. А. Корфъ очень рано началъ думать о томъ, какъ онъ будетъ относиться къ крестьянамъ, когда настанетъ его время, и что́ онъ обязанъ сдѣлать для нихъ.

Пребываніе въ Новгородѣ было послѣднимъ свиданіемъ маленькаго Коли со своимъ отцомъ, съ которымъ онъ десяти лѣтъ вновь разстался—и уже навсегда. Послѣ этого онъ всего одинъ разъ видѣлъ отца, въ Петербургѣ, но настолько разбитаго параличемъ, что тотъ едва узналъ своего сына.

Годъ жизни Коли въ Новгородѣ, въ домѣ отца, окончательно убѣдилъ послѣдняго въ невозможности дальнѣйшаго оставленія мальчика подъ своимъ кровомъ, и онъ отправилъ его въ Лифляндскую губернію, въ городъ Верро, гдѣ очень славилось въ то время учебное заведеніе Крюммера. Корфъ-отецъ умеръ въ 1847 году. Такимъ образомъ Н. А. Корфъ остался круглымъ сиротою 13-ти лѣтъ, проведши притомъ все свое дѣтство, начиная съ 6-ти-лѣтняго возраста, въ скитальчествѣ по разнымъ городамъ и весямъ Россіи, но вынесши однако изъ этого цѣлостное и сильное впечатлѣніе русскаго воспитанія.

-йся самимъ директоромъ, при полномъ сборѣ воспитанниковъ, -дъ звуки органа». Такой-же «теплый, семейный характеръ» -ѣли и акты, происходившіе въ этомъ учебномъ заведеніи, и гим-стическіе праздники въ огромномъ манежѣ при немъ, и катанье коонькахъ черезъ все озеро, примыкавшее къ саду заведенія, -ы участіи учителей и дирекціи. На всѣхъ этихъ празднествахъ и -звлеченіяхъ присутствовали жена и дочери директора, знавшія именамъ каждаго изъ воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ.

Такая замѣчательная постановка учебнаго заведенія объяс-ется «прекраснымъ подборомъ преподавателей» и замѣчательною -чностью директора Крюммера, котораго баронъ Корфъ называетъ -два-ли не лучшимъ педагогомъ изъ всѣхъ, съ которыми судьба -одила» его въ дѣтствѣ. Хорошо подготовленный дома по нѣмецкому -ыку, Коля не только не отставалъ отъ другихъ въ прохожденіи -ебнаго курса, но и настолько подвинулся впередъ въ знаніи и -ладаніи нѣмецкимъ языкомъ, что этотъ послѣдній на всю жизнь -алея какъ-бы вторымъ роднымъ его языкомъ. Но, помимо успѣха наукахъ, баронъ Корфъ обязанъ заведенію Крюммера и кой--мъ другимъ, что́ стоитъ даже выше знанія. По личному призна--ю барона Корфа, въ этомъ заведеніи «были заложены первые -новы политическаго или гражданскаго» его развитія.

Чувствуя себя въ доброй, согласной, дружной семьѣ, онъ вмѣ--ѣ съ тѣмъ по самому ходу и складу всей жизни заведенія, во -ѣхъ ея проявленіяхъ, познавалъ и сознавалъ на каждомъ шагу, -о существуетъ общество, существуютъ права и обязанности, всѣми -ажаемые обычаи; что общество и отдѣльная личность вправѣ -едъявлять другъ другу взаимныя требованія.

«Все это,—говоритъ баронъ Корфъ,—я познаалъ въ микроскопи--скомъ мірѣ товарищей, который имѣлъ однако свою организацію, -одную съ буршеншафтами германскихъ университетовъ. Не только -скальство, но и неуваженіе къ женщинѣ, угнетеніе слабаго, об--нъ, измѣна данному слову—безпощадно карались судомъ товари--ей. Директоръ и инспекторъ, равно какъ и всѣ учителя воспиты--ли въ насъ чувство отвѣтственности довѣріемъ къ намъ и предо--авленіемъ намъ возможно полной свободы, а не попеченіями -ской полиціи.»

Эта разумная организація школьнаго общежитія распространя--сь на весь режимъ учебнаго заведенія, не исключая даже забавъ игръ, которыя происходили при строгомъ соблюденіи правилъ, -тановленныхъ традиціями заведенія и свято охраняемыхъ судомъ -варищей, имѣвшимъ право подвергать провинившагося даже исклю--нію, признаваемому и начальствомъ. Благодаря такому установ--нію, *все формальное*, показное было чуждо этому заведенію, и

жизнь его шла плавно, гармонично, безъ всякихъ отклоненій. Ка-
кая-бы то ни было формалистика до такой степени была чуж-
духу этого заведенія, что воспитанники его не имѣли даже поня-
о томъ, что значитъ «ходить въ парахъ». Появляясь на город-
улицахъ не иначе, какъ гурьбою, они тѣмъ не менѣе не прои-
дили впечатлѣнія чего-нибудь неприличнаго, а имѣли видъ весе-
приличной, молодой компаніи, привыкшей свободно держать се-
не въ ущербъ достоинству.

Къ особенностямъ заведенія Крюммера на германскій по-
необходимо добавить еще, что новая мѣстность, люди и пр-
опять-таки германскаго-же характера сильно занимали малень-
Корфа. При отсутствіи хоть чего-либо похожаго на гнетъ или н-
смѣшки съ какой-бы то ни было стороны въ отношеніи исповѣду-
мой имъ православной вѣры, пользуясь даже уроками русска-
языка, мальчикъ однако жадно всасывалъ въ себя нѣмецкій эле-
ментъ и неизбѣжно онѣмечился-бы до полнаго забвенія всего ру-
скаго, не исключая и природнаго своего языка, при условіи продо-
жительнаго пребыванія въ Верро. Но ему суждено было прове-
тамъ лишь два года (1844 и 1845 гг.), примѣрно до одиннадца-
лѣтняго возраста. Не извѣстно, по чьему почину (отецъ его бы-
уже въ это время безнадежно боленъ) онъ былъ переведенъ въ Пе-
тербургъ, гдѣ ему суждено было получить коренное русское и пр-
вославное воспитаніе.

Въ это время въ Петербургѣ большою извѣстностью пользова-
пансіонъ Александра Яковлевича Филиппова, существовавшій бол-
30-ти лѣтъ и послѣ него, подъ управленіемъ членовъ той-же семьи.
Въ ту пору процвѣталъ уже столь распространенный въ настоящ-
время промыселъ «обязательнаго приготовленія» разными пансіо-
нами къ опредѣленному сроку, въ извѣстное учебное заведеніе,
съ ручательствомъ въ этомъ передъ наивными родителями и со взи-
маніемъ произвольно высокой платы, до 300 рублей въ мѣсяцъ и бо-
лѣе. Но пансіонъ А. Я. Филиппова рѣзко отличался отъ этого ти-
«промысловыхъ» учебныхъ заведеній, живущихъ, строго говоря,
обманомъ и родителей, и учащихся, и тѣхъ учебныхъ заведеній,
куда они готовятъ богатое и родовитое юношество. Это было въ
полномъ смыслѣ образовательное и воспитательное учебное заведе-
ніе, очень серьезно поставленное, гордое своимъ достоинствомъ и
успѣхами, неподкупное. Воспитанники Филиппова традиціонно
поступали во всевозможныя заведенія одними изъ первыхъ; тѣмъ
не менѣе онъ гнушался спеціализаціи «готовить» обязательно въ
тѣ или иныя учебныя заведенія. Пансіонъ его имѣлъ опредѣлен-

программу, хорошо примѣненную къ общеобразовательнымъ ребностямъ, а потому питомцы его и оказывались хорошо подвленными въ разныя учебныя заведенія. На просьбы даже выпоставленныхъ особъ относительно «приготовленія» въ то или гое заведеніе А. Я. Филипповъ гордо отвѣчалъ, что «приготовтъ только котлеты, а людей воспитываютъ и обучаютъ». Никія просьбы и убѣжденія не могли заставить его допустить въ заведеніе болѣе 30-ти воспитанниковъ, такъ какъ съ большимъ ичествомъ онъ считалъ невозможнымъ вполнѣ добросовѣстно ги дѣло съ той замѣчательной серьезностью, съ какою онъ отился къ этому дѣлу. Ни за кого изъ воспитанниковъ онъ не бралъ ѣе 300 рублей въ годъ, т. е. только ту сумму, которую другіе мали лишь за одинъ мѣсяцъ ученія.

Пансіонъ Филиппова былъ также строго семейною школою, гдѣ ъ директоръ, довольно многочисленная его семья и питомцы ли одною общею жизнью, дружно, согласно. Даже гостей своихъ иппповъ принималъ не иначе, какъ за общимъ столомъ съ питомки, не дозволяя при этомъ ни себѣ, ни другимъ чего либо лишняпротивъ того, что онъ могъ предложить и своимъ питомцамъ. характеръ этой семейной школы рѣзко отличался отъ тѣхъ хъ, въ которыхъ ему пришлось побывать—въ Волчьемъ и въ ро. Въ первой было истинно домашнее сельское приволье. Во рой—царилъ духъ германскаго студенчества, по преимуществу мократическій, направленный къ развитію личнаго достоинства воспитанію чувства долга. Въ третьей—семейственность сводиcь къ положенію сына, обязаннаго безпрекословно исполнять волю ца, «безъ разсужденій». Положеніе это опредѣляется «ежовыми кавицами», право которыхъ баронъ Корфъ старается объяснить мъ, что тогда «вѣровали не только въ возможность задержать боту мысли и безповоротно направить ее отечески-драконовскою астію, но и въ барабанный бой и шагистику».

По счастью однако, А. Я. Филипповъ былъ человѣкомъ не дюннымъ въ педагогическомъ отношеніи и умѣло вліялъ на своихъ томцевъ. Преподаваніе было поставлено такъ серьезно и основально, что даже дѣти сознавали и чувствовали, насколько знаніе мо въ себѣ носитъ награду за трудъ. Путемъ настойчивыхъ пореній, знанія вгонялись въ плоть и кровь учащихся, такъ что же дѣти придавали цѣну только отчетливому, сознательному, ѣренному знанію, какъ запасу на всю жизнь.

Филипповъ былъ всецѣло преданъ своей школѣ. День и ночь оводилъ онъ со своими питомцами, давая себѣ отдыхъ по вече-

рамъ лишь часа на два. Онъ принималъ участіе въ дѣтскихъ и
и считался лучшимъ игрокомъ въ мячъ, барры и пятнашк
начиналъ день чтеніемъ Евангелія воспитанникамъ; онъ-же о
венно и заканчивалъ его чтеніемъ вслухъ чего-нибудь
интереснаго,—и былъ лучшимъ чтецомъ. Самымъ-же тяж
наказаніемъ въ школѣ считалось, если директоръ, проща
воспитанниками при отходѣ ихъ ко сну, молча кланялся
нибудь изъ нихъ, не подавая при этомъ руки.

Баронъ Корфъ называетъ Филиппова «педагогомъ, любите
артистомъ своего дѣла, неусыпно работавшимъ по призв
Исключительно личному вліянію этого высоко-нравственнаг
завѣтно преданнаго своему дѣлу человѣка баронъ Корфъ о
педагогической карьерой.

«Въ пансіонѣ Филиппова,—говоритъ онъ,—подъ вліяніе
женія и привязанности къ директору и того увлеченія и умѣ
которыми онъ преподавалъ и воспитывалъ, я впервые полюбилъ
ное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую пр
самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ.
бытность въ этомъ пансіонѣ, одиннадцати и двѣнадцати лѣ
роду, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во м
годаря таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ препод
Бывало и хлѣбомъ меня не корми, а дозволь только товари
яснить ему что нибудь изъ преподаннаго за урокомъ; тутъ
разыграется бывало самодѣятельность, и станешь своими сп
выяснять товарищу то, что толковалъ учитель, а затѣмъ пре
ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: «Эхъ, вотъ, когда-
цѣлый классъ достался, такъ такъ бы!..» Мои первые опыты
даванія вѣроятно удались, такъ какъ вскорѣ стала собират
кругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подъ мо
ководствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе
вить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что дир
который и самъ, быть можетъ, не подозрѣвалъ того, кто за
въ меня своею талантливою и самоотверженною дѣятельност
вую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не
шую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной
новкѣ,—самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ.»

Но есть и еще кое-что другое, чѣмъ обязанъ баронъ
этому скромному пансіону и его прекрасному директору-пе
Въ этомъ учебномъ заведеніи «господствовали заповѣди
не на словахъ, а на дѣлѣ»,—какъ выражается баронъ
А. Я. Филипповъ, по убѣжденію, былъ гернгутеромъ, т. е
надлежалъ къ высоконравственной общинѣ, стремящейся
ствить культъ и образъ жизни первоначальныхъ христіански
щинъ. Гернгутеры, какъ извѣстно, стремятся къ возможн
шему осуществленію равенства на землѣ, но не разрушеніемъ

ю крови, а проповѣдью любви. Не трудно понять поэтому, какъ илъ директоръ своихъ питомцевъ относиться къ прислугѣ, бывшей его членомъ его семьи, а также и вообще къ меньшей братіи.

Это воспитательное вліяніе встрѣтило особенно благопріятную чву въ юномъ баронѣ Корфѣ, который былъ уже достаточно подтовленъ къ глубокому, сознательному воспріятію его и примѣромъ ца, и человѣчнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ въ Погромцѣ Волчьемъ, наконецъ и демократической закваской заведенія рюммера. Въ эту раннюю пору, примѣрно около 14-ти-лѣтняго зраста, у барона Н. А. Корфа созрѣли уже сознательное стремлее и потребность «служенія массѣ».

А. Я. Филиповъ умеръ отъ холеры въ 1848 году, во время ирѣпствовавшей въ Петербургѣ страшной эпидеміи. Въ концѣ того е года непосредственно изъ пансіона, перешедшаго къ брату поойнаго, баронъ Корфъ поступилъ въ лицей. Конкуренція была льшая. Отъ поступающихъ требовались знанія въ объемѣ первыхъ тырехъ классовъ гимназіи, съ добавленіемъ притомъ французкаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Но у Филиппова учили къ прочно, что юный баронъ Корфъ «не только не тревожился рспективою наступленія экзаменовъ, но втеченіи нѣсколькихъ дѣль, ему предшествовавшихъ, и книги не раскрывалъ».

III.

Лицей.

азница между лицеемъ и университетомъ.—Отрицательныя и пожительныя стороны лицейскаго обученія.—Работа барона Н. А. орфа надъ собственнымъ образованіемъ.—Первые литературные о опыты.—Педагогическая практика въ лицеѣ.—Успѣхи и поведеніе.

Въ противоположность весьма многимъ изъ бывшихъ лицеиговъ, относящихся въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ очень еодобрительно къ лицею, баронъ Корфъ прямо заявляетъ, что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ лицею своего времени» (1848—854 годовъ) и признаетъ его «весьма существеннымъ факторомъ ъ числѣ силъ, воспитавшихъ» его. Онъ находитъ, что «законъ полнѣ незаслуженно предоставляетъ лицеистамъ привилегироанное служебное положеніе», но это не мѣшаетъ ему относиться лицею «безъ предубѣжденія». Дѣлая сближеніе между лицеемъ

и университетомъ въ научномъ отношеніи, онъ безусловно отд... въ своихъ «Запискахъ» пальму первенства послѣднему; но ... протестуетъ противъ огульнаго обвиненія лицея въ «пустотѣ».

Лицей временъ барона Корфа имѣлъ шестилѣтній срокъ у... при четырехъ курсахъ, съ полуторагодичнымъ промежуткомъ ... каждомъ курсѣ. Въ двухъ младшихъ курсахъ (т. е. втеченіи тр... первыхъ лѣтъ обученія) была чисто школьная система преподав... нія, т. е. съ задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ. Втеченіи... трехъ послѣднихъ учебныхъ лѣтъ (въ двухъ старшихъ курсахъ) читались лекціи, но съ обязательной провѣркой (репетиціями) ... всѣмъ предметамъ прочитаннаго втеченіи предыдущаго мѣсяца.

Учебный курсъ лицея представлялъ удивительно пеструю см... осколковъ программъ историко-филологическаго, юридическаго ... физико-математическаго факультетовъ. Лицеистамъ преподавало... даже сельское хозяйство, причемъ въ лицейскомъ саду было ... дѣлено нѣсколько квадратныхъ саженей подъ «опытное поле», представлявшее понятно только карикатуру на «поле» и по ра... мѣру, и по результатамъ «опытовъ».

Эта необъятная многопредметность программы сама собою ... исключала возможность строго-научнаго преподаванія въ универ... ситетскомъ смыслѣ слова. Къ этому нужно прибавить еще, что ... составѣ преподавателей было не мало людей, рѣшительно не удо... летворявшихъ своему назначенію. Такъ напримѣръ, професс... Оболенскій, вмѣсто государственнаго права, читалъ русскіе госу... дарственные законы, ни однимъ словомъ не касаясь теоріи пра... сравнительнаго законодательства и исторіи права. Читалъ он... этотъ имъ самимъ состряпанный курсъ, не представлявшій собо... ровно ничего научнаго, по устарѣвшимъ литографированны... запискамъ, которыя онъ зналъ наизусть и потому произносилъ засыпая на каѳедрѣ. Профессоръ Георгіевскій читалъ, вмѣст... словесности и исторіи литературы, какую-то невозможную піитик... по имъ-же самимъ составленной книгѣ. По счастью этого піит... вскорѣ замѣнилъ профессоръ Я. К. Гротъ, читавшій очень содер... жательный курсъ исторіи русской словесности, вообще имѣвшій наилучшее вліяніе на слушателей и гуманностью воззрѣній, и горя... чею любовью къ своему предмету.

Ботаника преподавалась лицеистамъ на англійскомъ языкѣ, ... зоологія—на французскомъ. Преподаваніе нѣмецкой словесности сильно хромало. Не безъ грѣха было также и преподаваніе исторіи. Читалъ этотъ предметъ И. П. Шульгинъ, человѣкъ, довольно из... вѣстный въ свое время, обладавшій значительнымъ запасомъ зн...

ній, но сильно устарѣвшій. Онъ начиналъ свой курсъ съ весьма полнаго изложенія данныхъ изъ прекрасной книги Гизо «Исторія цивилизаціи въ Европѣ», вовсе не упоминая однако о послѣдней. Но, разманивъ у слушателей любовь и вкусъ къ исторіи, онъ преподносилъ имъ потомъ совершенно нестройный историческій ворохъ событій и фактовъ, съ такимъ произвольнымъ распредѣленіемъ на періоды, которое совершенно извращало внутреннюю зависимость и связь между историческими событіями. Неудивительно поэтому, что «курсъ русской и всеобщей исторіи,—какъ удостовѣряетъ баронъ Корфъ,—оставался безъ всякаго вліянія на политическое воспитаніе» слушателей.

«Шульгину и лицею я обязанъ самымъ возбужденіемъ аппетита (къ исторіи), за удовлетвореніе котораго усердно принялся послѣ выпуска изъ лицея, проклиная И. П. Шульгина за то, что за три года онъ не сдѣлалъ намъ ни одного указанія на литературу исторіи и источники, и за то, что на время съ 1789 года по 1815 г. онъ только намекнулъ, и о всѣхъ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 1815 годомъ, не произнесъ ни одного слова.»

Къ особенностямъ лицейскаго преподаванія той поры нужно прибавить еще крайнюю щепетильность, съ которою обходили все, что мало-мальски могло казаться щекотливымъ въ политическомъ отношеніи. Этою именно предвзятою цѣлью и объясняется, почему въ изложеніи новой исторіи былъ совершенно затушеванъ періодъ реформаціи, равно какъ и всѣ другія характернѣйшія историческія событія, совершенно преобразовавшія складъ, строй и культурное состояніе всей Европы. Характеризуя эту «щепетильность», баронъ Корфъ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующій фактъ. Отдавая справедливость профессору П. Д. Калмыкову, читавшему исторію русскаго права, за «воспитывающее значеніе» его курса, онъ тѣмъ не менѣе оговаривается, что даже этотъ «почтенный ученый» и «развитой человѣкъ», читавшій втеченіи трехъ лѣтъ, старался растянуть свой курсъ, чтобы именно не добраться до болѣе или менѣе «щекотливыхъ» эпохъ ближайшаго къ намъ времени. Баронъ Корфъ жалуется въ своихъ «Запискахъ» на этотъ пробѣлъ въ образованіи юношества, указывая на возможность «увлеченій и ошибокъ», вслѣдствіе предоставленія молодежи самой знакомиться «случайно и безъ критики», съ историческими событіями.

Указавъ на недостатки лицейскаго преподаванія, необходимо отмѣтить и хорошія его стороны. Считая невозможнымъ сравнивать лицейское преподаваніе съ дѣйствительно научною постановкою *университетскаго* преподаванія по факультетамъ, тѣмъ не м

нѣе нельзя не признать серьезнаго для того времени образовате- наго значенія курса лицея въ общемъ его составѣ и исполненіи.

Характеренъ слѣдующій разсказъ Корфа о своей лицейской пор-

«Поступивъ въ лицей, я въ первое время сталъ лѣниться не только читать, но и готовить уроки, и упросилъ нашего доктора принять меня на нѣсколько дней въ больницу; докторъ Н. И. Т- вастъ никогда не былъ знаменитымъ врачемъ, но славился своею добротою и, какъ оказывается теперь, былъ педагогомъ въ душѣ: при- нимая меня въ больницу, онъ не видѣлъ во мнѣ лѣнтяя, котораго онъ портитъ, поощряя его лѣнь, но юношу пятнадцати лѣтъ, кото- рый себѣ немного оскомину набилъ ученьемъ и которому хотѣлось отдохнуть; допустивъ меня въ больницу, онъ далъ мнѣ поскучать нѣсколько дней отъ одиночества и праздности, а затѣмъ сказалъ мнѣ: «не дать-ли вамъ какую нибудь книгу почитать?» Это пред- ложеніе было принято мною съ восторгомъ, и я не прочелъ, а про- глотилъ съ наслажденіемъ комедіи Мольера, присланныя мнѣ док- торомъ. «Не-пора ли въ лицей?» сказалъ мнѣ послѣ этого Тавастъ; «нѣтъ, дайте еще книгу», отвѣчалъ я ему. «Ну, извольте, но это ужъ будетъ послѣдняя, не правда ли?» «Даю слово», сказалъ я съ достоинствомъ истаго питомца Крюммера. Проблаженствовавъ еще три дня надъ интересною книгою, я возвратился въ классъ на- всегда выздоровѣвшимъ отъ нежеланія читать, и съ этихъ поръ книги уже не выпускалъ изъ рукъ, а учиться сталъ лучше и на- столько, что за послѣдніе три года пребыванія моего въ лицеѣ не- прерывно состоялъ первымъ по успѣхамъ и никогда ни изъ одного предмета не получалъ менѣе полнаго балла (12). Очень усердно за- нимаясь, я всегда находилъ время читать и усвоилъ себѣ при этомъ методъ, который вѣроятно не мало содѣйствовалъ къ тому, что-бы я могъ надлежащимъ образомъ переваривать прочитанное: изучая въ послѣдніе три года исторію словесности русской, фран- цузской, нѣмецкой и англійской, я старался въ чтеніи по возмож- ности поспѣвать за курсами профессоровъ и читать авторовъ именно тогда, когда разбирали ихъ на лекціяхъ профессора.»

Система репетицій заставляла серьезно и отчетливо работать. Это само собою наталкивало учащихся на чтеніе—и пробѣлы лек- цій успѣшно пополнялись путемъ серьезной самодѣятельности.

«Читали въ нашемъ курсѣ—говоритъ баронъ Корфъ — на рус- скомъ и трехъ иностранныхъ языкахъ, но на англійскомъ лишь не- многіе, хотя всякій изъ насъ и долженъ былъ въ послѣднемъ курсѣ писать сочиненія по-англійски. Я рѣшительно не помню, чтобы у насъ читались романы; если и читались, то весьма рѣдко, и я не прочелъ въ лицеѣ ни одного; но читалась масса классическихъ произведеній и научныхъ книгъ.» «Не только по литературамъ, но и изъ многихъ другихъ наукъ старались мы отвѣчать такъ, чтобы видѣли, что человѣкъ *читаетъ*.»

За указанными выше недостатками, составъ преподавателей былъ въ общемъ хорошъ. Наиболѣе связно и стройно былъ постав- ленъ юридическій отдѣлъ курса, преимущественно съ университет-

имъ составомъ преподавателей. Насколько лекторы французскаго
англійскаго языковъ были смѣшны въ роли натуралистовъ (какъ
еподаватели зоологіи и ботаники—по заказу и наряду), на-
лько наоборотъ они оказывались почтенными въ роли препода-
телей спеціальныхъ своихъ предметовъ. Не ограничиваясь раз-
ромъ изящныхъ произведеній лишь съ эстетической точки зрѣ-
, они старались всякое литературное произведеніе связать съ
временемъ и не чуждались исторіи научнаго и философскаго
звитія своего народа. Поистинѣ можно сказать: «гони природу въ
ерь,—она влетитъ въ окно». Тѣ пробѣлы, которые были въ пре-
даваніи нѣкоторыхъ гуманитарныхъ предметовъ, восполнялись до
вѣстной степени широкой и удачной постановкой преподаванія
анцузской и англійской литературъ.

Въ общемъ баронъ Н. А. Корфъ правъ, вспоминая свою лицей-
ую пору добрымъ словомъ, хотя ему пришлось учиться тамъ въ
ріодъ замѣны традиціоннаго «колокольчика» барабаннымъ боемъ
обязательной получасовой маршировки ежедневно, подъ руковод-
вомъ унтеръ-офицеровъ и наблюденіемъ инспектора лицея.

Съ малыхъ лѣтъ пріученный самостоятельно и отчетливо рабо-
ть, юноша-Корфъ серьезно и съ большою пользою трудился въ
цеѣ надъ своимъ самообразованіемъ. На лицейской скамьѣ онъ не
лько прочиталъ, но даже изучилъ въ подлинникѣ «Духъ законовъ»,
нтескьё, испещривъ собственный экземпляръ этой книги своими
ѣтками. Съ восторгомъ была прочитана имъ также и «Исторія ци-
лизаціи въ Европѣ», Гизо. Увлекался и запрещенными въ то вре-
«Записками по всеобщей исторіи» профессора педагогическаго
ститута Лоренца. Въ бытность въ послѣднемъ курсѣ лицея, у
го были отобраны инспекторомъ сочиненія Фейербаха, но его от-
ялъ профессоръ П. Д. Калмыковъ, доказавшій, что книга эта
мѣетъ ближайшее отношеніе къ теоріи права и потому должна
ть разрѣшена». Вообще баронъ Корфъ много и серьезно читалъ
всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ лицейскаго курса. У него рано
разовалась страсть покупать книги на свои средства. Во все
емя пребыванія въ лицеѣ, онъ получалъ по пяти рублей въ мѣ-
цъ на извозчиковъ и перчатки. Предпочитая ходить пѣшкомъ и
когда не надѣвая перчатокъ, онъ всѣ свои карманныя деньги
ликомъ обращалъ на книги, покупая послѣднія, ради дешевизны,
букинистовъ. Подъ вліяніемъ благотворной внутренней работы,
оша скоро понялъ, что «наука одна, что задача ея состоитъ въ
ученіи человѣка и природы и что различныя науки, по которымъ
таются лекціи подъ разными названіями, не что иное, какъ раз-

личныя точки зрѣнія все на того же человѣка и его дѣятельнос
и на природу». Цѣлый переворотъ въ душѣ юноши произвело
открытіе, разомъ осмысливъ ученіе, сдѣлавъ его задачею и цѣ
всей послѣдующей его жизни.

Рано зародилась у барона Н. А. Корфа страсть къ писательст
Еще бывши въ лицеѣ, онъ задумалъ переводить трагедію Кор
съ подлинника на нѣмецкій языкъ, который, подъ вліяніемъ толь
что прочитанныхъ имъ гекзаметровъ «Мессіады» Клопштока,
зался ему какъ-бы спеціально предназначеннымъ для «высок
стиля». Въ эту-же пору онъ написалъ три повѣсти, такъ и оста
шіяся къ сожалѣнію въ рукописяхъ, «въ качествѣ пожизнен
заключенныхъ, — иронизируетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запи
кахъ»,—просто по той причинѣ, что отъ этой неволи никто ни
не потерялъ и не потеряетъ». Очень жаль однако, что это «п
жизненное заключеніе» продолжается даже и послѣ смерти автор

Вкусъ къ литературнымъ занятіямъ развился у Н. А. Корф
подъ вліяніемъ даровитаго дяди его, барона Федора Федорови
Корфа, умершаго въ молодыхъ годахъ, извѣстнаго въ литератур
по его «Воспоминаніямъ о Персіи», по остроумнымъ фельетона
въ «Русскомъ Инвалидѣ» и по комедіямъ, которыя и до сихъ пор
еще держатся на театральной сценѣ. Ф. Ф. Корфъ также подд
тилъ страсть къ литературнымъ занятіямъ у своего племянника.
Однажды, считая племянника ушедшимъ, онъ сказалъ своей женѣ:
«вотъ единственный человѣкъ въ нашей семьѣ, который будетъ
писать». Въ виду уваженія къ литературному дарованію дяди, эта
аттестація привела юношу въ неописанный восторгъ, тѣмъ болѣе,
что, по высокому идеализму той поры и личнаго его направленія,
онъ смотрѣлъ на литературное дѣло, какъ на священнодѣйствіе.
Не представляя себѣ даже возможности существованія литераторовъ, торгующихъ совѣстью и перомъ, литераторовъ-хамелеоновъ, литераторовъ-пресмыкающихся, литераторовъ-доносчиковъ, онъ смотрѣлъ черезъ розовую юношескую призму на писательство, какъ на самую высшую ступень педагогической дѣятельности, въ смыслѣ просвѣщенія и руководства всею грамотною частью населенія. Педагоговъ-же, какъ мы знаемъ уже, онъ высоко цѣнилъ. Онъ сознавалъ уже, что за время своего ранняго безпріютнаго дѣтства рѣшительно всѣмъ обязанъ имъ. Кромѣ того, извѣдавъ гнетъ лично на самомъ себѣ, онъ возмущался несправедливымъ отношеніемъ общества къ лицамъ педагогической профессіи, особенно-же къ гувернерамъ и гувернанткамъ, какъ людямъ угнетеннымъ. Такимъ образомъ свои юношескія симпатіи къ педагогической дѣятельности

баронъ Корфъ перенесъ и распространилъ на литературную дѣятельность, сблизивъ въ своемъ представленіи два эти поприща дѣятельности, несомнѣнно имѣющія между собою очень много общаго.

Въ бытность еще въ младшемъ отдѣленіи лицея, т. е. на 16-мъ году жизни, барону Корфу пришлось серьезно извѣдать свои преподавательскія силы. Въ лицей поступилъ среди учебнаго года сынъ бывшаго въ то время нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Тріестѣ графа Кассини. Отлично подготовленный по всѣмъ предметамъ, онъ ни слова однако не зналъ по-русски. На вызовъ директоромъ желающихъ преподавать ему русскій языкъ, отозвался только баронъ Корфъ, въ годичный срокъ настолько подвинувшій Кассини въ русскомъ языкѣ, что тотъ владѣлъ имъ такъ-же свободно и правильно, какъ и природнымъ своимъ итальянскимъ. Этотъ успѣхъ Корфъ приписываетъ «богатымъ дарованіямъ ученика»; но нужно-же конечно отдать должное и «дарованію» юнаго учителя.

Въ старшемъ отдѣленіи лицея особенно труднымъ предметомъ считалась «теорія уголовнаго права». Передъ «репетиціями» изъ среды товарищей находились желающіе послушать разъясненія барона Корфа по этому предмету, что доставляло ему невыразимое удовольствіе. Не ускользнула отъ его вниманія и ничтожная школка грамотности, существовавшая въ лицеѣ для дѣтей находившихся въ немъ служителей, помѣщавшаяся въ лицейскомъ предбанникѣ, въ которой училъ діаконъ, посвященный изъ дьячковъ. Это была школа безпрерывнаго сѣченія, побоевъ, вопля и слезъ дѣтей, — какъ характеризуетъ ее баронъ Корфъ. Онъ посѣщалъ эту школу, но не извѣстно однако, какое именно участіе принималъ въ ней. Вообще-же во все время пребыванія его въ лицеѣ въ немъ былъ обостренъ интересъ къ педагогической дѣятельности. Какъ онъ самъ говоритъ въ «Запискахъ», «начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, не проводилъ ни однихъ каникулъ, не обучая какого-нибудь крестьянскаго мальчика».

Подводя общій итогъ вліянію лицея на барона Корфа, нельзя пройти молчаніемъ слѣдующей характерной подробности. «Единственнымъ профессоромъ,—говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ»,— косвенно, но сильно поддержавшимъ выработанную во мнѣ раньше мечту о работѣ на благо крестьянъ, былъ профессоръ и извѣстный того времени ученый Сахаровъ. Онъ читалъ намъ быть можетъ никому изъ насъ ненужную палеографію, обучая насъ разбирать и воспроизводить древнія рукописи, написанныя уставомъ, полууставомъ и скорописью; но важно то, что онъ былъ изъ первыхъ собирателей *народныхъ сказокъ* и преданій и, записавъ ихъ, напеча

талъ подъ именемъ: «Сказанія русскаго народа». Нѣкоторь насъ не только прочитали эту книгу, но и искали общества представителя народнаго начала въ нашей средѣ».

Серьезно работая, Корфъ прошелъ лицей однимъ изъ пе] получивъ однако серебряную медаль, вмѣсто золотой, за «і ніе». Вообще и въ пансіонѣ Филиппова, и въ лицеѣ баронъ никогда не былъ въ категоріи такъ-называемыхъ «благонраві Будучи отъ природы человѣкомъ кроткимъ, онъ тѣмъ не часто подвергался обвиненіямъ въ «дерзости»—только за пр за неумѣнье смолчать. Года-же за два до выпуска изъ лиц еще и курилъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, да притом неловко, что попадался и раза три сидѣлъ за куреніе въ кар

Эта школьная дрессировка совершенно не соотвѣтст нравственному облику барона Корфа, бывшаго въ это вре зрѣлымъ юношей, обращавшимъ на себя вниманіе препода серьезнымъ отношеніемъ къ занятіямъ. Объ этомъ можно между прочимъ по письму къ нему академика Я. К. Грота, бі профессоромъ его по лицею. Въ 1867 году, т. е. примѣрно 13 лѣтъ уже послѣ окончанія лицея, академикъ Гротъ ловомъ письмѣ своемъ къ барону Корфу между прочимъ гово

«За вашею дѣятельностью я всегда слѣдилъ, сколько м газетамъ и разнымъ статьямъ вашимъ, въ которыхъ, кромѣ роднаго образа мыслей и основательности познаній, обраща себя вниманіе и прекрасное перо. Задатки этого видѣлъ я лицейскихъ вашихъ упражненіяхъ и не забылъ вашего со объ исторіи Карамзина.»

IV.

Въ деревнѣ и на земской службѣ.

Девизъ барона Н. А. Корфа и обстоятельства, при которы жился его девизъ.—Полтора года коронной службы.—Возв въ деревню и женитьба.—Отношеніе къ крестьянамъ.—Само вательная работа барона Н. А. Корфа и спеціализація въ гическомъ отношеніи.—Баронъ Корфъ, нашъ земскій дѣя Школьное дѣло до и послѣ введенія земскихъ учрежденій.— Корфъ, какъ творецъ русской народной школы.—Роль на школы въ дѣлѣ сближенія разныхъ сословій.—Учебно-воспи ное дѣло, какъ соціальное по преимуществу.—Привлеченіе к тію въ школьномъ дѣлѣ всѣхъ мѣстныхъ интеллигентныхъ

«Не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ-нибудь—*de facto*» зъ, который установился у барона Николая Алек

ча Корфа еще на лицейской скамьѣ, и которому онъ остался вѣренъ всю послѣдующую свою жизнь. Замѣчательно, что этотъ строй и высокій нравственный принципъ сложился у юнаго барона при такихъ обстоятельствахъ, которыя обыкновенно приводятъ къ прямо обратному результату.

Въ числѣ петербургскихъ родственниковъ Корфа, принявшихъ участіе въ его воспитаніи во время круглаго сиротства, былъ и знаменитый въ свое время баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, впослѣдствіи графъ. Въ домѣ его, какъ своего дяди, юноша Корфъ часто бывалъ. Это былъ человѣкъ высоко даровитый, разносторонне развитый, гуманный и неподкупно честный. Дѣятельность его, какъ директора публичной библіотеки, которой онъ былъ преданъ съ увлеченіемъ, со страстью, въ высшей степени обаятельно дѣйствовала на юношу Корфа, разжигая и усиливая въ немъ любовь къ книгамъ, уваженіе къ знанію, жажду къ разносторонности образованія. Не менѣе сильное и обаятельное впечатлѣніе производилъ на него дядя и своимъ дневникомъ, который онъ съ истинно нѣмецкою аккуратностью велъ за десятки лѣтъ, хранилъ въ величайшемъ порядкѣ и читалъ иногда въ своей семьѣ. «Независимо отъ интереса, возбуждавшагося самымъ содержаніемъ,—говоритъ баронъ Н. А. Корфъ, — во мнѣ это чтеніе поселяло какое-то неопредѣленное, но и непреодолимое желаніе послужить обществу и сдѣлать что-нибудь для отечества». Наконецъ юноша Корфъ симпатизировалъ своему сановитому и высокопоставленному дядѣ, какъ бывшему лицеисту, окончившему курсъ въ одно время съ Пушкинымъ. Но блестящая служебная карьера дяди, его сановитость и высокопоставленность производили на юношу-племянника менѣе даже чѣмъ не обаятельное вліяніе.

Отсылая интересующихся мотивами этого характернаго явленія къ «Запискамъ» барона Корфа, замѣтимъ лишь, что именно тѣ обстоятельства, которыя побуждаютъ другихъ «дѣлать карьеру» во что бы то ни стало, повернуло барона Н. А. Корфа прямо въ обратную сторону. Это свидѣтельствуетъ о цѣльности и стойкости нравственной его личности въ раннюю юношескую пору, объ отсутствіи разлада между словомъ и дѣломъ. Все это и вылилось въ оригинальную формулу самаго высокаго и благороднаго честолюбія: «не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ-нибудь—*de facto*».

Выпущенный изъ лицея въ 1854 году, двадцати лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, въ которомъ очень немногіе счастливцы въ наше время едва-едва добиваются аттестата зрѣлости, баронъ Н. А. Корфъ, *какъ не имѣвшій еще* должнаго гражданскаго совершенно-

лѣтія, чтобы наслѣдовать родовое свое помѣстье по матери, нуженъ былъ, по настоянію родныхъ, поступить на государственную службу, въ департаментъ министерства юстиціи. Но эта ронная служба продолжалась всего лишь полтора года, т. е. наступленія полнаго совершеннолѣтія. Баронъ Н. А. Корфъ сознавалъ, что родство и связи, успѣшное окончаніе лицея и вые-же шаги по службѣ открываютъ ему блестящую карьеру наивысшихъ ступеней въ служебной іерархіи. Но душа жаждала иной дѣятельности, и живая, отзывчивая натура его рѣшительно не мирилась съ канцелярскимъ дѣломъ. Поэтому, какъ только наступило время полновластнаго унаслѣдованія родового своего помѣстья Нескучнаго, въ Екатеринославской губерніи, баронъ Н. А. Корфъ, вопреки настойчивымъ уговорамъ и совѣтамъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ петербургскихъ родственниковъ, бросилъ службу и Петербургъ, уѣхалъ въ свою деревню. Этотъ фактъ, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ барону Н. А. Корфу, послужилъ поводомъ почти къ полному разрыву его съ богатыми и вліятельными петербургскими родственниками, подъ покровительствомъ которыхъ онъ находился во время одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ и которые готовили ему совершенно иной жизненный путь.

Поселившись въ своемъ Нескучномъ, баронъ Н. А. Корфъ женился 22 лѣтъ отъ роду на дочери одного изъ сосѣднихъ по имѣнію помѣщиковъ, Маріи Михайловнѣ Клевцовой. Какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», женитьба «разлучила» его съ самымъ близкимъ ему человѣкомъ за все время пребыванія въ Петербургѣ, родной теткой его по отцу, Е. Ф. Кёлеръ, «служившей матерью въ лучшемъ смыслѣ слова». Но, какъ видно изъ его «Записокъ», онъ былъ вполнѣ счастливъ въ супружествѣ.

Короче говоря, очутившись въ положеніи самостоятельнаго, женатаго екатеринославскаго помѣщика, онъ какъ бы «сжегъ корабли» своего привилегированнаго происхожденія и воспитанія, своего знатнаго родства и связей. Но это какъ бы даже облегчило барону Корфу возможность зажить въ своемъ Нескучномъ очень дѣятельною и разумною жизнью, не замедлившею принести громадную и во вѣки незабвенную общегосударственную пользу.

Поселившись въ своемъ помѣстьѣ, баронъ Корфъ очутился въ средѣ крестьянъ, обожавшихъ память его матери, нянчившихъ и всячески баловавшихъ его, когда онъ лишился матери. Даже въ то время, когда онъ жилъ у тетки, въ Воронежской губерніи, нескучненскій приказчикъ, пѣшкомъ пришедшій изъ Екатеринославско-

лѣтія, чтобы наслѣдовать родовое свое помѣстье по матери, вынужденъ былъ, по настоянію родныхъ, поступить на государственную службу, въ департаментъ министерства юстиціи. Но эта коронная служба продолжалась всего лишь полтора года, т. е. до наступленія полнаго совершеннолѣтія. Баронъ Н. А. Корфъ ясно сознавалъ, что родство и связи, успѣшное окончаніе лицея и первые-же шаги по службѣ открываютъ ему блестящую карьеру до наивысшихъ ступеней въ служебной іерархіи. Но душа жаждала иной дѣятельности, и живая, отзывчивая натура его рѣшительно не мирилась съ канцелярскимъ дѣломъ. Поэтому, какъ только наступило время полновластнаго унаслѣдованія родового своего помѣстья Нескучнаго, въ Екатеринославской губерніи, баронъ Н. А. Корфъ, вопреки настойчивымъ уговорамъ и совѣтамъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ петербургскихъ родственниковъ, бросилъ службу и Петербургъ, уѣхалъ въ свою деревню. Этотъ фактъ, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ барону Н. А. Корфу, послужилъ поводомъ почти къ полному разрыву его съ богатыми и вліятельными петербургскими родственниками, подъ покровительствомъ которыхъ онъ находился во время одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ и которые готовили ему совершенно иной жизненный путь.

Поселившись въ своемъ Нескучномъ, баронъ Н. А. Корфъ женился 22 лѣтъ отъ роду на дочери одного изъ сосѣднихъ по имѣнію помѣщиковъ, Маріи Михайловнѣ Клевцовой. Какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», женитьба «разлучила» его съ самымъ близкимъ ему человѣкомъ за все время пребыванія въ Петербургѣ, родной теткой его по отцу, Е. Ф. Кёлеръ, «служившей матерью въ лучшемъ смыслѣ слова». Но, какъ видно изъ его «Записокъ», онъ былъ вполнѣ счастливъ въ супружествѣ.

Короче говоря, очутившись въ положеніи самостоятельнаго, женатаго екатеринославскаго помѣщика, онъ какъ бы «сжегъ корабли» своего привилегированнаго происхожденія и воспитанія, своего знатнаго родства и связей. Но это какъ бы даже облегчило барону Корфу возможность зажить въ своемъ Нескучномъ очень дѣятельною и разумною жизнью, не замедлившею принести громадную и во вѣки незабвенную общегосударственную пользу.

Поселившись въ своемъ помѣстьѣ, баронъ Корфъ очутился въ средѣ крестьянъ, обожавшихъ память его матери, няньчившихъ и всячески баловавшихъ его, когда онъ лишился матери. Даже въ то время, когда онъ жилъ у тетки, въ Воронежской губерніи, *нескученскій приказ*чикъ, пѣшкомъ пришедшій изъ Екатеринославской

убернiи для свиданiя со своими родными, не полѣнился разыскать маленькаго Корфа, пришелъ провѣдать его и принесъ ему гостинца. Это свиданiе такъ тронуло мальчика, что онъ тогда-же, семи лѣтъ отъ роду, сказалъ себѣ: «Эхъ, вотъ, какъ выросту я, тогда-то заживутъ крестьяне деревни Нескучной!» Ради этого-то главнымъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ и предпочелъ деревню столицѣ, казавшейся ему узкою и тѣсною. Между нимъ и крестьянами установились самыя добрыя, сердечныя отношенiя, которыя были настолько прочны, что не только до освобожденiя отъ крѣпостной зависимости, но и до самой смерти Корфа нескученцы всемъ обществомъ подносили ему хлѣбъ-соль, въ видѣ поздравленiя, ежегодно въ день его именинъ, на Пасху и на Рождество.

Наслаждаясь радостями удачной семейной жизни, полной любви и взаимнаго уваженiя, дѣятельно занимаясь улучшенiемъ своего и крестьянскаго хозяйства, баронъ Корфъ не забросилъ и удовлетворенiя потребностей высшаго духовнаго порядка—самообразованiя. Въ совершенствѣ владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англiйскимъ языками, онъ выписывалъ лучшiя изъ журналовъ и газетъ, какъ на русскомъ, такъ и на трехъ названныхъ иностранныхъ языкахъ, и прiобрѣталъ наиболѣе выдающiяся сочиненiя, главнымъ образомъ философскаго, политическаго и педагогическаго содержанiя. Такимъ образомъ у него постепенно формировалась очень солидная и разносторонняя библiотека, достигшая современемъ весьма значительныхъ размѣровъ. Прiученный къ усидчивости, аккуратности и методичности въ занятiяхъ, онъ много, серьезно и успѣшно работалъ надъ собственнымъ самоусовершенствованiемъ.

Появленiе дѣтей обратило его вниманiе въ сторону воспитанiя. Обѣ его дочери преимущественно ему обязаны своимъ образованiемъ. Это конечно потребовало большой подготовительной работы съ его стороны. Знакомясь съ дѣломъ воспитанiя и обученiя теоретически, онъ тѣмъ не менѣе выѣзжалъ и за границу для непосредственнаго изученiя школьнаго дѣла на родинѣ Песталоцци.

Въ такой серьезной научной и разносторонней подготовительной дѣятельности прошло 10 лѣтъ. Благодаря этому, крестьянская, а потомъ и земская реформы нашли въ баронѣ Корфѣ не только горячаго и энергическаго общественнаго дѣятеля, но и человѣка, замѣчательно зрѣло и всесторонне подготовленнаго къ служенiю на пользу общую.

* * *

Какъ землевладѣлецъ и членъ дворянской корпорацiи, баронъ Н. А. Корфъ принималъ дѣятельное участiе въ дворянскихъ со-

браніяхъ, работая, понятно, въ культурномъ и прогрессивномъ направленіи. Весьма цѣнное значеніе имѣло также участіе барона Корфа, какъ человѣка, широко образованнаго и разносторонне развитого, въ подготовленіи, проведеніи и практическомъ осуществленіи на мѣстѣ крестьянской реформы. Вотъ что напримѣръ говорится объ этой сторонѣ дѣятельности Корфа въ «Воспоминаніяхъ» Гнѣдина, напечатанныхъ въ 5, 6 и 7 книжкахъ «Русскаго Богатства» за 1893 годъ:

«Незадолго до нашего очередного дворянскаго собранія въ первое трехлѣтіе освобожденія я познакомился съ молодымъ человѣкомъ, возвратившимся изъ заграничнаго путешествія, барономъ Н. А. Корфомъ. Эта замѣчательно свѣтлая личность высказывала полную симпатію всѣмъ моимъ посредническимъ дѣйствіямъ и изъявила готовность дать на собраніи отпоръ всѣмъ могущимъ быть на меня нападкамъ. Дворянское собраніе было замѣчательно бурное, вслѣдствіе озлобленія противъ положенія и желанія во что бы то ни стало вернуть старые порядки. Приверженцы старины замышляли жестоко пробрать нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ и даже, если возможно, исключить ихъ изъ сословія дворянъ. Въ числѣ лицъ, предполагаемыхъ къ исключенію, былъ и я. Разумѣется, дѣйствія этихъ посредниковъ должны были разбираться по уѣздамъ, начиная съ перваго. Обвиненіе началось противъ одного изъ посредниковъ Екатеринославскаго уѣзда, очень дѣятельнаго и энергичнаго. Посредникъ бойко защищался. Въ качествѣ обвинителя выступилъ также и мой пріятель, отставной артиллерійскій полковникъ, арендовавшій въ моемъ участкѣ имѣніе. Онъ былъ яростный крѣпостникъ и требовалъ между прочимъ, чтобы въ адресѣ Государю, по случаю манифеста объ освобожденіи крестьянъ, непремѣнно была выражена просьба, чтобы судъ надъ крестьяниномъ принадлежалъ помѣщику, съ правомъ наказывать за всѣ провинности. Противъ полковника выступилъ баронъ Корфъ. Въ блестящей рѣчи онъ защищалъ посредниковъ и между прочимъ указалъ на то, что дворянское собраніе не имѣетъ права судить ихъ, такъ какъ ихъ служебная дѣятельность соотвѣтствуетъ духу положенія, а порицать послѣдній законъ значило-бы идти противъ Высочайшей воли, ясно выраженной въ манифестѣ объ освобожденіи крестьянъ. Рѣчь Корфа сильно повліяла на собраніе, о посредникахъ бросили говорить, и адресъ былъ составленъ по редакціи Корфа и кажется Савельева. Это дворянское собраніе было предсмертной агоніей существовавшаго порядка: волей-неволей надо было сознать, что старые порядки рухнуть, и что слѣдуетъ ждать новыхъ реформъ и присматриваться къ нимъ.»

Но общественная дѣятельность барона Корфа характерно опредѣлилась лишь со введеніемъ земскихъ учрежденій. Самое осуществленіе земскихъ собраній и управъ, введеніе судебной реформы и вся послѣдующая организація земства происходили при непосредственномъ и очень дѣятельномъ его участіи, какъ гласнаго але-

ксандровскаго уѣзднаго земства и екатеринославскаго губернскаго. На первыхъ-же порахъ земской дѣятельности мы видимъ барона Корфа въ роли секретаря земскихъ собраній, члена ревизіонной коммисіи, почетнаго мирового судьи, а затѣмъ и предсѣдателя мирового съѣзда. Достаточно заглянуть въ земскіе журналы той поры, чтобы убѣдиться, что на каждомъ изъ этихъ постовъ общественнаго служенія баронъ Корфъ былъ на высотѣ оказываемаго ему довѣрія. Въ новомъ и обширномъ земскомъ хозяйствѣ и мировомъ институтѣ онъ проявилъ ясное пониманіе дѣла и глубокое знаніе, какъ бытовой жизни, такъ и легальной стороны. Какъ это видно напримѣръ изъ «Воспоминаній» покойнаго Гнѣдина, также бывшаго земскимъ гласнымъ, съ момента перваго приступа къ выбору земскихъ гласныхъ и во всю послѣдующую земскую дѣятельность, баронъ Корфъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей и заправителей во всемъ мѣстномъ земскомъ хозяйствѣ. На каждомъ изъ постовъ почетнаго общественнаго служенія онъ проявлялъ замѣчательную энергію и просвѣщенное руководство — съ широкимъ и возвышеннымъ общественнымъ взглядомъ.

Такая роль барона Корфа, какъ выдающагося земскаго работника, чувствовалась и признавалась не только въ рамкахъ уѣзднаго, но и губернскаго земскаго хозяйства, какъ объ этомъ можно судить между прочимъ по слѣдующему факту. Осенью 1867 года баронъ Корфъ, заваленный дѣломъ по своимъ прямымъ обязанностямъ въ александровскомъ уѣздномъ земствѣ, не предполагалъ быть на очередномъ земскомъ екатеринославскомъ губернскомъ собраніи. Узнавъ объ этомъ, собравшіеся губернскіе гласные съ предсѣдателемъ собранія во главѣ, послали ему «по эстафетѣ» слѣдующее знаменательное коллективное приглашеніе:

«Съ особеннымъ прискорбіемъ узнали мы, что вы не предполагаете быть въ настоящемъ земскомъ собраніи. Уважая васъ, какъ одного изъ первыхъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашего губернскаго земства, мы высоко цѣнимъ оказанныя уже вами услуги земскому дѣлу, дорожимъ вашимъ образованнымъ направленіемъ, любимъ васъ, какъ благороднѣйшаго человѣка, и, при такой душевной расположенности, рѣшаемся послать вамъ это письмо по эстафетѣ и усерднѣйше просить васъ не лишать насъ удовольствія имѣть васъ нашимъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ и въ настоящую сессію. Позволяемъ себѣ надѣяться, что вы, настолько любя земское дѣло, примете къ сердцу нашу просьбу и не откажете исполнить ее къ общему нашему удовольствію.»

Такъ высоко цѣнило губернское земство барона Корфа и его заслуги уже на второмъ году открытія дѣятельности земскихъ учрежденій, *когда только* что начиналась и не успѣла еще вполнѣ

опредѣлиться педагогическая его дѣятельность, въ которой онъ былъ поистинѣ великъ и не замѣнимъ. Даже и теперь, когда русская народная школа имѣетъ болѣе чѣмъ четвертивѣковую исторію, какъ нормированное, регулярное учебное заведеніе, дѣло народнаго образованія все еще продолжаетъ быть предметомъ безконечныхъ споровъ, сомнѣній, колебаній и ошибокъ, нерѣдко крайне грубыхъ и прискорбныхъ. Представьте-же себѣ ту пору, когда баронъ Корфъ, какъ земскій гласный и членъ александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, имъ-же, строго говоря, организованнаго и руководимаго, впервые выступилъ въ роли организатора народныхъ школъ въ своемъ родномъ уѣздѣ. Ни идеи и типа народной школы, ни руководствъ и учителей, ни порядка административнаго управленія и завѣдыванія школами—словомъ, ровно ничего не было. Все это приходилось создавать барону Корфу сначала, прокладывать путь въ-цѣлину,—и онъ проявилъ въ этомъ отношеніи высокое творчество, обнаружилъ огромный организаторскій талантъ, заставивъ притомъ обратить всеобщее вниманіе на свою выдающуюся созидательную дѣятельность въ провинціальномъ захолустьѣ.

Съ отроческихъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ педагогической дѣятельности, основательно—какъ мы знаемъ уже—подготовленный теоретически и практически въ этомъ отношеніи десятилѣтнею самостоятельною работою, баронъ Н. А. Корфъ избралъ для себя не обще-педагогическую дѣятельность, а спеціально народное образованіе, какъ область совсѣмъ новую, непочатую, остававшуюся въ полномъ забвеніи, если не пренебреженіи. Горячо и искренно сочувствуя дѣлу освобожденія крестьянъ, онъ, какъ человѣкъ глубоко просвѣщенный, ясно понималъ, что великій актъ юридическаго освобожденія крестьянъ можетъ возымѣть должную силу въ жизни въ томъ лишь случаѣ, если онъ будетъ дополненъ освобожденіемъ народа отъ вѣковѣчной тьмы безграмотства, т. е. его образованіемъ. Этой великой гражданской работѣ всецѣло посвятилъ баронъ Корфъ всю свою послѣдующую жизнь.

Теперь такъ любятъ нѣкоторые ссылаться на то, что было до введенія земскихъ учрежденій; есть даже охотники возводить чуть не въ «перлъ созданія» первобытную русскую школу, какъ какую-то, будто-бы, «самобытную нашу школу», противупоставляя ее «нѣмецкой», подъ которой подразумѣвается всякая вообще разумно поставленная школа, удовлетворяющая раціональнымъ требованіямъ образованія и воспитанія. Сошлемся-же и мы на это «былое»—во избѣжаніе недомолвокъ.

«Когда въ апрѣлѣ 1867 года александровскій уѣздный училищ-

ный совѣтъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, то школъ приходскихъ, государственныхъ крестьянъ, нѣмецкихъ, греческихъ колонистовъ и казацкихъ на бумагѣ оказалось 40, на дѣлѣ-же, хоть немного сносныхъ,—*только двѣ!* При объѣздѣ этихъ школъ членами совѣта всплыли наружу невѣроятныя вещи. Такъ, въ одной изъ школъ нашелся ученикъ, посѣщавшій ее шестой годъ, но невыучившійся совсѣмъ читать по-русски и плохо читающій по церковно-славянски; въ другой школѣ ученикъ второй годъ училъ азбуку; въ третьей изъ 43-хъ учениковъ ни одинъ не умѣлъ писать, и только двое кое-какъ писали. На одну школу, втеченіи 13-ти лѣтъ, истрачено 4,000 руб., а грамотныхъ за все это время вышло только 5 человѣкъ, т. ч. каждый грамотный обошелся въ 800 рублей. Случалось и такъ, что школа на бумагѣ существуетъ и вѣдомости даже присылаются, а на дѣлѣ ея и съ фонаремъ не отыщешь.»

Такое описаніе до-реформенныхъ школъ явилось еще въ 1871 году въ «Современной Лѣтописи» Каткова, въ статьѣ Кашина подъ заглавіемъ: «Поѣздка къ барону Н. А. Корфу». Кашинъ-же былъ командированъ предсѣдателемъ московскаго комитета грамотности для осмотра земскихъ школъ Александровскаго уѣзда и описалъ несчастное положеніе до-реформенныхъ школъ на основаніи дѣлъ и документовъ училищнаго совѣта. Мы съ своей стороны можемъ только удостовѣрить, что приведенное описаніе г. Кашина совершенно вѣрно; что всѣ вообще начальныя школы до-реформенной эпохи въ селахъ и деревняхъ находились въ такомъ-же плачевномъ положеніи, какъ и въ Александровскомъ уѣздѣ; что та именно школа, которая прославляется теперь, какъ «самобытная», была одною изъ самыхъ худшихъ школъ въ мірѣ, въ которой царило звѣрское битье дѣтей, доходившее иногда даже до физическаго искалѣченія, не говоря ужъ о нравственномъ уродованіи; что вообще въ школахъ не было ничего воспитывающаго, образующаго, и самыя школы въ громадномъ большинствѣ случаевъ существовали только фиктивно, номинально.

Барону Корфу всецѣло принадлежитъ какъ самая идея, такъ и практическое насажденіе у насъ, въ Россіи, *дешевой* и *краткосрочной* народной школы, съ учебнымъ курсомъ въ три зимы, съ тремя отдѣленіями, которыя одновременно ведетъ одинъ учитель, въ одной классной комнатѣ. Этотъ остроумный типъ школы, съ позаимствованіями изъ заграницы только психолого-физіологическихъ основъ элементарнаго образованія, есть въ полномъ смыслѣ *народная русская школа*, какъ нельзя болѣе приспособленная къ потребностямъ первоначальнаго обученія и условіямъ сельскаго быта. Весною, лѣтомъ и осенью дѣти необходимы въ каждой *крестьянской семьѣ*, какъ рабочая сила,—и школа предъяв-

*

ляетъ на нихъ свои права лишь въ зимнее время, когда дѣти менѣе необходимы для сельскихъ работъ.

Принимаясь, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, за насажденіе новыхъ народныхъ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ, баронъ Корфъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только руководствъ и учебниковъ, мало-мальски подготовленнаго педагогическаго персонала, но даже буквально никакихъ денежныхъ средствъ. Первое ассигнованіе александровскаго уѣзднаго земства на народное образованіе составляло всего 800 рублей, да и то надо было обладать краснорѣчіемъ Корфа, чтобы вырвать согласіе на ассигновку. Повидимому, все это такія препятствія, которыя невозможно преодолѣть одному человѣку. Но онъ былъ чрезвычайно богатъ любовью къ новому начинаемому имъ дѣлу, вѣрою въ его правоту, величайшую государственную пользу и необходимость. былъ полонъ энергіи и самоотверженія,—и побѣдилъ всѣ препятствія. Свое увлеченіе дѣломъ, свой необыкновенный гражданскій подъемъ духа онъ сумѣлъ передать и другимъ. Заботясь а разумной постановкѣ школы, какъ учебно-воспитательнаго заведенія для подростающихъ поколѣній, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ ее, какъ связующее звено между крестьяниномъ и помѣщикомъ,—какъ разумное и дѣйствительное средство для искренняго и солидарнаго сближенія бывшихъ обладателей крѣпостными съ освобожденными крестьянами. Эта трезвая гражданская идея, полная глубокаго политическаго смысла, нашла большое сочувствіе. Увлеченные примѣромъ барона Корфа, мѣстные помѣщики охотно становились попечителями школъ, охотно жертвовали на это дѣло и свое время, и свои денежныя средства. Сельскія общества, извѣрившіяся въ пользѣ школъ, въ виду прежней возмутительной ихъ практики, и съ недовѣріемъ относившіяся на первыхъ порахъ къ новому почину,—вскорѣ однако начали добровольно облагать себя школьнымъ налогомъ отъ 15 до 46 коп. съ ревизской души.

«Съ міру по ниткѣ—голому рубашка». Въ распоряженіи училищнаго совѣта вскорѣ-же составилась довольно круглая сумма, отъ двухъ до трехъ десятковъ тысячъ рублей въ годъ на уѣздъ. Къ этому нужно прибавить еще даровой отводъ помѣщеній подъ школы то попечителями-помѣщиками, то сельскими обществами, съ предоставленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отопленія. Наконецъ былъ и приливъ пожертвованій со стороны. Въ общемъ, исходя изъ нуля, училищный совѣтъ быстро составилъ настолько солидныя матеріальныя средства, что получилъ возможность въ два-три года довести число благоустроенныхъ школъ въ уѣздѣ до 70-ти.

Какъ ни важны матеріальныя средства, но это—лишь внѣшняя сторона. Вызвавъ приливъ этихъ средствъ, баронъ Корфъ долженъ былъ уже добывать внутреннее содержимое насаждаемыхъ имъ школъ изъ себя самого. Онъ скликалъ способныхъ молодыхъ людей, и они являлись къ нему не рѣдко изъ довольно отдаленныхъ губерній: сѣверныхъ, восточныхъ и поволжскихъ. Радушно давалъ имъ пріемъ въ своемъ домѣ, производилъ провѣрку ихъ знаній, разъяснялъ имъ теоретическія основанія пріемовъ обученія, самъ давалъ для нихъ образцовые уроки въ школахъ, составлялъ подробныя программы по каждому предмету, устраивалъ учительскіе съѣзды—словомъ, создавалъ и самую школу, и разумный, сознательный педагогическій персоналъ ея, преданный дѣлу, любящій его, т. е. дѣлалъ даже больше того, что̀ дѣлаетъ въ учительской семинаріи цѣлый штатъ педагоговъ.

Правильно смотря на учебно-воспитательное дѣло вообще, и тѣмъ болѣе на народную школу, какъ на дѣло соціальное по преимуществу, баронъ Н. А. Корфъ, выступивъ иниціаторомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, ставъ центромъ и душою этого дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовалъ имъ все, что̀ было мыслящаго въ уѣздѣ, вызвалъ необычайное движеніе на мѣстѣ въ пользу народной школы. Попечители школъ стояли на высотѣ своего призванія и назначенія. Благодаря усиліямъ барона Корфа, каждый изъ нихъ прежде всего твердо зналъ свои обязанности и права, до мелочей входилъ въ положеніе и нужды своей школы, слѣдилъ за ходомъ работы въ ней и живо интересовался всѣмъ, касающимся школы. Бывали случаи избранія попечителями неграмотныхъ крестьянъ, и эти послѣдніе оказывались обыкновенно едва-ли не самыми ревностными дѣятелями на пользу школы. Они начинали съ того, что являлись въ школу въ одиночку, или со своими дѣтьми, садились за школьную скамью, выучивались грамотѣ и затѣмъ съ необычайною любовью служили школѣ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и путемъ активнаго участія въ преподаваніи въ роли помощниковъ учителей. Члены училищнаго совѣта, хорошо освѣдомленные барономъ Корфомъ въ школьномъ дѣлѣ и разумно направляемые имъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ объѣзжали школы своего участка, ревизуя ихъ, производя экзамены и представляя объ этомъ отчеты. На экзаменахъ присутствовали и родители учащихся, и мѣстные земскіе гласные, и мировые судьи, равно какъ и другія должностныя лица. Всѣ мѣстныя интеллигентныя силы такъ или иначе привлекались къ школьной работѣ, и каждый старался оказать ей посильное содѣйствіе: одни—своимъ вліяніемъ, другіе—добрымъ совѣтомъ,

нравственною поддержкою, третьи—своимъ общественнымъ положеніемъ и матеріальною помощью.

Во всей исторіи русскаго общественнаго управленія нѣтъ болѣе свѣтлой страницы, какъ эта дружная, увлеченная, сознательная работа всѣхъ сословій и классовъ цѣлаго уѣзда на пользу образованія, возвышавшая и облагораживавшая тѣхъ, которые отдавались ей. При условіи дружнаго общаго содѣйствія, дѣло ширилось и росло. Помимо быстраго количественнаго возрастанія школъ, качественная постановка ихъ не оставляла желать ничего лучшаго. Всѣ школы уѣзда, какъ увидимъ ниже, были благоустроены въ полномъ смыслѣ слова и притомъ поставлены такъ дѣльно и предусмотрительно, что въ корнѣ уничтожалась возможность рецидива безграмотности, столь обычнаго, почти даже неизбѣжнаго, въ постановкѣ школъ до-реформеннаго періода.

V.

На пользу всего государства.

Баронъ Н. А. Корфъ, какъ типичный общественникъ.—Публицистическая его дѣятельность.—«Отчеты» о школьной дѣятельности. Ихъ распространеніе и вліяніе на всю Россію.—Корреспонденты барона Н. А. Корфа.—Оцѣнка его дѣятельности К. Д. Ушинскимъ; прозорливый взглядъ его на барона Корфа.

Баронъ Н. А. Корфъ былъ, можно сказать, врожденнымъ общественникомъ. Придавая значеніе только живой и производительной дѣятельности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ непреодолимую потребность дѣлиться съ обществомъ каждою вновь зародившеюся мыслью, каждымъ новымъ шагомъ въ общественной дѣятельности. Все это онъ торопился сдѣлать общественнымъ достояніемъ,—отдать на судъ общества.

Съ самаго начала реформъ царствованія Александра II, особенно же съ момента земской реформы, баронъ Корфъ заявилъ себя талантливымъ, отзывчивымъ и необычайно плодовитымъ публицистомъ. Начало литературной дѣятельности барона Корфа относится къ 1859 году, когда онъ печатался въ «Экономическомъ Указателѣ» Вернадскаго, работая исключительно надъ вопросами, касавшимися улучшенія экономическаго положенія сельскаго населенія и имѣвшими непосредственное отношеніе къ ожидавшемуся тогда *освобожденію крестьянъ*. Вскорѣ литературнымъ прибѣжищемъ его

стали «С.-Петербургскія Вѣдомости», издававшіяся и редактируемыя тогда В. Ѳ. Коршемъ и пользовавшіяся въ ту пору большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. Баронъ Корфъ сразу занялъ въ періодической печати авторитетное и боевое положеніе по вопросамъ дворянскаго управленія, судебной реформы, общественнаго самоуправленія и земскаго хозяйства, школьнаго дѣла вообще и народнаго образованія въ особенности. Уже въ 1866 году В. Ѳ. Коршъ, въ письмѣ отъ 6-го іюня, «повторяетъ» барону Корфу «искреннее спасибо редакціи» за его статьи и между прочимъ говоритъ:

«Всѣ онѣ интересны и дѣльны, хотя и возбуждаютъ противорѣчія съ разныхъ сторонъ. Конечно вы имѣете полное право защищаться, въ случаѣ печатныхъ нападеній на ваши статьи. Я съ своей стороны могу только пожалѣть о томъ, что онѣ появились въ видѣ корреспонденцій, а не въ видѣ передовыхъ статей, занимающихъ болѣе видное мѣсто въ газетѣ. Вы очень обязали бы редакцію на будущее время, еслибы не отказались давать вашимъ статьямъ именно такой характеръ и видъ.»

Съ этой поры баронъ Н. А. Корфъ сталъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ. Но онъ всегда писалъ не иначе, какъ за своею подписью, и нигдѣ, никогда не выступалъ со статьями редакціоннаго характера.

Не довольствуясь широкимъ доступомъ въ періодическую печать, баронъ Корфъ избралъ очень остроумный способъ для пропаганды собственно народнаго образованія, какъ области, никому въ то время невѣдомой и не имѣвшей никакихъ опредѣленныхъ законоположеній. Онъ началъ выпускать «Отчеты александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта», въ которыхъ подробнѣйшимъ образомъ излагались: организація училищнаго совѣта, обязанность членовъ его и попечителей школъ, порядокъ открытія народныхъ училищъ, ихъ программы, распредѣленіе занятій, производство экзаменовъ, выдача аттестатовъ, наконецъ даже самые планы школъ и все ихъ обзаведеніе въ учебномъ отношеніи. Прекрасная литературная форма «Отчетовъ», простое, ясное, увлекательное изложеніе ихъ, особено-же тотъ внутренній огонь, которымъ они были проникнуты,—сразу снискали имъ всеобщее вниманіе и сочувствіе во всей Имперіи, до Сибири и Кавказа включительно.

Департаментъ министерства народнаго просвѣщенія и «Журналъ» этого-же министерства, попечители разныхъ учебныхъ округовъ, редакціи общихъ періодическихъ и педагогическихъ изданій, города и земства, частныя лица и педагоги разныхъ ранговъ и общественныхъ положеній, до народныхъ учителей включительно,— все это съ жадностью набросилось на скромные «Отчеты» уѣзднаго

училищнаго совѣта. Всѣхъ изумлялъ, радовалъ и привлекалъ фактъ какъ-бы самостоятельнаго возникновенія разумной, крайне симпатичной народной школы, дѣльно принаровленной къ потребностямъ сельской жизни и соотвѣтствующей скуднымъ матеріальнымъ средствамъ крестьянства (около 340 р. въ годъ содержаніе школы и около 8 р. 66 коп. обученіе одного учащагося). Школы этого, совершенно новаго, невѣдомаго раньше, типа возникали массами, по нѣсколько десятковъ въ годъ, пользуясь большою любовью сельскаго населенія и энергическою поддержкою всего мѣстнаго интеллигентнаго и правящаго общества. Все это было изложено въ «Отчетахъ» убѣдительно, доказательно, фактически, почти съ протокольною документальностью, но не въ ущербъ литературности формы,—и потому производило неотразимое вліяніе.

«Отчеты» расходились въ тысячахъ экземпляровъ, вызывая новыя и новыя требованія и давая довольно значительныя средства александровскому училищному совѣту, въ пользу котораго поступала выручка отъ продажи. Всего вышло пять такихъ отчетовъ, полныхъ педагогическаго интереса, составляющихъ въ общей сложности болѣе 50-ти печатныхъ листовъ. Распродажа ихъ дала училищному совѣту свыше 2,000 рублей. Благодаря «Отчетамъ», а также и горячей публицистической своей дѣятельности, баронъ Н. А. Корфъ не только широко ознакомилъ всю читающую русскую публику съ созданнымъ имъ типомъ русской народной школы и распорядками народнаго образованія на мѣстѣ, но водворилъ и внѣдрилъ этотъ типъ и распорядки въ сознаніи всей періодической печати и всего образованнаго русскаго общества, земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій и правящихъ сферъ. То, что дѣлалъ баронъ Корфъ въ провинціальной глуши, оставаясь почти безвыѣздно въ Александровскомъ уѣздѣ, распространялось на всю Имперію, получало общерусскій интересъ и значеніе. По указаніямъ и руководству «Отчетовъ», земства и города разныхъ губерній, мѣстная учебная администрація (напримѣръ кавказскій учебный округъ), разныя ученыя общества (напримѣръ московскій комитетъ грамотности)—торопились насадить у себя новыя народныя школы или даже всю организацію народнаго образованія до учительскихъ съѣздовъ включительно. Такимъ образомъ, какъ самая народная школа, такъ и вся вообще организація народнаго образованія, такъ удачно возникшія въ глуши Александровскаго уѣзда, сами собою, въ силу естественнаго порядка вещей, получили право гражданства повсемѣстно въ Россіи. Въ этомъ отношеніи практика дѣла шла впереди законодательства, обогнавъ его на цѣлыхъ восемь лѣтъ, считая со

времени начала земской дѣятельности по народному образованію до появленія «Устава» (1874 года) о нормальныхъ народныхъ училищахъ. Это дѣло создавалъ баронъ Н. А. Корфъ личнымъ своимъ почином; онъ-же руководилъ имъ и направлялъ его съ необычайной энергіей и блестящимъ успѣхомъ—исключительно путемъ печати.

Въ исходѣ 60-хъ годовъ баронъ Корфъ началъ принимать дѣятельное участіе, помимо «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», еще въ «Вѣстникѣ Европы» и «Народной школѣ». Очень характерно заглянуть въ переписку его съ редакторами этихъ періодическихъ изданій. Дѣятельно работая въ трехъ крупнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, заваливая ихъ статьями, такъ что редакторы то и дѣло «извинялись» передъ нимъ за «невозможность своевременно напечатать», баронъ Корфъ въ свою очередь горько жаловался на «недостатокъ мѣста». Помимо обширныхъ «Отчетовъ» и обильныхъ статей, безпрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, его колоссальная энергія требовала еще иного выхода въ дѣлѣ созиданія народной школы, направленія всего дѣла народнаго образованія и руководства имъ. И вотъ онъ въ незначительный промежутокъ времени, примѣрно около 5 лѣтъ, выпустилъ одно за другимъ *пять* учебниковъ и руководствъ для народной школы, о которыхъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Но и это еще не насыщало его удивительной энергіи. Скромная, но славная общественная дѣятельность не замедлила снискать барону Н. А. Корфу общерусскую извѣстность, внушительно выразившуюся между прочимъ въ обширнѣйшей перепискѣ его съ разными лицами по вопросамъ вообще школьнаго и собственно народнаго образованія. Территоріальный районъ, по которому разбросаны были корреспонденты барона Н. А. Корфа, онъ очень удачно опредѣлилъ въ своихъ «Запискахъ» словами: «отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска». Около 1,000 этихъ писемъ, принадлежащихъ 250 корреспондентамъ, находились въ нашемъ распоряженіи и послужили основнымъ матеріаломъ при составленіи этой біографіи. Конечно эта обширная коллекція писемъ не обнимаетъ еще всей корреспонденціи барона Корфа, тѣмъ не менѣе она въ высшей степени характерна и назидательна. Тутъ есть письма крупныхъ административныхъ дѣятелей, до министерскаго поста включительно, и скромныхъ народныхъ учителей; но значительно преобладаютъ письма земскихъ общественныхъ дѣятелей,—лицъ, такъ или иначе причастныхъ дѣлу образованія, и литераторовъ. Какъ видно изъ этой переписки, подавляющей своею обширностью и разнообразіемъ, баронъ Корфъ былъ идеально исправнымъ кор-

училищнаго совѣта. Всѣхъ изумлялъ, радовалъ и привлекалъ ф
какъ-бы самостоятельнаго возникновенія разумной, крайне с
тичной народной школы, дѣльно принаровленной къ потребно
сельской жизни и соотвѣтствующей скуднымъ матеріальнымъ
ствамъ крестьянства (около 340 р. въ годъ содержаніе шк
около 8 р. 66 коп. обученіе одного учащагося). Школы этог
вершенно новаго, невѣдомаго раньше, типа возникали масса
нѣсколько десятковъ въ годъ, пользуясь большою любовью
скаго населенія и энергическою поддержкою всего мѣстнаго и
лигентнаго и правящаго общества. Все это было изложено въ
четахъ» убѣдительно, доказательно, фактически, почти съ
кольною документальностью, но не въ ущербъ литературности
мы,—и потому производило неотразимое вліяніе.

«Отчеты» расходились въ тысячахъ экземпляровъ, вы
новыя и новыя требованія и давая довольно значительныя сре
александровскому училищному совѣту, въ пользу котораго
нала выручка отъ продажи. Всего вышло пять такихъ отч
полныхъ педагогическаго интереса, составляющихъ въ общей
ности болѣе 50-ти печатныхъ листовъ. Распродажа ихъ дал
лищному совѣту свыше 2,000 рублей. Благодаря «Отчетам
также и горячей публицистической своей дѣятельности, баронъ
Корфъ не только широко ознакомилъ всю читающую русску
блику съ созданнымъ имъ типомъ русской народной школы
порядками пароднаго образованія на мѣстѣ, но водворилъ и внѣ
этотъ типъ и распорядки въ сознаніи всей періодической пе
всего образованнаго русскаго общества, земскихъ и городски
щественныхъ учрежденій и правящихъ сферъ. То, что дѣла
ронъ Корфъ въ провинціальной глуши, оставаясь почти безвы
въ Александровскомъ уѣздѣ, распространялось на всю Им
получало общерусскій интересъ и значеніе. По указаніямъ и
водству «Отчетовъ», земства и города разныхъ губерній, мѣ

времени начала земской дѣятельности по народному образованію до появленія «Устава» (1874 года) о нормальныхъ народныхъ училищахъ. Это дѣло создавалъ баронъ Н. А. Корфъ личнымъ своимъ почином; онъ-же руководилъ имъ и направлялъ его съ необычайной энергіей и блестящимъ успѣхомъ—исключительно путемъ печати.

Въ исходѣ 60-хъ годовъ баронъ Корфъ началъ принимать дѣятельное участіе, помимо «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», еще въ «Вѣстникѣ Европы» и «Народной школѣ». Очень характерно заглянуть въ переписку его съ редакторами этихъ періодическихъ изданій. Дѣятельно работая въ трехъ крупнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, заваливая ихъ статьями, такъ что редакторы то и дѣло «извинялись» передъ нимъ за «невозможность своевременно напечатать», баронъ Корфъ въ свою очередь горько жаловался на «недостатокъ мѣста». Помимо обширныхъ «Отчетовъ» и обильныхъ статей, безпрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, его колоссальная энергія требовала еще иного выхода въ дѣлѣ созиданія народной школы, направленія всего дѣла народнаго образованія и руководства имъ. И вотъ онъ въ незначительный промежутокъ времени, примѣрно около 5 лѣтъ, выпустилъ одно за другимъ *пять* учебниковъ и руководствъ для народной школы, о которыхъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Но и это еще не насыщало его удивительной энергіи. Скромная, но славная общественная дѣятельность не замедлила снискать барону Н. А. Корфу общерусскую извѣстность, внушительно выразившуюся между прочимъ въ обширнѣйшей перепискѣ его съ разными лицами по вопросамъ вообще школьнаго и собственно народнаго образованія. Территоріальный районъ, по которому разбросаны были корреспонденты барона Н. А. Корфа, онъ очень удачно опредѣлилъ въ своихъ «Запискахъ» словами: «отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска». Около 1,000 этихъ писемъ, принадлежащихъ 250 корреспондентамъ, находились въ нашемъ распоряженіи и послужили основнымъ матеріаломъ при составленіи этой біографіи. Конечно эта обширная коллекція писемъ не обнимаетъ еще всей корреспонденціи барона Корфа, тѣмъ не менѣе она въ высшей степени характерна и назидательна. Тутъ есть письма крупныхъ административныхъ дѣятелей, до министерскаго поста включительно, и скромныхъ народныхъ учителей; но значительно преобладаютъ письма земскихъ общественныхъ дѣятелей,—лицъ, такъ или иначе причастныхъ дѣлу образованія, и литераторовъ. Какъ видно изъ этой переписки, подавляющей своею обширностью и разнообразіемъ, баронъ Корфъ былъ идеально исправнымъ кор-

респондентомъ. Необычайно дѣятельный и отзывчивый вообще, онъ тѣмъ болѣе не оставлялъ безъ обстоятельнаго отвѣта и разъясненія сдѣланнаго къ нему обращенія, отъ кого бы оно ни исходило, разъ только дѣло касалось воспитанія и обученія, а тѣмъ болѣе народнаго образованія. Въ этомъ случаѣ баронъ Корфъ не считалъ обременительнымъ для себя писать обширныя отвѣтныя письма, поддерживая и направляя однихъ, споря съ другими, разъясняя третьимъ.

Какое важное значеніе имѣла пропаганда барономъ Н. А. Корфомъ дѣла народнаго образованія, лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить письма къ нему К. Д. Ушинскаго. Въ письмѣ напримѣръ отъ 15-го января 1869 года Ушинскій писалъ между прочимъ барону Корфу: «Я давно и съ истиннымъ наслажденіемъ слѣжу за вашею дѣятельностью и, не будучи въ силахъ самъ, по совершенному разстройству моего здоровья, принять участіе въ практикѣ этого дѣла, находилъ много успокоенія въ томъ, что оно еще имѣетъ такого дѣятеля, какъ вы». Письмо это вызвано было именно «Отчетами» барона Корфа, которые Ушинскій обѣщалъ разобрать, «какъ только будетъ свободное время и силы хоть немного возстановятся», «со всею любовью къ самому дѣлу и со всѣмъ уваженіемъ» къ барону Корфу.

«Вы, должно быть, еще молодой человѣкъ,—говорится въ заключеніи того-же письма:—дай-же Богъ вамъ долго и успѣшно бороться на томъ поприщѣ, съ котораго я уже готовлюсь сойти, измятый и искомканный. Дай Богъ вамъ принести гораздо болѣе пользы, не только болѣе того, чѣмъ я принесъ, но даже болѣе того, что я могъ бы принести подъ другимъ небомъ, при другихъ людяхъ и при другой обстановкѣ.»

Ушинскій сразу угадалъ въ баронѣ Н. А. Корфѣ не только большую педагогическую силу, но и прозорливо предугадывалъ въ немъ умѣлаго и сильнаго борца за дѣло народнаго образованія, вожака и руководителя этимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Въ томъ-же 1869 году Ушинскій, отправляясь въ Крымъ, съ цѣлью леченія, писалъ барону Корфу между прочимъ слѣдующее:

«Я полагаю, что земская школа должна наконецъ положить прочное основаніе народному образованію въ Россіи, и что теперь именно настало время организовать разрозненныя попытки въ этомъ отношеніи всѣхъ честныхъ людей. Лучшимъ средствомъ для этого, какъ мнѣ кажется, было бы имѣть общій журналъ, въ которомъ бы сходились свѣдѣнія о результатахъ тѣхъ или другихъ попытокъ, сдѣланныхъ земствами различныхъ губерній, и въ которомъ могли бы обсуждаться эти попытки. Самъ я, при моей болѣзненности и безпрестанныхъ отлучкахъ изъ Петербурга, конечно не могу издавать такого журнала но могъ бы и желалъ бы отъ всей души принять *въ немъ* дѣятельное участіе, чтобы посвятить свои остальныя силы

ким школамъ, такъ какъ я жду отъ нихъ хотя не многаго, о крайней мѣрѣ чего-нибудь дѣйствительнаго, а не только бунаго и форменнаго, чѣмъ до сихъ поръ угощали насъ... Если-бы вить этотъ журналъ журналомъ земскихъ школъ, и вы при-бы въ немъ дѣятельное участіе, то можетъ быть и вышло-бы нибудь. Вотъ о чемъ мнѣ хотѣлось-бы очень переговорить съ , хоть письменно, если ужъ нельзя лично.»

Въ поясненіе послѣднихъ строкъ этой цитаты, надо замѣтить, баронъ Корфъ,—какъ было уже сказано выше,—безвыѣздно талъ въ родномъ своемъ уѣздѣ, и Ушинскій усиленно желалъ даться съ нимъ на обратномъ пути изъ Крыма, чему однако уждено было случиться. Вообще Ушинскій высоко цѣнилъ ба Н. А. Корфа, какъ единственнаго въ своемъ родѣ общественно дѣятеля, и его уваженіе къ созидательской, творческой дѣяьности барона Корфа въ области народнаго образованія, какъ видно изъ самаго хода переписки,—расло и расло. Такъ, въ ьмѣ отъ 23-го февраля 1870 года К. Д. Ушинскій, сообщая ону Корфу, что онъ наконецъ разобрался въ его «Отчетахъ», ду прочимъ говоритъ:

«Статью для «Народной Школы» (т. е. о народномъ образова въ Александровскомъ уѣздѣ) я написалъ, но плохую. Прокля болѣзнь держитъ меня до того далеко отъ всякой обществен жизни и дѣятельности, что я рѣшительно не могу написать ерь ничего живого изъ области практики. Дѣло другое вы: чи каждую вашу статью, чувствуешь, что вы говорите о дѣлѣ, въ торомъ сами вращаетесь и которому отдались безкорыстно и прядушно. О, еслибы васъ можно было помножить на число нашихъ берній,—не говорю ужъ уѣздовъ,—черезъ 10 лѣтъ Россія была-бы е другая! Но вы и такъ дѣлаете много однимъ своимъ примѣмъ, и имя ваше будитъ не одно сонное земство.»

Словомъ, Ушинскій безошибочно предрѣшилъ выдающуюся общественную роль барона Корфа.

VI.

Учебно-литературная дѣятельность.

мѣчательная литературная плодовитость барона Н. А. Корфа.—исокое безкорыстіе его.—Первые учебники и руководства барона рфа, ихъ распространеніе и значеніе.—«Нашъ Другъ»; обстоятельва, предшествовавшія составленію этой книги, ея оцѣнка и распространеніе.—Послѣдующіе труды барона Корфа.

Къ началу 70-ыхъ годовъ имя барона Н. А. Корфа пользовась повсемѣстною извѣстностью въ Россіи. Его именемъ двигалось

и руководилось все дѣло народнаго образованія; его имя удачно выразился Ушинскій — «будило» всѣхъ, предраспо ныхъ спать на поприщѣ общественной дѣятельности. Эт значительной мѣрѣ способствовалъ слѣдующій рядъ выпуш имъ учебниковъ и руководствъ: «Руководство къ обученію тѣ по звуковому способу» или «Какъ обучать грамотѣ ре взрослыхъ», «Русская начальная школа», «Нашъ Другъ лютка» (первая книга послѣ азбуки для народной школы и и «Наше школьное дѣло».

Такая масса изданій вышла въ свѣтъ изъ подъ пера Н. А. Корфа въ промежутокъ времени между 1867 и 1873 который въ это-же время, какъ мы знаемъ уже, выпуст свѣтъ болѣе 50-ти печатныхъ листовъ своего знаменитаго «(и напечаталъ не менѣе такого-же количества въ формѣ газ и журнальныхъ статей. Если прибавить къ этому еще и нѣйшую корреспонденцію барона Н. А. Корфа,— будетъ сам очевидна безпримѣрная литературная плодовитость его, сама собою уже служитъ доказательствомъ и большого запа ній, и высокой талантливости, и гигантской энергіи, и пла любви къ дѣлу народнаго образованія.

«Руководство къ обученію грамотѣ» было составлено имъ начально для обученія старшей своей дочери. Этотъ первый сказать, домашній педагогическій опытъ барона Н. А. Корф изданъ имъ въ 1867 году. К. Д. Ушинскій коротко, но опредѣлилъ значеніе этой маленькой книжечки, цѣною въ «Ваше руководство къ обученію грамотѣ—писалъ онъ баро фу отъ 23-го февраля 1870 года—имѣетъ чисто практи цѣль, и потому вы изъ самой практики могли убѣдиться, составлено очень хорошо... Цѣль звуковой методы—чисто ческая, и если эта цѣль достигается, то все сказано». Уш не ошибся. «Руководство» это въ первыя же двѣнадцат выдержало семь изданій, разошедшись въ 70,000 экземп.

Здѣсь умѣстно сказать о величайшемъ безкорыстіи Н. А. Корфа. Онъ долгое время, приблизительно до начала годовъ, почти совсѣмъ не получалъ гонорара за свои газе журнальныя статьи. Вся выручка отъ продажи «Руково также была обращена въ пользу народныхъ школъ Алекса скаго уѣзда, которая и дала имъ до 1879 года свыше 4,0(лей. Сумма эта, вмѣстѣ съ выручкою за «Отчеты», соста болѣе 6,000 рублей, не считая притомъ привлеченія еще и д средствъ со стороны. Такимъ образомъ баронъ Н. А. Ко

лько безвозмездно несъ все бремя организаціи, завѣдыванія и ководства школьнымъ дѣломъ въ Александровскомъ уѣздѣ, но е и производилъ довольно значительный денежный вкладъ на дѣло. Фактъ этотъ нужно имѣть въ виду для правильной нки того, какъ отплатили впослѣдствіи барону Корфу за его сокое безкорыстіе и самоотверженіе земскіе его сочлены.

«Съ большимъ нетерпѣніемъ» ожидалъ К. Д. Ушинскій второго пенаго труда Корфа, книги его «Русская начальная школа». Ушині «ждалъ отъ нея наставленія самому себѣ». Задумавъ «напить общій учебникъ для земскихъ школъ», онъ чувствовалъ потребсть «побесѣдовать съ человѣкомъ, такимъ практическимъ», какъ рфъ. Къ сожалѣнію, Ушинскому не пришлось уже воспользоваться йствительно цѣнными указаніями этой книги.

Уставши отвѣчать на безконечные вопросы, какъ приступать открытію народныхъ школъ, завѣдывать и руководить ими, ронъ Корфъ выпустилъ въ свѣтъ объемистую книгу—«Русская чальная школа», которую совершенно правильно назвалъ «руводствомъ для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ». ставляя эту книгу, онъ преслѣдовалъ цѣль *«возбудить* чувствіе къ народной школѣ и *создать дѣятелей для нея».* ѣль эта умѣло достигнута авторомъ. Въ одно и то-же время онъ ляется въ своей книгѣ и опытнымъ педагогомъ, и умѣлымъ министраторомъ, детально разъясняя всѣ распорядки народной колы въ педагогическомъ, административномъ и финансовомъ ношеніи. И тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о народныхъ колахъ, но желали-бы, или даже обязаны устраивать ихъ, нахось въ положеніи общественныхъ дѣятелей, и тѣ, которые выступаютъ въ роли народныхъ учителей, попечителей народныхъ училищъ, членовъ училищныхъ совѣтовъ, народныхъ инспекторовъ и обще лицъ учебно-административныхъ,—найдутъ въ «Русской нальной школѣ» необходимые для нихъ совѣты, указанія и разъсненія въ живой, полной, доказательной формѣ. Немудрено поэтоу, что названное «руководство» сразу сдѣлалось настольною нигою всѣхъ дѣятелей по народному образованію, какъ первый о времени появленія и самый дѣльный трудъ по *училищевѣдѣнію.* енѣе чѣмъ въ десять лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ этой книги на выдержала шесть изданій и разошлась въ 32,000 экземплярахъ.

Нисколько не рискуя впасть въ преувеличеніе, барона Н. А. орфа можно назвать *первымъ народнымъ русскимъ учителемъ* азумной начальной школы. Ему-же безспорно принадлежитъ честь *рваго подготовителя народныхъ русскихъ учителей*, въ

и руководилось все дѣло народнаго образованія; его имя—ка удачно выразился Ушинскій — «будило» всѣхъ, предрасполож ныхъ спать на поприщѣ общественной дѣятельности. Этому значительной мѣрѣ способствовалъ слѣдующій рядъ выпущенн имъ учебниковъ и руководствъ: «Руководство къ обученію гра тѣ по звуковому способу» или «Какъ обучать грамотѣ ребят взрослыхъ», «Русская начальная школа», «Нашъ Другъ», «I лютка» (первая книга послѣ азбуки для народной школы и се и «Наше школьное дѣло».

Такая масса изданій вышла въ свѣтъ изъ подъ пера бар Н. А. Корфа въ промежутокъ времени между 1867 и 1873 год который въ это-же время, какъ мы знаемъ уже, выпустилъ свѣтъ болѣе 50-ти печатныхъ листовъ своего знаменитаго «Отч и напечаталъ не менѣе такого-же количества въ формѣ газетн и журнальныхъ статей. Если прибавить къ этому еще и обш нѣйшую корреспонденцію барона Н. А. Корфа,—будетъ сама со очевидна безпримѣрная литературная плодовитость его, кото сама собою уже служитъ доказательствомъ и большого запаса з ній, и высокой талантливости, и гигантской энергіи, и пламен любви къ дѣлу народнаго образованія.

«Руководство къ обученію грамотѣ» было составлено имъ пер начально для обученія старшей своей дочери. Этотъ первый, та сказать, домашній педагогическій опытъ барона Н. А. Корфа бы изданъ имъ въ 1867 году. К. Д. Ушинскій коротко, но силь опредѣлилъ значеніе этой маленькой книжечки, цѣною въ 10 к «Ваше руководство къ обученію грамотѣ—писалъ онъ барону Ко фу отъ 23-го февраля 1870 года—имѣетъ чисто практическ цѣль, и потому вы изъ самой практики могли убѣдиться, что о составлено очень хорошо... Цѣль звуковой методы—чисто практи ческая, и если эта цѣль достигается, то все сказано». Ушинск не ошибся. «Руководство» это въ первыя же двѣнадцать лѣт выдержало семь изданій, разошедшись въ 70,000 экземпляров

Здѣсь умѣстно сказать о величайшемъ безкорыстіи баро Н. А. Корфа. Онъ долгое время, приблизительно до начала 70-х годовъ, почти совсѣмъ не получалъ гонорара за свои газетныя журнальныя статьи. Вся выручка отъ продажи «Руководства также была обращена въ пользу народныхъ школъ Александро скаго уѣзда, которая и дала имъ до 1879 года свыше 4,000 ру лей. Сумма эта, вмѣстѣ съ выручкою за «Отчеты», составляет болѣе 6,000 рублей, не считая притомъ привлеченія еще и других *средствъ* со стороны. Такимъ образомъ баронъ Н. А. Корфъ н

лько безвозмездно несъ все бремя организаціи, завѣдыванія и ководства школьнымъ дѣломъ въ Александровскомъ уѣздѣ, но же и производилъ довольно значительный денежный вкладъ на о дѣло. Фактъ этотъ нужно имѣть въ виду для правильной ѣнки того, какъ отплатили впослѣдствіи барону Корфу за его сокое безкорыстіе и самоотверженіе земскіе его сочлены.

«Съ большимъ нетерпѣніемъ» ожидалъ К. Д. Ушинскій второго петнаго труда Корфа, книги его «Русская начальная школа». Ушинкій «ждалъ отъ нея наставленія самому себѣ». Задумавъ «напиать общій учебникъ для земскихъ школъ», онъ чувствовалъ потребость «побесѣдовать съ человѣкомъ, такимъ практическимъ», какъ орфъ. Къ сожалѣнію, Ушинскому не пришлось уже воспользоваться ѣйствительно цѣнными указаніями этой книги.

Уставши отвѣчать на безконечные вопросы, какъ приступать ъ открытію народныхъ школъ, завѣдывать и руководить ими, аронъ Корфъ выпустилъ въ свѣтъ объемистую книгу—«Русская ачальная школа», которую совершенно правильно назвалъ «руководствомъ для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ». оставляя эту книгу, онъ преслѣдовалъ цѣль *«возбудить* очувствіе къ народной школѣ и *создать дѣятелей для нея»*. ѣль эта умѣло достигнута авторомъ. Въ одно и то-же время онъ вляется въ своей книгѣ и опытнымъ педагогомъ, и умѣлымъ дминистраторомъ, детально разъясняя всѣ распорядки народной колы въ педагогическомъ, административномъ и финансовомъ тношеніи. И тѣ, которые не имѣютъ никакого понятія о народныхъ колахъ, но желали-бы, или даже обязаны устраивать ихъ, находясь въ положеніи общественныхъ дѣятелей, и тѣ, которые выступаютъ въ роли народныхъ учителей, попечителей народныхъ училищъ, членовъ училищныхъ совѣтовъ, народныхъ инспекторовъ и ообще лицъ учебно-административныхъ,—найдутъ въ «Русской начальной школѣ» необходимые для нихъ совѣты, указанія и разъясненія въ живой, полной, доказательной формѣ. Немудрено поэтому, что названное «руководство» сразу сдѣлалось настольною книгою всѣхъ дѣятелей по народному образованію, какъ первый о времени появленія и самый дѣльный трудъ по *училищевѣдѣнію*. Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ этой книги она выдержала шесть изданій и разошлась въ 32,000 экземплярахъ.

Нисколько не рискуя впасть въ преувеличеніе, барона Н. А. Корфа можно назвать *первымъ народнымъ русскимъ учителемъ* разумной начальной школы. Ему-же безспорно принадлежитъ честь *перваго подготовителя народныхъ русскихъ учителей*, въ

смыслѣ сознательныхъ педагоговъ. Естественно, что ему-же, праву, должно было принадлежать и составленіе *первой класс книги* для народной школы. И онъ далъ такую книгу—«На Другъ». Она до сихъ поръ остается лучшею книгою въ обшир коллекціи учебниковъ и руководствъ для народной школы. Но правильной оцѣнки исключительнаго значенія «Нашего Дру въ ряду однородныхъ съ нимъ изданій, необходимо коснуться которыхъ деталей тѣхъ совершенно своеобразныхъ условій, въ торыхъ находился баронъ Корфъ, какъ народный педагогъ.

Прежде, чѣмъ составлять эту книгу, ему пришлось пропуст черезъ свои руки болѣе сотни народныхъ педагоговъ. «Пропуск этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Изъ разныхъ мѣстностей Росс нерѣдко очень отдаленныхъ, къ нему являлись молодые люди, нимавшіеся уже дѣломъ образованія или желавшіе заняться и Онъ производилъ имъ повѣрку и съ недостаточно подготовленны продолжалъ заниматься самъ, оставляя ихъ жить у себя въ до Не одному десятку лицъ случалось проводить у него по двѣ, по т недѣли, даже по мѣсяцу, пока онъ, наконецъ убѣдившись въ и подготовленности, выдавалъ удостовѣреніе, что они могутъ бы народными учителями. Это удостовѣреніе въ глазахъ всѣхъ цѣн лось обыкновенно несравненно выше дипломовъ, такъ какъ баро Корфъ чрезвычайно удачно умѣлъ опредѣлять, помимо собствен подготовленности, еще и склонность къ педагогической дѣятел ности въ этомъ отношеніи. Лица, прошедшія черезъ руки баро Корфа, считались лучшими народными педагогами, такъ какъ он передавалъ имъ частичку своего педагогическаго огня, своей энергі любви и преданности дѣлу.

Но даже и этотъ громадный опытъ не имѣлъ еще рѣшающа значенія въ дѣлѣ составленія «Нашего Друга». Главную роль в этомъ отношеніи играло непосредственное веденіе барономъ Кор фомъ школъ въ своемъ уѣздѣ. Два раза въ годъ, именно въ пор самой несносной осенней и весенней распутицы, онъ объѣзжалъ вс школы уѣзда, дѣлая по 800 верстъ: осенью—чтобы установит школьное дѣло на мѣстѣ, при началѣ учебнаго года; весною—чтобы провѣрить результаты въ концѣ учебнаго года. Такимъ образом весь ходъ школьнаго дѣла въ цѣломъ уѣздѣ былъ у него всегда н виду; онъ на перечетъ зналъ всю работу въ каждой школѣ, съ е хорошими и неудовлетворительными сторонами, лично исправля ошибки и промахи лицъ, преподающихъ, и неуклонно подвигая их въ педагогическомъ самоусовершенствованіи.

Такимъ чисто опытнымъ путемъ, освѣщеннымъ предваритель

нымъ изученіемъ педагогической теоріи, у барона Корфа сложился вполнѣ отчетливый взглядъ, какимъ именно требованіямъ должна удовлетворять книга для русской народной школы, при современномъ состояніи крестьянства, при экономическихъ и учебныхъ нашихъ средствахъ. Баронъ Корфъ задался цѣлью составить книгу, которая-бы *«посредствомъ ознакомленія учащагося съ окружающимъ міромъ повліяла на улучшеніе его матеріальнаго и нравственнаго быта»*. Такою именно книгою и является «Нашъ Другъ». Въ немъ, какъ книгѣ, завершающей курсъ народной школы, удачно объединенъ весь учебный матеріалъ. Воздѣйствуя на общее развитіе и воспитаніе, способствуя обогащенію познаніями, развитію мышленія и дара слова учащихся, книга эта вмѣстѣ съ тѣмъ очень удачно преслѣдуетъ цѣль снабженія питомцевъ народной школы такими свѣдѣніями, которыя непосредственно приложимы въ жизни, обогащая притомъ питомцевъ и общими элементарными научными свѣдѣніями настолько, чтобы впослѣдствіи было возможно для нихъ самообразованіе, путемъ чтенія книгъ общедоступнаго содержанія. Всякое первоначальное обученіе можетъ быть конечно только *реальнымъ*, при полнѣйшемъ отсутствіи всего схоластическаго; народное-же образованіе кромѣ того должно быть еще и дѣловымъ. Баронъ Н. А. Корфъ удачно разрѣшилъ эту труднѣйшую изъ проблемъ во всемъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, какъ самою организаціею и постановкою народной школы, такъ наконецъ и составленіемъ для нея «Нашего Друга»,—книги для ученія въ школѣ и дома. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ авторовъ подобнаго рода изданій, онъ, такъ сказать, въ натурѣ видитъ передъ собою учащихся въ народной школѣ, какъ въ пору ихъ ученія, такъ и по выходѣ изъ школы, и дѣйствительно является ихъ *другомъ*, помощникомъ, совѣтникомъ и руководителемъ во всемъ, что нужно знать сельчанину въ его домашнемъ и общественномъ, хозяйственномъ и моральномъ обиходѣ. Точно также и въ своей «Книгѣ для учащихъ» (т. е. «Руководствѣ къ «Нашему Другу») онъ видитъ передъ собою народныхъ педагоговъ со всѣми возможными съ ихъ стороны промахами, ошибками, увлеченіями и отклоненіями,—и, какъ опытный руководитель, предупреждаетъ все это.

«Нашъ Другъ» барона Корфа восполнилъ собою тотъ пробѣлъ въ нашей школьной литературѣ, который такъ остро чувствовалъ К. Д. Ушинскій, понимавшій недостаточную примѣненность своего «Дѣтскаго Міра» и «Родного Слова» къ особенностямъ и потребностямъ народной школы и стремившійся написать особую учебную книгу *спеціально для народной* школы. Не такъ однако взглянула

на это дѣло кабинетная петербургская педагогическая критика. Какъ это ни конфузно и ни прискорбно, но находились и такіе патентованные педагоги, люди, претендующіе на имя въ дѣлѣ народнаго образованія, которые пытались поставить въ вину «Нашему Другу» все то, что составляетъ специфическую отличительную его черту отъ названныхъ выше руководствъ Ушинскаго, въ чемъ заключается спеціальная приспособленность этой книги къ потребностямъ народной школы. Для этой послѣдней (въ смыслѣ учащихъ и учащихся) она дѣйствительно является «*Другомъ*» въ полномъ смыслѣ слова: все содержаніе и построеніе этой книги продиктовано не одною только глубокою изученностью дѣла, но и горячею любовью и къ тѣмъ, которые учатся, и къ тѣмъ, которые учатъ. Тутъ буквально нѣтъ статейки, въ обработкѣ которой вы не чувствовали-бы заботы барона Корфа о томъ, чтобы она была понятна, интересна и полезна учащимся, и о томъ, чтобы она не затруднила учащихъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только учащій могъ-бы споткнуться и заблудиться, — на выручку является ему «Другъ» и указываетъ, какъ съ успѣхомъ пройти опасное мѣсто.

Къ сожалѣнію, все это проглядѣла патентованная кабинетная педагогическая критика. Она не проявила ничего самостоятельнаго, непосредственнаго. Впрочемъ она и не могла проявить этого, такъ какъ въ ту пору, когда появился «Нашъ Другъ», не было еще установлено учебной программы народной школы, не успѣла еще окончательно установиться практика только налаживавшихся учительскихъ семинарій. И то, и другое баронъ Корфъ опережалъ своею книгою, предрѣшая, такъ сказать, ихъ постановку.

Въ отношеніи къ «Нашему Другу» со стороны нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ петербургскихъ педагоговъ дѣло не обошлось и безъ значительной доли *двоедушія*: въ глаза они говорили барону Корфу о его дѣятельности и печатныхъ трудахъ одно, а за глаза старались показывать и проводить совсѣмъ другое. Вотъ особенно характерный фактъ въ этомъ отношеніи.

Одинъ изъ видныхъ петербургскихъ педагоговъ, съ вліятельнымъ служебнымъ положеніемъ, писалъ изъ Петербурга, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 года, барону Корфу между прочимъ слѣдующее:

«На всемъ протяженіи обширной Россіи нѣтъ другого человѣка, который-бы съ той-же энергіей и успѣхомъ, подобно вамъ, трудился-бы въ воздѣлываніи большого и долго заброшеннаго, а потому заросшаго сорными травами поля нашей народной культуры. Много еще потребно труда и усилій, чтобы совершить этотъ трудъ, *и нельзя* не выразить при этомъ сожалѣнія, что мало существуетъ *общенія и содружества* между служителями этой миссіи. Будемъ

ться на лучшее будущее... Какъ жаль, что вы не здѣсь (хотя, венно говоря, вы *вездѣ* нужны и прежде всего въ васъ сила и ь руководимаго и созданнаго вами дѣла въ вашемъ краѣ): заія с.-петербургскаго педагогическаго общества въ настоящее весьма интересны, и оно нынѣ особенно нуждается въ дѣясъ вашею опытностью и компетентностью, такъ какъ пренія здnихъ засѣданій затронули самыя живыя и, надо сказать, дане вполнѣ рѣшенныя проблемы относительно нашей народной ы, которая вамъ такъ хорошо и спеціально извѣстна. Мнѣ одитъ на мысль, нельзя-ли устроить дѣло хотя посредствомъ *енныхъ* сношеній—по поводу рефератовъ, — это конечно обвомъ примется съ благодарностью. Мнѣ кажется, что можно-бы было, — разумѣется, если ваши, столь многосложныя, за позволятъ,—прислать письменные тезисы, поручить ихъ за и развитіе въ засѣданіяхъ кому-либо изъ членовъ общества то напримѣръ всегда согласенъ съ удовольствіемъ). Я говорю имѣя въ виду, что общество наше безспорно много теряетъ, мѣя возможности *непосредственно* пользоваться трудами одного компетентнѣйшихъ своихъ членовъ—по самому важному изъ іальныхъ вопросовъ педагогіи.»

Авторъ этого сердечнаго письма, вполнѣ отвѣчавшаго при- дѣйствительному положенію вещей, въ скоромъ времени ъ въ педагогическое общество докладъ по поводу книги барона фа «Нашъ Другъ». Въ этомъ докладѣ—увы!—авторъ письма ообщалъ уже обществу педагоговъ, что «на всемъ простран- Россіи нѣтъ другого человѣка», съ такою-же «энергіею и хомъ», «опытностью и компетентностью». Напротивъ, онъ тракъ о «Нашемъ Другѣ» съ высоты величія и ничѣмъ неоправаемаго самомнѣнія. Въ общемъ однако отзывъ былъ вполнѣ блаіятенъ для труда барона Н. А. Корфа, хотя въ немъ невольно ается въ глаза такая странная постановка критики, что выдвися на первый планъ самъ докладчикъ, его «энергія» и «компеность», а вовсе не баронъ Корфъ и его прекрасный трудъ. Но это куда бы ни шло: главное-же въ томъ, что докладчикъ вслѣдъ за ь помѣстилъ въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ статью, оторой разногласитъ съ сущностью своего-же доклада.

Озадаченный такою *тройственностью* отношенія къ себѣ со оны одного и того-же лица, баронъ Н. А. Корфъ обратился въ рбургъ за разъясненіями. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ гогическаго общества, въ отвѣтномъ своемъ письмѣ барону фу между прочимъ говоритъ:

«Ваше недоумѣніе относительно разногласія между тезисами, авленными въ педагогическомъ обществѣ, и содержаніемъ статьи, щенной въ журналѣ (мы пропускаемъ названіе журнала, фаю докладчика, равно какъ и автора цитируемаго отвѣтнаго

письма барону Корфу),—раздѣляютъ многія лица въ Петеј
Въ самомъ дѣлѣ, не понятно преднамѣренное искаженіе
фактовъ и умолчаніе о другихъ. Гдѣ-же нужно искать пј
подобнаго разногласія,—положительно сказать трудно; вѣроя
лежитъ съ одной стороны въ вашихъ личныхъ отношеніяхъ
которыми господами, а съ другой—въ отсутствіи литератур
бросовѣстности этихъ нѣкоторыхъ лицъ, пишущихъ и печата
свои писанія. Протоколъ педагогическаго общества выража
что было въ засѣданіи общества. Слѣдовательно, педагогичес
щество сдѣлало свое дѣло. Если-же въ настоящее время появ
уколы тупыхъ булавокъ,—вы должны переносить ихъ, пото
не присылаете статей въ «Семью и Школу» и «Народную Ш
Значитъ, вы—врагъ изданіямъ, живущимъ жизнью, бѣд
держаніемъ.»

Эти «уколы тупыхъ булавокъ» послужили однако бо
соблазномъ для нѣкоторыхъ органовъ общей періодической
Зато люди, непосредственно стоявшіе у дѣла народнаго обра
съ высокою похвалою отзывались объ этой книгѣ. Изъ много
ныхъ отзывовъ этого рода остановимся на двухъ слѣду
какъ наиболѣе характерныхъ и выразительныхъ. Вотъ что
напримѣръ директоръ московской учительской школы, Цейд

«При первой, появившейся въ «Голосѣ», хулѣ на «Нашего
мнѣ хотѣлось, многоуважаемый Николай Александровичъ,
и мое мнѣніе о томъ, что въ нашей педагогической лит
нѣтъ ни одной книги, которую-бы можно было не только
нять, а хоть близко поставить къ «Нашему Другу» въ биб
или въ классномъ столѣ народной школы. Если мы гово
необходимости образованія для народа, если заботимся объ
ствѣ народныхъ школъ, то конечно потому только, что об
ніе, школа—самое сильное, самое лучшее средство для дост
важнѣйшей государственной цѣли—поднять уровень нравст
развитія и улучшить матеріальный бытъ народа. Но гдѣ-же т
которая-бы прямо вела къ этой цѣли? Только одна и есть—
Другъ». Указываютъ на книгу Водовозова,—но въ ней, ка
многихъ такъ-называемыхъ «народныхъ» книжкахъ, есть нѣ
статей, которыми сумѣетъ воспользоваться хорошій учител

«Считаю необходимымъ передать вамъ,—писалъ онъ, между прочимъ барону Корфу,—что мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ очень хорошихъ успѣховъ учениковъ, занимавшихся по книгѣ «Нашъ Другъ». Значеніе «Нашего Друга», я убѣдился въ этомъ, въ настоящее время велико у насъ именно потому, что въ этой книгѣ не только находится извѣстный матеріалъ, пригодный для народной школы, но и разъясненъ учителю способъ передачи учебнаго матеріала: взявъ вашу книгу за руководство, учитель народной школы знаетъ, что̀ дѣлать и какъ, и не теряется въ пустыхъ опытахъ, часто кончающихся ничѣмъ.» (14 мая 1872 года).

Пока нѣкоторые изъ вліятельныхъ педагоговъ, мучимые завистью къ авторитету, всероссійскому вліянію и успѣху барона Корфа, изощрялись то въ общей, то въ педагогической печати относительно «уколовъ тупыхъ булавокъ», школьная практика дѣлала свое дѣло. Новыя и новыя изданія «Нашего Друга» на-расхватъ расходились одно за другимъ. Всего по 1893 годъ «Нашего Друга» разошлось 16 изданій. Но и этого значительнаго распространенія нельзя еще назвать максимальнымъ, т. е. какимъ оно могло-бы быть, еслибы съ нимъ не случалось странностей совершенно курьезнаго свойства. Конечно-же «Нашъ Другъ», вскорѣ послѣ выхода его, былъ одобренъ «учеными» и «учебными» комитетами всевозможныхъ вѣдомствъ и министерствъ. Тѣмъ не менѣе съ нимъ случались слѣдующіе, совершенно необъяснимые, курьезы. Корфъ усиленнѣйшимъ образомъ работалъ надъ улучшеніемъ своей книги, соотвѣтственно росту народной школы и ея потребностей, и не выпустилъ въ свѣтъ двухъ одинаковыхъ изданій ея. Между тѣмъ случалось такъ, что предыдущія изданія попадали въ каталогъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ школъ, а послѣдующія—не попадали. Такъ это между прочимъ случилось и съ десятымъ изданіемъ «Нашего Друга», значительно переработаннымъ, которое не попало въ каталогъ министерства и потому могло быть допущено только въ библіотеки народныхъ школъ. Было-ли это продолженіемъ и послѣдствіемъ того «двоедушія», которое такъ характерно проявилось при критической оцѣнкѣ «Нашего Друга», или дѣло объяснялось слѣпою случайностью,—трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что указанное недоразумѣніе значительно затормозило распространеніе книги.

Тѣмъ не менѣе все, что̀ вышло изъ-подъ пера барона Корфа и продолжало выходить, находило большой сбытъ. Такъ, въ 1872 году онъ выпустилъ небольшую книгу «Малютка». Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Нашего Друга» весь учебный матеріалъ, заключавшійся въ «Малюткѣ», вошелъ въ него. Это однако не помѣшало

единственному изданію «Малютки» въ 25,000 экземпляровъ разошлись начисто.

Въ числѣ первой серіи книгъ, выпущенныхъ въ свѣтъ барономъ Н. А. Корфомъ, есть и еще очень важная книга—«Наше школьное дѣло». Но о ней мы скажемъ нѣсколько ниже, такъ какъ необходимо предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми обстоятельствами изъ жизни и дѣятельности барона Корфа.

VII.

Заслуги и черная неблагодарность.

Баронъ Н. А. Корфъ, какъ центръ дѣятельности по народному образованію. — Письма попечителя Кавказскаго учебнаго округа, г. Я. Невѣрова.—Отзывъ Д. Д. Семенова о школахъ барона Н. А. Корфа и его дѣятельности.—Признательность интеллигентной части русскаго общества къ барону Н. А. Корфу и пребываніе его въ Петербургѣ.—Жестокій ударъ и всеобщее сочувствіе.

Благодаря барону Корфу, въ исходѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ Александровскій уѣздъ, Екатеринославской губерніи, сталъ своего рода педагогическою Меккою въ отношеніи собственно народнаго образованія. Туда не только обращались за совѣтами и указаніями земскіе дѣятели по школьной части, тамъ не только искали прибѣжища и помощи молодые люди, желавшіе потрудиться на пользу народнаго образованія,—туда обращались также и крупные администраторы по учебной части, и лица, пользовавшіяся большою педагогическою извѣстностью,—чтобы умудриться примѣромъ и опытомъ барона Н. А. Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія и достигаемыми имъ прекрасными результатами. Онъ сталъ центромъ всей дѣятельности по народному образованію въ Россіи.

Какъ извѣстно, за кавказскимъ учебнымъ округомъ прочно сохраняется репутація одного изъ самыхъ гуманныхъ, дѣятельныхъ и производительныхъ районовъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Въ этомъ до-реформенномъ краѣ съ давнихъ поръ уже довольно значительные успѣхи дѣлаетъ и народное образованіе. Всѣмъ этимъ кавказскій округъ очень много обязанъ той дѣльной закваскѣ, которая была положена въ бытность тамъ попечителемъ учебнаго округа Невѣрова. Этотъ просвѣщенный и энергическій администраторъ съ искреннимъ увлеченіемъ отнесся къ начи

наніямъ барона Н. А. Корфа и задался цѣлью воспринять отъ него и цѣликомъ насадить у себя на Кавказѣ все, что есть хорошаго въ созданной барономъ Корфомъ организаціи народнаго образованія. И онъ блестяще осуществилъ эту цѣль за свой страхъ и рискъ, не стѣсняясь никакимъ формализмомъ.

Между барономъ Корфомъ и Невѣровымъ завязалась большая переписка, растянувшаяся года на четыре, чрезвычайно характерная для Невѣрова, какъ талантливаго администратора, и для дѣла барона Корфа. Вотъ нѣкоторыя черты изъ этой переписки. Въ оффиціальномъ напримѣръ письмѣ отъ 18-го марта 1869 г. попечитель кавказ. учебн. округа говоритъ барону Корфу:

«Изъ моей долгой педагогической дѣятельности я вынесъ убѣжденіе, что, безъ правильной подготовки учителей для начальныхъ и вообще низшихъ учебныхъ заведеній, развиваемое въ высшихъ слояхъ общества просвѣщеніе никогда не можетъ проникнуть въ низшіе его слои, а всегда будетъ поверхностно и односторонне, потому что лишится самыхъ питательныхъ соковъ, которые оно можетъ черпать только въ непосредственно народной средѣ. При такомъ убѣжденіи естественно, что я съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за вашею благотворною и просвѣщенною дѣятельностью на поприщѣ народнаго образованія. Не смотря на открытіе въ окрестностяхъ Тифлиса правильной учительской семинаріи, носящей названіе Александровской учительской школы, я счелъ необходимымъ, для удовлетворенія насущной потребности обученія, прибѣгать къ тѣмъ-же мѣрамъ, какія были съ успѣхомъ принимаемы и вами, какъ-то: съѣзды начальныхъ учителей и проч.»

Въ другомъ, тоже оффиціальномъ, письмѣ Невѣровъ говоритъ:

«Приношу вамъ мою искреннѣйшую благодарность за письмо ваше отъ 15 мая и присланный мнѣ вмѣстѣ съ нимъ «отчетъ» вашъ, который я прочелъ съ особеннымъ вниманіемъ и самымъ теплымъ сочувствіемъ къ благимъ результатамъ столь блистательно начатаго вами важнаго дѣла. Честь и слава вамъ: вы доказали, что правильная школа возможна на русской почвѣ и что народъ не только не чуждается ея, но вполнѣ ей сочувствуетъ. Вмѣстѣ съ симъ я дѣлаю распоряженіе, чтобы всѣ начальныя училища ввѣреннаго мнѣ округа были снабжены изданнымъ вами руководствомъ къ обученію грамотѣ, а также экземпляромъ вашего отчета, который служитъ наилучшимъ комментаріемъ къ этому руководству... Я получилъ извѣстіе, что проэктъ мой объ открытіи второй учительской семинаріи въ моемъ округѣ поступаетъ въ государственный совѣтъ и будетъ утвержденъ въ началѣ слѣдующаго года. Тотчасъ по полученіи утвержденія я непремѣнно командирую будущаго директора въ вашъ уѣздъ для ознакомленія съ вашими школами. Руководитель будущихъ народныхъ учителей долженъ на мѣстѣ ознакомиться съ правильною русскою школою и изучить всѣ особенности и условія ея быта. Я надѣюсь, что вы и училищный совѣтъ не откажете въ содѣйствіи этому лицу. Прилагая при семъ для

васъ, баронъ, экземпляръ моего отчета за минувшій годъ, я пoı нѣйше прошу у васъ извиненія въ томъ, что, не спросивъ ваı позволенія, я напечаталъ въ моихъ циркулярахъ извлеченіе вашего письма ко мнѣ. Я придаю очень большую цѣну столь безно предлагаемому вами обмѣну мыслей въ такомъ общемъ дѣı и радъ былъ случаю, предоставленному мнѣ письмомъ ваш чтобъ показать моимъ сослуживцамъ, что въ реформахъ, мною димыхъ, я нахожу сочувствіе и готовность содѣйствія въ ваı въ лицѣ, на дѣлѣ доказавшемъ возможность существованія у правильной школы.» (14 августа 1869 г.)

Новая учительская семинарія, о которой писалъ барону К попечитель кавказскаго учебнаго округа,—*Кубанская*. Дирек ея—извѣстный русскій педагогъ, Д. Д. Семеновъ, который и ı тилъ школы Александровскаго уѣзда весною 1871 года. Вотı писалъ по этому поводу барону Корфу попечитель кавказı учебнаго округа, Невѣровъ, отъ 11-го декабря 1871 года:

«Я только что прочелъ оффиціальный отчетъ Д. Д. Семı о командировкѣ его въ Александровскій уѣздъ и, подъ влія впечатлѣнія, произведеннаго на меня подробнымъ описаніемъ что видѣлъ Семеновъ у васъ, берусь за перо, чтобы выразить ı баронъ, глубокое сочувствіе къ вашей общественной дѣятельн поистинѣ заслуживающей уваженія не отдѣльныхъ только сı тизирующихъ вамъ лицъ, но и всего народа русскаго, котс вы показали возможность существованія въ средѣ его правиı школы. Благодаря вашему благому примѣру, теперь смѣло мс съ полною надеждою на успѣхъ, приниматься за великое дѣл роднаго образованія.»

Далѣе въ письмѣ говорится о намѣреніи попечителя комı ровать въ Александровскій уѣздъ весною 1872 года инспеı народныхъ училищъ Ставропольской губерніи.

Отчетъ Д. Д. Семенова о командировкѣ былъ напечатав январьской книжкѣ циркуляровъ по кавказскому учебному оı за 1872 годъ. Кромѣ того г. Семеновъ подѣлился съ публ своими впечатлѣніями отъ этой командировки и въ періодичı печати. Описаніе г. Семеновымъ этой поѣздки, появившееся въ родной Школѣ» за 1871 и 1872 года («Педагогич. очерки ш Александровскаго уѣзда»), почти совпало съ извѣстною уже ı телямъ статьею г. Кашина, командированнаго московскими ı тетами грамотности. Такъ какъ отъ появленія «Педагогичес очерковъ» г. Семенова отдѣляетъ насъ періодъ времени болѣе въ 20 лѣтъ, то мы предпочитаемъ ограничиться небольшоı держкою изъ другой статьи Д. Д. Семенова—«Баронъ Нив Александровичъ Корфъ», помѣщенной въ брошюрѣ «Русскіе ı гогическіе дѣятели», вышедшей въ свѣтъ въ 1887 году.

оття прошло тому около 15-ти лѣтъ,—вспоминаетъ Д. Д. Се- въ позднѣйшей своей статьѣ о поѣздкѣ для осмотра школъ Н. А. Корфа,—но я живо припоминаю первую встрѣчу мою А. Отыскивая школы въ уѣздѣ въ апрѣлѣ 1871 года по іъ до-нельзя дорогамъ, я случайно попалъ въ село Маіор- дѣ ждали пріѣзда барона для ревизіи школы.

тъ я встрѣтилъ уже попечителя школы, изъ мѣстныхъ по- въ, мирового посредника, члена училищнаго совѣта, заѣз- ителя изъ Харькова, священника и учителя школы; возлѣ толпились крестьяне. Наружность школы немногимъ отли- отъ малороссійской хаты зажиточнаго крестьянина: та-же азанка, та-же соломенная крыша; но школа особнякомъ на возлѣ школы небольшой садикъ, обработанный учителемъ и ми. Внутренность школы поражала поистинѣ праздничнымъ Стѣны и потолокъ были выбѣлены; глиняный полъ чистъ тъ водою во избѣжаніе пыли; по стѣнамъ развѣшаны кар- реимущественно изъ Священной исторіи; въ углу—образъ; дней стѣнѣ—портретъ Государя и часы; на столѣ разложены и рисунки дѣтей; дѣти сидѣли чинно, въ ожиданіи Н. А.; были умыты и гладко причесаны, въ чистыхъ рубашкахъ иткахъ, и всѣ въ сапогахъ; передъ каждымъ ученикомъ новое перо и поллиста бѣлой бумаги. Подобную обстановку я видѣлъ потомъ и въ другихъ школахъ, гдѣ и не ожидали а. Но вотъ пробило два часа,—время, назначенное Корфомъ ѣзда. Вдали послышался колокольчикъ; всѣ встрепенулись; ъ Н. А., усталый, изнуренный, обрызганный грязью, въ про- лѣгѣ, на обывательской тройкѣ, объѣздившій безъ отдыха всѣ школы своего участка и уже утромъ успѣвшій обреви- одну школу. Въ какія - нибудь 5—10 минутъ Н. А. успѣлъ перекусить, привести себя въ порядокъ и вошелъ въ бодрымъ и свѣжимъ. Вошли въ школу и отцы. На привѣт- Корфа: «здравствуйте, хлопцы!», дѣти радостно закричали: твуйте и вы, Николай Александровичъ!» Видно было, что орошо знаютъ своего гостя. Послѣ привѣтствія, дѣти согласно и молитву: «Достойно есть». Въ этомъ пѣніи участвовали: никъ, учитель и самъ Н. А. Затѣмъ начался экзаменъ, ко- продолжался три часа. Самъ Н. А. изложилъ дѣтямъ раз- для письменной работы, самъ спрашивалъ по всѣмъ предме- е исключая Закона Божія и славянскаго чтенія, самъ пере- ъ всѣ письменныя работы дѣтей, ихъ тетради и рисунки и, все въ порядкѣ, присудилъ учителю высшую награду отъ , въ 100 рублей. Что чувствовали отцы, видя и слыша все ѣшить трудно. А видѣли и слышали они, что дѣти ихъ въ ибудь три зимы научились молиться Богу, толково переда- зсказы изъ Священной исторіи, бойко читали по-русски и ки, умѣли грамотно написать слышанное, рѣшали задачи, оторыми задумывались отцы, да еще умѣли начертить планъ ельницы, разбить поле на десятины; знали о полевыхъ и хъ животныхъ, насѣкомыхъ и растеніяхъ. И таковы были школъ уѣзда.»

Сославшись затѣмъ на извѣстную уже читателямъ статью Кашина о несчастномъ положеніи школъ Александровскаго уѣз[да] въ до-реформенное время, Д. Д. Семеновъ продолжаетъ:

«Не то мы видимъ черезъ пять лѣтъ по вступленіи бар[она] Корфа въ члены училищнаго совѣта. Вмѣсто двухъ сносныхъ шко[лъ] въ уѣздѣ открывается до 70 прочно организованныхъ, обезпече[н]ныхъ въ матеріальномъ отношеніи, съ приспособленными къ учен[ію] школьными зданіями, съ дѣльными учителями, съ хорошими уче[ни]никами, наглядными пособіями, библіотеками и книжными склада[ми]».

Кромѣ указанныхъ командировокъ отъ кавказскаго учебнаго округа, къ барону Корфу были и еще двѣ: командировка учителя образцовой школы кубанской учительской семинаріи, выписаннаго изъ Петербурга, человѣка опытнаго уже въ преподаваніи, и инспектора народныхъ училищъ Кубанской области. Сообщая объ этихъ новыхъ командировкахъ барону Н. А. Корфу отъ 12-го февраля 1872 года, Д. Д. Семеновъ между прочимъ писалъ ему:

«Вѣроятно оба они съѣдутся у васъ въ одно и то-же время (около начала марта) притомъ въ самое благопріятное время, когда вы обыкновенно дѣлаете весенніе объѣзды и ревизіи школъ. Было-бы особеннымъ счастьемъ для нихъ обоихъ и для кубанской семинаріи въ особенности, еслибы вы, Николай Александровичъ, придали своимъ объѣздамъ тотъ-же характеръ, который имѣли эти объѣзды, когда я посѣщалъ ваши школы, т. е. не только-бы производили общія испытанія, но и взяли-бы на себя трудъ дать образцовые уроки по всѣмъ предметамъ обученія, заставили-бы, какъ моего образцоваго учителя, такъ и своихъ учителей дать по нѣскольку пробныхъ уроковъ, и въ заключеніе показали-бы, какъ совмѣстно, съ тремя отдѣленіями, долженъ заниматься учитель втеченіи цѣлаго дня. Въ заключеніе я былъ-бы весьма признателенъ вамъ, еслибы вы откровенно написали мнѣ о томъ, чего еще не достаетъ для будущаго моего образцоваго учителя.»

По поводу приведенныхъ цитатъ изъ статьи и письма Д. Д. Семенова, необходимо замѣтить, что онѣ принадлежатъ педагогу большой школы и высокой пробы, т. е. бывшему сподвижнику К. Д. Ушинскаго въ его преобразовательной дѣятельности по Смольному институту,—человѣку, не мало потрудившемуся надъ подготовленіемъ учителей для среднеучебныхъ заведеній въ бывшихъ «Педагогическихъ курсахъ» при второй с.-петербургской военной гимназіи, справедливо пользовавшихся большимъ уваженіемъ и давшихъ Россіи не мало весьма дѣльныхъ педагоговъ, и впослѣдствіи ставшему однимъ изъ руководителей по начальному образованію въ Петербургѣ. Одно уже это избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ перечень описаній другихъ лицъ, посѣтившихъ школы

барона Н. А. Корфа, видѣвшихъ на мѣстѣ и работу школы, и дѣятельность самого барона Корфа. Слѣдуетъ однако сказать, что всѣ они въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о блистательномъ порядкѣ и благоустройствѣ школъ, стройномъ и отчетливомъ ходѣ занятій въ нихъ, законченности и прочности организаціи. Словомъ, это—въ полномъ смыслѣ образцовыя школы, полно обставленныя. Слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, эти школы, помимо разумныхъ учителей и всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, имѣли еще и «садики», и «библіотеки», и «книжные склады», тогда какъ большинство не только тогдашнихъ, но и нынѣшнихъ народныхъ школъ все еще не можетъ добиться этихъ необходимыхъ при нихъ учрежденій, а то такъ испытываетъ даже горькую нужду и въ хорошихъ пособіяхъ, и въ дѣльныхъ учителяхъ.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что даже лица, обладавшія обширными обще-педагогическими познаніями и большою опытностью въ веденіи школьнаго дѣла вообще, тѣмъ не менѣе находили для себя чему учиться у барона Корфа въ отношеніи собственно народнаго образованія, его организаціи, постановки и веденія, и совѣтовали отправляться къ нему учиться другимъ лицамъ, тоже свѣдущимъ и опытнымъ въ школьномъ дѣлѣ. Это само собою свидѣтельствуетъ о большой трудности дѣла народнаго образованія и оттѣняетъ значеніе той заслуги барона Корфа передъ всей Россіей, которую онъ оказалъ отечеству, какъ новаторъ, организаторъ и пламенный пропагандистъ великаго дѣла просвѣщенія народа.

Но какъ бы не довѣряя себѣ, какъ бы желая еще болѣе укрѣпиться во всѣхъ своихъ начинаніяхъ въ области народнаго образованія, баронъ Н. А. Корфъ, не смотря на многосложность прямыхъ своихъ обязанностей, предпринялъ еще объѣздъ и осмотръ длиннаго ряда учебныхъ заведеній, представлявшихъ какую-нибудь характерную особенность по своей организаціи и постановкѣ. Со многими изъ дѣятелей этихъ учебныхъ заведеній баронъ Корфъ велъ дѣятельную переписку,—и они усиленно звали его, желая услышать отъ него авторитетную оцѣнку. Въ 1871—72 годахъ баронъ Корфъ посѣтилъ: элементарную школу Ильиныхъ въ Николаевѣ, начальныя и воскресныя народныя училища города Харькова, а также и находящуюся тамъ частную воскресную женскую школу, основанную дамскимъ кружкомъ и находящуюся подъ главнымъ руководствомъ извѣстной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской; фабричную школу братьевъ Милютиныхъ подъ Москвою; воскресныя школы московскаго общества распространенія техническихъ знаній; школу оборвышей Е. И. Чертковой въ

Петербургѣ; женскіе педагогическіе курсы П. И. Чепелевской въ Москвѣ; новгородскую и московскую земскія учительскія семинаріи; наконецъ комиссаровскую техническую школу въ Москвѣ. Эта масса осмотрѣнныхъ разнородныхъ заведеній была тщательно изучена имъ и описана въ рядѣ статей, органически связанныхъ между собою, хотя и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы», «Семьѣ и Школѣ» и «Народной Школѣ». Помимо собственнс педагогическаго значенія этихъ статей, въ смыслѣ указанія на хорошія и неудовлетворительныя стороны осмотрѣнныхъ учебныхъ заведеній, онѣ представляютъ большой интересъ для оцѣнки то эпохи, такъ какъ заключаютъ въ себѣ прекрасный анализъ замѣчательнаго частнаго и общественнаго почина въ дѣлѣ учреждені самыхъ разнообразныхъ школъ: начальныхъ, воскресныхъ, фабричныхъ, техническихъ, спеціально-рисовальныхъ, школъ для оборвышей и наконецъ семинарій для подготовленія народныхъ учителе и учительницъ. Ничего этого не было раньше: все это какъ бы само собою явилось по почину городовъ и земствъ, частныхъ лиц и обществъ. Русское общество поняло свою отсталость въ дѣл образованія массы и видимо торопилось наверстать потерянное время. Это напряженное состояніе общества прекрасно очерчено барономъ Корфомъ, попутно указывающимъ, какъ поставлена заграницей та или другая отрасль содѣйствія массѣ населенія въ дѣл образованія и чего не достаетъ намъ въ томъ или иномъ отношені

Статьи эти были собраны въ одно и дополнены еще слѣдующими статьями, въ разное время появившимися въ печати: «Быт крестьянъ, какимъ онъ отражается въ письменныхъ упражненіях учениковъ сельскихъ школъ», «Объ инспекціи народныхъ училищъ» «Учительскіе съѣзды», «Программа народной школы», «Земскія учительскія семинаріи», «Учительскія семинаріи» и «Объ обязатель ности обученія въ Россіи». Въ общемъ составилось такимъ образомъ объемистая книга—«Наше школьное дѣло». Авторъ скромн назвалъ ее «Сборникомъ статей по училищевѣдѣнію», но это вовс не случайныя, отрывочныя статьи, а органически связанныя межд собою, въ смыслѣ детальнаго разъясненія и яркаго освѣщенія, чт все будущее нашего народнаго образованія всецѣло зависитъ от способовъ и средствъ проявленія общественнаго почина и самодѣя тельности, отъ условій развитія и самоусовершенствованія народно школы, учительскихъ семинарій и другихъ воспособляющихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ образованія массы населенія. «Наше школь*ное дѣло»* существенно дополняетъ извѣстный уже читателям

трудъ барона Корфа по училищевѣдѣнію «Русскую начальную школу» въ бытовомъ, законодательномъ, дидактическомъ и общественномъ отношеніи. Оба названныхъ труда, въ общей ихъ совокупности, весьма полно обнимаютъ собою теоретическую и практическую стороны училищевѣдѣнія у насъ, въ Россіи, давая вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое освѣщеніе этого дѣла за границей.

Такая энергическая, разносторонняя и плодотворная дѣятельность барона Н. А. Корфа была оцѣнена интеллигентною частью русскаго общества съ большою признательностью. Въ 1870 году напримѣръ петербургское педагогическое общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1871 году московскій университетъ и московскій комитетъ грамотности также избрали его въ почетные свои члены. Во время пріѣзда барона Корфа въ Петербургъ, въ исходѣ 1871 года, у него установились тѣсныя и дружественныя отношенія со всѣми лучшими представителями педагогической дѣятельности въ столицѣ. Не говоря уже о торжественномъ чествованіи его педагогическимъ обществомъ, какъ своего почетнаго члена, онъ былъ оффиціально приглашенъ въ засѣданіе педагогическихъ курсовъ при II-й с.-петербургской военной гимназіи. Въ присутствіи великой княгини Евгеніи Максимиліановны онъ давалъ уроки въ острожной женской школѣ, въ образцовой школѣ учительской семинаріи петербургскаго воспитательнаго дома, въ частной воскресной школѣ и многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того онъ имѣлъ свиданіе съ Головнинымъ, предшественникомъ графа Толстого по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. Г. Строгоновымъ и многими другими лицами, проявлявшими живой интересъ къ дѣлу народнаго образованія и желавшими ближе познакомиться съ педагогическими его воззрѣніями.

Заслуживаетъ также вниманія и слѣдующій эпизодъ изъ этой поѣздки барона Корфа въ Петербругъ. Еще въ 1870 году онъ получилъ отъ графа Д. А. Толстого, бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, письмо съ выраженіемъ «искренней благодарности» за присылку ему, «при письмѣ», книги «Русская начальная школа». Собственноручнымъ-же письмомъ 27 ноября 1871 года графъ Д. А. Толстой пригласилъ барона Н. А. Корфа «пожаловать къ нему откушать 28-го ноября въ 6 часовъ». Въ этотъ день онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ министромъ о положеніи и нуждахъ народнаго образованія, о задачахъ и условіяхъ его организаціи. Въ то время, какъ извѣстно, графъ Д. А. Толстой самъ сильно склонялся въ пользу введенія обязательнаго обученія въ Россіи. Немудрено поэтому, если изъ собесѣдованія съ Толстымъ ба-

ронъ Корфъ вынесъ увѣренность, что невѣжеству русскаго народа настала конецъ, что правительство рѣшилось, не щадя никакихъ средствъ, идти по пути народнаго образованія.

Вообще послѣ поѣздки въ Петербургъ, котораго баронъ Корфъ прямо-таки не любилъ, онъ возвратился въ свой родной уѣздъ съ самыми лучшими надеждами и ожиданіями, но здѣсь его ожидало жестокое разочарованіе. Темная мѣстная землевладѣльческая сила не пожелала имѣть барона Н. А. Корфа своимъ гласнымъ и забаллотировала его на земскихъ выборахъ. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ отъ 1-го іюня 1872 года по этому поводу Х. Д. Алчевской, съ которою находился въ дѣятельной и дружеской перепискѣ:

«20-го мая я торжественно забаллотированъ въ уѣздные гласные двумя третями голосовъ на избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодяевъ и пожелать посредствомъ баллотировки избавиться отъ честнаго человѣка. Огорчаетъ меня не эта шайка, а то *безучастное* отношеніе къ вопіющей паглости, отношеніе къ ней со стороны 5—6 лицъ, считавшихся порядочными и теперь не только позволившихъ баллотировать себя послѣ того, что въ лицѣ моемъ дана пощечина всѣмъ слугамъ дѣла, но и не промолвившихъ ни одного слова протеста. Нужно вамъ знать, что я былъ 6 лѣтъ гласнымъ, секретаремъ собранія въ 6 сессіяхъ, три года членомъ ревизіонной коммиссіи, три года предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, 5 лѣтъ членомъ училищнаго совѣта, всѣ эти должности я отправлялъ безвозмездно и пожертвовалъ за все время въ пользу кассы школъ уѣзда болѣе 5,000 р. сер. Не стану судить о томъ, принесъ-ли я какую нибудь пользу, но всѣ признаютъ, что я трудился на пользу земства съ самоотверженіемъ. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивнымъ (человѣкъ 5), не только не мѣшало шайкѣ выбросить за бортъ слугу дѣла, но изъ зависти и тщеславія, желая попасть въ гласные, старались дружественно относиться къ шайкѣ, владѣвшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мнѣ въ залѣ, для того, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ шайки. Но откуда-же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками моими и однимъ господиномъ, который, по моей инціативѣ, не избранъ вновь въ мировые судьи, успѣвши вооружить противъ себя все населеніе своею судебною дѣятельностью. Итакъ, повторяю, что огорчаетъ меня безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны людей, которымъ я вѣрилъ, которыхъ я считалъ годными для дѣла и которые оказались тряпицами. Впрочемъ и тутъ были отрадныя исключенія: всѣ члены училищнаго совѣта объявили, послѣ моей баллотировки, что считаютъ за позоръ дозволить баллотировать себя; впрочемъ и то нужно сказать, что еслибы они допустили баллотировку, то ихъ бы прокатили непремѣнно, такъ какъ баллотировалось то дѣло, которому они служили *вмѣстѣ со* мною. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ—и это меня *утѣшаетъ,—что* въ средѣ земскихъ людей, послѣ того, что я вте-

ченіи 6 лѣтъ распинался за общее благо, нашлось три честныхъ человѣка, три члена училищнаго совѣта, которые не съумѣли отнестись холодно и равнодушно къ мерзости, происшедшей на выборахъ. Итакъ, нашего училищнаго совѣта и меня въ совѣтѣ съ сентября этого года не существуетъ. Въ виду того, что на учительскій съѣздъ потребовалось бы издержать 1,200 руб. сер., мы не рѣшились произвести этого расхода, не увѣренные въ сочувствіи ему со стороны плательщиковъ и будущихъ руководителей училищнаго дѣла, и съѣздъ, предполагавшійся на 8-е сентября, отмѣненъ. Само собою разумѣется, что я не перестану служить дѣлу народнаго образованія словомъ и дѣломъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ пожелаютъ услугъ моихъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что я не только не закрою той народной школы, попечителемъ которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но въ уѣздѣ дѣятельность моя окончена: опытъ состоялся; найдутся люди, то будетъ и дѣло, если не теперь, то со временемъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ отдѣленія части территоріи Александровскаго уѣзда къ Маріупольскому, куда отойдетъ и мое имѣніе; тогда будутъ новые выборы въ гласные въ обоихъ уѣздахъ, Александровскомъ и Маріупольскомъ; я буду баллотироваться въ послѣднемъ и, если изберутъ, опять готовъ служить народной школѣ, хотя здоровье мое, т. е. нервы, и крайне разстроено. Впрочемъ будущее впереди, а въ настоящемъ совершился фактъ, еще разъ доказавшій мнѣ, что у насъ человѣку прогрессивному нельзя разсчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Тѣмъ дороже для меня тѣ немногіе друзья за предѣлами уѣзда, которыми я обладаю.»

«Друзей» однако оказалось у барона Н. А. Корфа несравненно больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ печати дружно раздался крикъ негодованія по поводу самодурно-самоуправнаго поступка землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда, проявившихъ самую низкую и черную неблагодарность къ общественнымъ заслугамъ барона Корфа, успѣвшимъ уже получить общерусскую извѣстность и заслужившимъ признательность со стороны цѣлаго ряда ученыхъ корпорацій, наиболѣе компетентныхъ въ вопросахъ образованія. Со всѣхъ концовъ Россіи онъ былъ заваленъ самыми горячими сочувствіями по поводу постигшей его непріятности и обиды. Тутъ были письма педагоговъ, частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Всѣ въ одинъ голосъ признали, что та часть александровскаго дворянства, которая забаллотировывала барона Корфа, положила «черные шары» самой-же себѣ,—въ глазахъ всей мыслящей Россіи навсегда осудила и опозорила себя, доказавъ лишь умственное и нравственное убожество свое, непониманіе и недостоинство, неспособность стоять на высотѣ общественнаго служенія. Вотъ, напримѣръ, что писалъ барону Корфу извѣстный педагогъ, Евтушевскій:

«Извѣстіе, прочтенное мною изъ газетъ, о сюрпризѣ, устроен-

ронъ Корфъ вынесъ увѣренность, что невѣжеству русскаго народа насталъ конецъ, что правительство рѣшилось, не щадя никакихъ средствъ, идти по пути народнаго образованія.

Вообще послѣ поѣздки въ Петербургъ, котораго баронъ Корфъ прямо-таки не любилъ, онъ возвратился въ свой родной уѣздъ съ самыми лучшими надеждами и ожиданіями, но здѣсь его ожидало жестокое разочарованіе. Темная мѣстная землевладѣльческая сила не пожелала имѣть барона Н. А. Корфа своимъ гласнымъ и забаллотировала его на земскихъ выборахъ. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ отъ 1-го іюня 1872 года по этому поводу Х. Д. Алчевской, съ которою находился въ дѣятельной и дружеской перепискѣ:

«20-го мая я торжественно забаллотированъ въ уѣздные гласные двумя третями голосовъ на избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодяевъ и пожелать посредствомъ баллотировки избавиться отъ честнаго человѣка. Огорчаетъ меня не эта шайка, а то *безучастное* отношеніе къ вопіющей наглости, отношеніе къ ней со стороны 5—6 лицъ, считавшихся порядочными и теперь не только позволившихъ баллотировать себя послѣ того, что въ лицѣ моемъ дана пощечина всѣмъ слугамъ дѣла, но и не промолвившихъ ни одного слова протеста. Нужно вамъ знать, что я былъ 6 лѣтъ гласнымъ, секретаремъ собранія въ 6 сессіяхъ, три года членомъ ревизіонной коммиссіи, три года предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, 5 лѣтъ членомъ училищнаго совѣта, всѣ эти должности я отправлялъ безвозмездно и пожертвовалъ за все время въ пользу кассы школъ уѣзда болѣе 5,000 р. сер. Не стану судить о томъ, принесъ-ли я какую нибудь пользу, но всѣ признаютъ, что я трудился на пользу земства съ самоотверженіемъ. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивнымъ (человѣкъ 5), не только не мѣшало шайкѣ выбросить за бортъ слугу дѣла, но изъ зависти и тщеславія, желая попасть въ гласные, старались дружественно относиться къ шайкѣ, владѣвшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мнѣ въ залѣ, для того, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ шайки. Но откуда-же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками моими и однимъ господиномъ, который, по моей иниціативѣ, не избранъ вновь въ мировые судьи, успѣвши вооружить противъ себя все населеніе своею судебною дѣятельностью. Итакъ, повторяю, что огорчаетъ меня безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны людей, которымъ я вѣрилъ, которыхъ я считалъ годными для дѣла и которые оказались тряпицами. Впрочемъ и тутъ были отрадныя исключенія: всѣ члены училищнаго совѣта объявили, послѣ моей баллотировки, что считаютъ за позоръ дозволить баллотировать себя; впрочемъ и то нужно сказать, что еслибы они допустили баллотировку, то ихъ бы прокатили непремѣнно, такъ какъ баллотировалось то дѣло, которому они служили *вмѣстѣ со мною*. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ—и это меня *утѣшаетъ*,—*что* въ средѣ земскихъ людей, послѣ того, что я вте-

енія 6 лѣтъ распинался за общее благо, нашлось три честныхъ человѣка, три члена училищнаго совѣта, которые не съумѣли отнестись холодно и равнодушно къ мерзости, происшедшей на выборахъ. Итакъ, нашего училищнаго совѣта и меня въ совѣтѣ съ сентября этого года не существуетъ. Въ виду того, что на учительскій съѣздъ потребовалось бы издержать 1,200 руб. сер., мы не рѣшились произвести этого расхода, не увѣренные въ сочувствіи ему со стороны плательщиковъ и будущихъ руководителей училищнаго дѣла, и съѣздъ, предполагавшійся на 8-е сентября, отмѣненъ. Само собою разумѣется, что я не перестану служить дѣлу народнаго образованія словомъ и дѣломъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ пожелаютъ услугъ моихъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что я не только не закрою той народной школы, попечителемъ которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но въ уѣздѣ дѣятельность моя окончена: опытъ состоялся; найдутся люди, то будетъ и дѣло, если не теперь, то со временемъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ отдѣленія части территоріи Александровскаго уѣзда къ Маріупольскому, куда отойдетъ и мое имѣніе; тогда будутъ новые выборы въ гласные въ обоихъ уѣздахъ, Александровскомъ и Маріупольскомъ; я буду баллотироваться въ послѣднемъ и, если изберутъ, опять готовъ служить народной школѣ, хотя здоровье мое, т. е. нервы, и крайне разстроено. Впрочемъ будущее впереди, а въ настоящемъ совершился фактъ, еще разъ доказавшій мнѣ, что у насъ человѣку прогрессивному нельзя разсчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Тѣмъ дороже для меня тѣ немногіе друзья за предѣлами уѣзда, которыми я обладаю.»

«Друзей» однако оказалось у барона Н. А. Корфа несравненно больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ печати дружно раздался крикъ негодованія по поводу самодурно-самоуправнаго поступка землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда, проявившихъ самую низкую и черную неблагодарность къ общественнымъ заслугамъ барона Корфа, успѣвшимъ уже получить общерусскую извѣстность и заслужившимъ признательность со стороны цѣлаго ряда ученыхъ корпорацій, наиболѣе компетентныхъ въ вопросахъ образованія. Со всѣхъ концовъ Россіи онъ былъ заваленъ самыми горячими сочувствіями по поводу постигшей его непріятности и обиды. Тутъ были письма педагоговъ, частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Всѣ въ одинъ голосъ признали, что та часть александровскаго дворянства, которая забаллотировывала барона Корфа, положила «черные шары» самой-же себѣ,—въ глазахъ всей мыслящей Россіи навсегда осудила и опозорила себя, доказавъ лишь умственное и нравственное убожество свое, непониманіе и недостоинство, неспособность стоять на высотѣ общественнаго служенія. Вотъ, напримѣръ, что писалъ барону Корфу извѣстный педагогъ, Евтушевскій:

«*Извѣстіе, прочтенное мною* изъ газетъ, о сюрпризѣ, устроен-

номъ александровскому училищному совѣту, сначала меня сильно поразило; но потомъ, вспомнивъ, что мы живемъ еще пока въ дикихъ дебряхъ, гдѣ встрѣчается больше звѣрей, нежели людей, я успокоился, такъ какъ различные курьезы на Руси довольно часты. Съ своей-же стороны я имѣю только къ вамъ, многоуважаемый Николай Александровичъ, большую просьбу: не смотря на пошлости, васъ окружающія, и несправедливости, которыми вамъ платятъ за великое, честное и доброе ваше дѣло, не бросайте этого дѣла. Повѣрьте, что есть гораздо больше такихъ людей, которые благодарятъ васъ душевно теперь и всегда будутъ чтить вашу память, какъ человѣка, дѣйствительно сдѣлавшаго доброе дѣло.» (14 іюня 1872 г.)

Мотивъ этого письма изъ Петербурга замѣчательно совпадаетъ съ мотивомъ адреса бахмутскаго уѣзднаго училищнаго совѣта барону Корфу по поводу его забаллотировки. Правильно охарактеризовавъ значеніе его дѣятельности, какъ для цѣлаго уѣзда, такъ и для всей Россіи, бахмутскій училищный совѣтъ говоритъ далѣе въ своемъ адресѣ:

«Фактъ, такъ неожиданно совершившійся 20-го мая 1872 года ясно говоритъ самъ за себя, и особенно онъ понятенъ для насъ служащихъ и трудящихся на одномъ съ вами многотрудномъ поприщѣ начальнаго народнаго образованія.... Совершившееся у васъ событіе не могло не произвести на вашу благородную душу впечатлѣніе самое тяжкое не въ смыслѣ личной обиды и оскорбленія а въ виду тѣхъ важныхъ и великихъ по своимъ послѣдствіямъ потерь, которыя въ подобныхъ случаяхъ и при подобныхъ обстоятельствахъ терпитъ нашъ простой народъ.»

Выразивъ затѣмъ увѣренность, что баронъ Корфъ «снисходительно отнесется къ дѣлу, которое совершилось и можетъ повториться подъ вліяніемъ непреодолимыхъ еще обстоятельствъ самаго грустнаго свойства», бахмутскій училищный совѣтъ продолжаетъ:

«Оставшіяся при васъ и съ вами неотъемлемо Богомъ данныя вамъ геніальныя способности и практическій вѣрный взглядъ на дѣло начальнаго образованія, ваше въ немъ особое умѣнье, этотъ внутренній, счастливый, стройный порядокъ душевныхъ вашихъ силъ въ состояніи явить нашему краю и всему отечеству, что для истиннаго гражданина, истиннаго сына отечества не сильны преграды воздвигаемыя иногда по недоразумѣнію, а иногда и по другимъ причинамъ.»

Но у барона Корфа нашлись «друзья» не только «за предѣлами», но и въ предѣлахъ уѣзда. Забаллотированный дворянами, онъ былъ выбранъ въ земскіе гласные изъ пяти избирательныхъ уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ въ трехъ съѣздахъ, и притомъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Фактъ тѣмъ болѣе отрадный и назидательный, что онъ произошелъ не только безъ малѣйшей агитаціи со стороны барона Корфа, но даже и при отсутствіи его въ Александровскомъ уѣздѣ, такъ какъ немедленно послѣ забаллотировки

нія на съѣздѣ землевладѣльцевъ онъ уѣхалъ по дѣламъ въ ринославъ.

казанное единодушіе крестьянъ въ избраніи барона Корфа въ е вызвало задушевный откликъ со стороны попечителя кав-го учебнаго округа, Невѣрова, который все еще находился ъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, продолжая командировать въ андровскій уѣздъ новыхъ и новыхъ дѣятелей по народному ванію, такъ какъ отъ такихъ командировокъ была явная для успѣховъ народнаго образованія на Кавказѣ. Въ письмѣ го іюля 1872 года Невѣровъ, выражая барону Н. А. Корфу чайшую благодарность» за ту «предупредительность», съ ко-онъ знакомилъ кавказцевъ съ устройствомъ своихъ школъ и домъ, а также и за «чисто-русское радушіе», говоритъ далѣе:

При этомъ случаѣ позволяю себѣ высказать то душевное на-ніе, съ которымъ я прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что если е пожелали или не умѣли оцѣнить помѣщики, то единодуш-ыборъ васъ крестьянами въ свои представители ясно пока-что благотворная ваша дѣятельность на пользу народнаго щенія вполнѣ оцѣнена народомъ русскимъ. А это—не сомнѣ-въ томъ—въ глазахъ вашихъ и всѣхъ понимающихъ и сочув-щихъ вамъ конечно выше и дороже всего. Да дастъ вамъ илы и здоровья трудиться на этомъ поприщѣ, на которомъ жали вполнѣ заслуженное вами сочувствіе и уваженіе.»

динодушіе, съ которымъ крестьяне избирали барона Корфа но не безъ противодѣйствія со стороны тайныхъ его недобро-елей), — фактъ единственный въ лѣтописяхъ нашего обще-аго управленія, и притомъ въ высшей степени поучитель-Крестьяне очевидно понимали, за что̀ именно выбираютъ они Корфа, для чего собственно необходимъ онъ имъ, какъ ій земства. Значитъ, у крестьянъ было уже сознательное еніе къ народному образованію, — была органическая связь одными школами, насажденными неусыпными трудами и за- барона Н. А. Корфа.

VIII.

Пребываніе заграницей.

Переѣздъ барона Корфа заграницу и дѣйствительныя причин реѣзда.—Служеніе дѣлу русскаго народнаго образованія изъ ницы.—Ошибка біографовъ барона Корфа въ оцѣнкѣ его дѣ ности во время пребыванія заграницей.—«Руководство къ н ному обученію» и «Исторія Востока, Греціи и Рима—для обу и самообразованія».—Женевская семейная школа барона Ко личныя его дѣла.—Избраніе въ почетные члены женевскою міею наукъ.

Блестящее избраніе барона Н. А. Корфа на трехъ крес скихъ съѣздахъ не только затмило и посрамило недостойну ходку со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, но и дал должное нравственное удовлетвореніе. Значеніе этого удовлет нія было тѣмъ полнѣе, что, — какъ мы знаемъ уже, — оно поддержано дружнымъ сочувствіемъ всей мыслящей части рус общества. Тѣмъ не менѣе баронъ Корфъ въ 1872 году пре свою дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ, уѣхалъ съ ствомъ въ Швейцарію, поселился въ Женевѣ и жилъ та 1880 года. Этотъ фактъ и при жизни, и послѣ смерти б Корфа остается неразъясненнымъ, почему и вся послѣдующ дѣятельность представляется невыясненною. Между тѣмъ браться въ причинахъ, побудившихъ барона Корфа на такой кій шагъ, вполнѣ возможно.

Нѣкоторые полагаютъ, что главной причиной обрыва бар Корфомъ своей земской дѣятельности служитъ то «одиноче въ которомъ онъ почувствовалъ себя въ своемъ родномъ у Конечно ему тяжело и горько было почувствовать это, но онъ уже слишкомъ опытенъ и закаленъ въ общественной дѣятель чтобы смутиться одиночествомъ. Въ сущности и тогда, когд предпринималъ организацію народнаго образованія, и во все дующее время онъ всегда былъ *одинъ*, въ смыслѣ почина. починъ этотъ приводилъ къ блестящимъ результатамъ, то эт вовсе не значитъ, будто бы успѣхъ давался барону Корфу борьбы. Напротивъ, въ имѣющейся напримѣръ въ нашемъ ряженіи перепискѣ барона Корфа сохранилась пачка писем 1867 до 1870 года, принадлежащихъ Ч—скому.

Даже теперь, спустя четверть вѣка уже, трудно читат

негодованія эти письма,—такъ много въ нихъ сплетенъ, инсинуацій, угрозъ, зависти, злобы и дерзости — по поводу притомъ такого невиннаго факта, какъ открытіе русской школы въ одной изъ нѣмецкихъ колоній. И это конечно только примѣръ, но не исключеніе. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время, какъ Александровскій уѣздъ и нѣкоторыя другія мѣстности Имперіи, благодаря земству, покрывались школами, въ другихъ мѣстахъ или бездѣйствовали, или принимали даже мѣры противодѣйствія какому-бы то ни было проявленію образованія. Такъ напримѣръ, Новомосковскій и Павлоградскій уѣзды, Екатеринославской-же губерніи,какъ бы даже фрондировали своею постыдною бездѣятельностью вообще и полнѣйшимъ игнорированіемъ народнаго образованія въ частности. Одинъ-же изъ корреспондентовъ барона Корфа, Н. Крыловъ, въ письмѣ отъ 13-го октября 1869 года сообщалъ, что въ Алатырѣ, Симбирской губерніи, одновременно были закрыты всѣ частныя учебныя заведенія, при отсутствіи въ городѣ какихъ-бы то ни было другихъ учебныхъ заведеній... И въ Александровскомъ уѣздѣ такихъ гонителей образованія было не занимать стать. Но баронъ Корфъ умѣлъ, искренно или неискренно, ставить ихъ на свою сторону, какъ онъ въ концѣ концовъ сдѣлалъ это и съ Ч—скимъ. Онъ одержалъ также полную, блистательную побѣду и надъ всѣми своими противниками по выборамъ 1872 года. Уже въ бытность въ Женевѣ, въ 1873 году, онъ получилъ благодарственный адресъ отъ Александровскаго училищнаго совѣта и такой-же адресъ отъ всего земскаго собранія этого-же уѣзда. Этотъ послѣдній адресъ былъ составленъ по единогласному постановленію собранія, т. е. при участіи тѣхъ-же самыхъ лицъ, которыя забаллотировали его. Впослѣдствіи-же Александровское уѣздное земское собраніе, по предложенію гласнаго Н. Карышева о необходимости привлечь къ дѣлу народнаго образованія «человѣка, много потрудившагося на этомъ пути и могущаго научить многому другихъ», «*встало* и *единогласно*» постановило: «Просить глубокоуважаемаго барона Корфа принять званіе почетнаго члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и войти съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія объ утвержденіи его въ этомъ званіи».

Къ этому нужно еще прибавить, что въ 1873 году барону Корфу присуждена золотая медаль за его литературную и непосредственную дѣятельность по народному образованію. Такимъ образомъ, въ общей совокупности приведенныхъ фактовъ, нельзя не придти къ выводу, что недостойныя выходки землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда способствовали лишь еще большему возвышенію барона

Корфа въ глазахъ общества, и онъ получилъ самое полное нра ственное удовлетвореніе. Значитъ, со стороны неблагопріятнаго вы борнаго эпизода не могло быть препятствій къ продолженію бар номъ Корфомъ земской службы.

Точно также ошибочно думаютъ нѣкоторые, будто-бы одни изъ главныхъ препятствій въ этомъ отношеніи было измѣненіе те риторіальныхъ границъ между Александровскимъ и Маріупол скимъ уѣздами. Положимъ, въ письмѣ изъ Женевы отъ 4-го ію 1873 года баронъ Корфъ дѣйствительно говоритъ: «Въ настоящ время я уже отрѣзанный ломоть отъ того дѣла, на которое пош лучшіе годы моей жизни: новыя границы уѣзда лишили меня офф ціальнаго голоса въ Александровскомъ уѣздѣ». Но въ этомъ письмѣ онъ прибавляетъ далѣе, что «различныя обстоятельст побудили меня *служить родному школьному дѣлу только п темъ печати*». Если знать ходъ школьнаго законодательства печатные труды барона Корфа, то «обстоятельства», на котор онъ ссылается, будутъ понятны сами собою. Разъяснить ихъ высшей степени необходимо, такъ какъ такой почтенный земс дѣятель, какъ Гнѣдинъ, одинъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйші сподвижниковъ Корфа по народному образованію въ Александр скомъ уѣздѣ, очень грубо ошибся въ отношеніи истинныхъ мо вовъ отказа барона Корфа, сказавъ въ своихъ «Воспоминаніях законченныхъ еще въ 1879 году, между прочимъ слѣдующее:

«Своимъ отказомъ Корфъ оскорбилъ какъ общество, избр шее его, такъ и самое дѣло, которому онъ служилъ. Если моя оправдать отказъ Корфа, то развѣ тѣмъ, что забаллотировка сил потрясла его нервы и способствовала развитію его болѣзни—об зованію желчныхъ камней. Но это стало извѣстно только впосл ствіи, вначалѣ-же его отказъ фраппировалъ всѣхъ благомыслящі людей, и даже друзья Корфа не находили оправданія его поступк

Но если «друзья» были такъ не находчивы въ «оправданіи», повторяемъ, «обстоятельства» даютъ Корфу самое полное и б стящее не только оправданіе, но, — какъ не замедлимъ ра яснить,—даже и одобреніе. Вотъ сущность дѣла.

«Положеніемъ о народныхъ училищахъ» 14-го іюня 1864 г земскимъ учрежденіямъ была предоставлена полная самостояте ность въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ что даже выборъ пр сѣдателей училищныхъ совѣтовъ былъ предоставленъ земскимъ браніямъ. Эта благоразумная децентрализація распорядитель исполнительной власти дала возможность къ проявленію на стахъ частнаго и общественнаго почина и самодѣятельности въ ласти народнаго образованія, благодаря чему послѣднее и нач

пенно выходить въ земскихъ губерніяхъ изъ состоянія летар-
Только въ силу предоставленной земству самостоятельности
ъ Корфъ, не принадлежа къ патентованнымъ педагогамъ,
аясь простымъ земскимъ дѣятелемъ, могъ выступить въ роли
изатора разумной народной школы и дать толчокъ этому дѣлу
ю Имперію. Но затѣмъ обстоятельства круто измѣнились. Въ
іѣ 70-хъ годовъ послѣдовала инструкція инспекторамъ на-
ихъ училищъ, какъ обязательное для всѣхъ распоряженіе.
укція эта кореннымъ образомъ измѣняла весь порядокъ от-
я народныхъ школъ, завѣдыванія и руководства ими, какъ
ыло установлено «Положеніемъ» 14-го іюня 1864 года. Строго
я, за земствомъ оставалось только право ассигнованія денегъ,
а о помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи школъ, безъ всякаго
іенія собственно къ учебно-воспитательной дѣятельности ихъ,
права вліятельнаго голоса въ выборѣ, назначеніи и увольне-
едагогическаго персонала народныхъ школъ.
аронъ Корфъ первый почувствовалъ на себѣ послѣдствія но-
порядка вещей: Въ инструкціи напримѣръ въ отношеніи съѣз-
говорится: «Въ случаѣ учрежденія съѣздовъ народныхъ учи-
, на инспектора возлагается какъ наблюденіе за ихъ дѣй-
и, такъ и сообщеніе имъ надлежащихъ совѣтовъ, указаній и
вленій». Руководствуясь буквой инструкціи, администрація
каго учебнаго округа не разрѣшила въ 1871 году барону
руководить съѣздомъ народныхъ учителей Александровскаго
. Такимъ образомъ то самое лицо, которое впервые пропаган-
ало въ Россіи идею съѣздовъ и практически осуществило ихъ,
ные «Отчеты» котораго, а также и инструкціи народнымъ учи-
ъ печатались на страницахъ «Журнала министерства народ-
просвѣщенія», — это лицо оказалось безправнымъ въ дѣлѣ,
нномъ его умомъ и энергіей, съ громадной пользой и славой
одимомъ имъ втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Какъ бы для на-
аго подтвержденія несправедливости такого порядка дѣла,
ошелъ слѣдующій фатальный случай. Съѣздъ, долженствовав-
остояться въ Александровскомъ уѣздѣ подъ руководствомъ
наго инспектора, не могъ состояться по причинѣ его смерти. И
ъ Корфъ, самостоятельно, въ силу полномочій земства созывав-
режде съѣзды мѣстныхъ народныхъ учителей, теперь уже не
ь права сдѣлать этого въ виду инструкціи, такъ какъ онъ былъ
спекторомъ народныхъ училищъ, а только членомъ училищ-
совѣта, хотя въ этой скромной роли онъ, можно сказать, ру-
илъ народнымъ образованіемъ во всей Имперіи, и къ нему прі-

ѣзжали учиться не только инспекторы народныхъ училищъ, но і лица, руководившія обученіемъ и воспитаніемъ народныхъ учителей

Со вступленіемъ въ силу инструкціи инспекторамъ народных училищъ, у барона Корфа выпало изъ рукъ живое дѣло народнаг образованія, въ смыслѣ непосредственнаго служенія, которому он отдавался вполнѣ беззавѣтно, съ такимъ самоотверженіемъ. В роли простого земскаго дѣятеля, т. е. члена училищнаго совѣт за нимъ, согласно «Положенію о народныхъ училищахъ», остав лось право «наблюденія за преподаваніемъ»; но, по инструкці инспекторамъ, «всѣ преподаватели народныхъ училищъ состоят въ учебномъ отношеніи подъ ближайшимъ надзоромъ инспектора которому вдобавокъ предоставлена также полная власть въ отн шеніи опредѣленія, перемѣщенія и увольненія народныхъ учит лей. Понятно поэтому, что какъ-бы ни «наблюдалъ за препода ваніемъ» членъ училищнаго совѣта, но каждый изъ учителе будетъ рабски послушенъ тому, что прикажетъ ему инспекторъ.

Все это было разъяснено въ свое время барономъ Корфомъ в періодической печати, въ статьяхъ: «Объ инспекціи народныхъ учі лищъ» и «Учительскіе съѣзды», которыя и вошли въ книгу е «Наше школьное дѣло». Заглянувъ въ эти статьи, полныя жизне наго интереса и значенія до нашихъ дней, каждый легко может убѣдиться, что еще за долго до баллотировочнаго эпизода барон Корфъ совершенно ясно понималъ критическое положеніе свое земской дѣятельности по народному образованію. Хотя первон чальное «Положеніе о народныхъ училищахъ» и оставалось і отмѣненнымъ, но уже не доставало, такъ сказать, физическаі мѣста для проявленія земской дѣятельности барона Корфа въ фа тически-существовавшихъ прежде ея размѣрахъ. Въ дѣлѣ, сам стоятельно созданномъ, направляемомъ и руководимомъ, ему пр ходилось смотрѣть изъ чужихъ рукъ, занять положеніе зависимо подневольное, быть въ роли опекаемаго, испрашивать разрѣшені

И еслибы не случилось такой метаморфозы, гидра темной сил Александровскаго уѣзда никогда не рискнула-бы взять подъ с мнѣніе дѣло народнаго образованія, не стала-бы баллотирова этого дѣла въ лицѣ барона Корфа. По своей безупречной честн сти, по своей энергіи и умственному превосходству, по тому гр мадному вліянію, которое болѣе и болѣе завоевывалъ себѣ баро Корфъ, онъ съ первыхъ дней своей общественной дѣятельнос былъ глубоко ненавистенъ для мѣстной темной силы. Не заним никакихъ платныхъ должностей по земству, служа ему своею г *ловою, онъ вмѣстѣ* съ тѣмъ уничтожалъ въ самомъ зародышѣ м

лѣйшее поползновеніе съ чьей-бы то ни было стороны къ обращенію земства въ «общественный пирогъ». А такими именно поползновеніями и была проникнута «гидра». Но баронъ Корфъ былъ неуязвимъ, пока оставался подъ защитою «Положенія» 14-го іюля 1864 года въ отношеніи народнаго образованія. И какъ только «Положеніе» не въ состояніи уже было болѣе ограждать именно дѣла рукъ барона Корфа, на него и набросилась темная сила, увлекшая своимъ теченіемъ людей индифферентныхъ и малодушныхъ. И хотя онъ одержалъ полную и блистательную побѣду въ общемъ результатѣ выборовъ въ земскіе гласные, тѣмъ не менѣе ясно было, что въ рукахъ его противниковъ остается самое сильное орудіе противъ него—самоуправное ломанье и коверканье созданнаго имъ дѣла народнаго образованія,—чего они не смѣли дѣлать раньше, но въ чемъ онъ теперь не властенъ былъ уже помѣшать имъ, такъ какъ не его уже просвѣщенный авторитетъ, а санкція и усмотрѣніе народнаго инспектора будутъ руководить дѣломъ. Оберегая судьбу дорогого ему дѣла, онъ отказался отъ него, и тѣмъ дѣйствительно спасъ его. Какъ удостовѣряетъ Д. Т. Гнѣдинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», «весь порядокъ, заведенный Корфомъ, поддерживался на томъ лишь основаніи, что, дескать, мы и безъ Корфа справимся. Дѣйствительно, по народному образованію земство не только не уменьшало ассигновки, но даже прибавляло». Но не то конечно было-бы, еслибы баронъ Корфъ оставался при дѣлѣ. Значитъ, отказъ барона Корфа, выходъ его изъ земства есть своего рода самоотверженіе и заслуживаетъ высокаго одобренія.

Таковы дѣйствительныя причины переѣзда барона Корфа заграницу, въ Женеву, съ октября 1872 года, гдѣ онъ и прожилъ около 8 лѣтъ, съ кратковременными пріѣздами въ Россію. Такъ оборвалась безпримѣрно блестящая и производительная дѣятельность этого великаго и даровитаго общественнаго работника на пользу общерусскаго народнаго образованія. Тяжелъ и мучителенъ былъ этотъ перерывъ для барона Корфа не только въ смыслѣ устраненія отъ общественной дѣятельности, которой такъ жаждала его энергическая, широко одаренная натура, но даже и въ смыслѣ потери подъ ногами русской почвы, такъ какъ онъ былъ «почвенникомъ» самой «чистой воды» и высокой пробы. Вотъ что говоритъ онъ напримѣръ о себѣ въ своихъ «Посмертныхъ Запискахъ»:

«Сознаюсь, что тосковалъ я за украинскими степями не только въ Петербургѣ, отталкивающемъ и однообразіемъ природы, и климатомъ, и еще кое-чѣмъ, но изъ Женевы, гдѣ, стоя на берегу жи-

вописнѣйшаго озера, не могъ я не признавать того, что куда равняться съ такою красавицею моей унылой и часто непригл ной южно-русской степи, но родная мнѣ эта послѣдняя, и не пр мѣняю ее ни на лазуревую воду Роны, ни на позолоченныя за дящимъ солнцемъ снѣжныя вершины.»

Чтобы заглушить эту естественную тоску по родинѣ, баро Н. А. Корфъ съ необычайною энергіею принялся за перо на пол излюбленнаго имъ школьнаго дѣла. Какъ видно изъ письма е къ Х. Д. Алчевской отъ 8-го мая 1873 года, за $6^1/_2$ мѣсяцевъ пр быванія его въ Женевѣ, онъ написалъ: три статьи для «Вѣстн ка Европы», три статьи для «Народной Школы», семь статей д «Недѣли» и 18 «Писемъ на родину» въ «С.-Петербургскія Вѣдо мости». Все это, въ общей сложности, составляетъ болѣе 20 пе чатныхъ листовъ, всецѣло посвященныхъ Россіи и русскому школь ному дѣлу, такъ сильно нуждавшемуся въ просвѣщенномъ руко водствѣ и такъ кстати продолжавшему получать его отъ барона Корфа, оказавшагося «волею судебъ» не у дѣлъ.

Энергически отзываясь по поводу практическаго хода русскаго школьнаго дѣла и движенія законодательства по этому предмету, баронъ Корфъ занялся вмѣстѣ съ тѣмъ и систематическимъ ознакомленіемъ русской публики, путемъ печати, съ современнымъ состояніемъ народнаго образованія заграницей. Дѣльныя, страстныя, блестящія статьи его по этому предмету были впослѣдствіи собраны имъ, нѣсколько переработаны примѣнительно къ педагогическому отдѣлу всемірной парижской выставки 1878 года и изданы въ 1879 году отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ». Нужно замѣтить при этомъ, что баронъ Корфъ еще раньше посѣтилъ вѣнскую всемірную выставку, происходившую въ 1873 году, и подробно описалъ ее въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы». Разсматривая педагогическій отдѣлъ парижской выставки 1878 года, онъ оцѣниваетъ его по сравненію съ соотвѣтствующими отдѣлами на прежнихъ выставкахъ, начиная со второй парижской, въ 1867 году, на которой впервые состоялась попытка организовать международное педагогическое состязаніе. Въ виду этого, «Итоги народнаго образованія», представляя объемистую брошюру, плотно напечатанную, даютъ очень яркую и выразительную картину положенія, хода и условій дѣятельности народнаго образованія не въ одной только Европѣ, но на всемъ бѣломъ свѣтѣ до Австраліи и Сандвичевыхъ острововъ включительно. Въ этомъ отношеніи названная брошюра *имѣетъ* незамѣнимое значеніе въ нашей школьной литературѣ.

Именно потому, что баронъ Корфъ документально зналъ все

что касается дѣла народнаго образованія и отчетливо понималъ отсталость Россіи въ этомъ отношеніи по сравненію съ другими народами и странами,—онъ съ такою страстью относился къ этому дѣлу первостепенной государственной важности, беззавѣтно и безраздѣльно отдавался ему и писалъ о немъ не иначе, какъ *сокомъ своихъ нервовъ*...

Порвавъ непосредственную связь съ русскою народною школою, онъ сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на устраненіи, путемъ печати, всѣхъ тѣхъ погрѣшностей и недоразумѣній, которыя такъ или иначе могли помѣшать правильному ходу народнаго образованія. Одна за другою выходили изъ подъ его пера горячія статьи, посвященныя дѣйствительно животрепещущимъ вопросамъ въ этой области. То онъ съ увлеченіемъ доказываетъ и разъясняетъ необходимость согласованія интересовъ общаго и прикладного первоначальнаго образованія, такъ чтобы эти отрасли не смѣшивались въ одну, а развивались-бы самостоятельно и параллельно. То онъ пламенно привѣтствовалъ и пропагандировалъ крестьянскія школки грамотности, справедливо видя въ нихъ возможность выдѣленія простой грамоты въ самостоятельную отрасль первоначальнаго обученія, которое несомнѣнно можетъ быть поставлено какъ обязательное обученіе даже и при нашихъ скудныхъ государственныхъ и общественныхъ матеріальныхъ средствахъ. Но главною темою статей Корфа за этотъ періодъ времени было отстаиваніе земскихъ правъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Поводомъ къ этому послужило новое положеніе о народныхъ училищахъ, т. е. уставъ 1874 года, окончательно уже уничтожившій тотъ порядокъ отношенія земства къ народному образованію, который первоначально былъ установленъ «Положеніемъ» 14-го іюля 1864 года. Произошло то именно, что̀ предвидѣлъ баронъ Корфъ двумя годами раньше и противъ чего энергически предостерегалъ. Дѣло, начатое инструкціею инспекторамъ народныхъ училищъ, было завершено уставомъ. Теперь уже земства не избирали болѣе предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, такъ какъ обязательными предсѣдателями были предводители дворянства. Земство окончательно было отдано въ опеку мѣстной администраціи по народному образованію, такъ что, безъ вѣдома и разрѣшенія послѣдней, не смѣло даже разсылать по своимъ народнымъ школамъ книгъ и учебныхъ пособій, хотя-бы даже и одобренныхъ спеціально для этой цѣли. Въ большомъ рядѣ статей (напримѣръ: «Народная школа въ рукахъ крестьянскаго земства», «Объ инспекціи народныхъ училищъ», «Учители и помощники» и друг.) баронъ Корфъ фактами

доказывалъ, неблагопріятное вліяніе новаго порядка в(прозорливо предсказывалъ возможность совершенно индиф(наго отношенія общества къ этому животрепещущему дѣлу і шей государственной важности. Впослѣдствіи эти и другія барона Корфа вышли въ свѣтъ отдѣльною книгою—«Наш гогическіе вопросы» (1882 г.), о которой мы скажемъ нѣ(ниже.

Оглядываясь на обширную, разностороннюю, очень отзы литературную дѣятельность барона Корфа во время пребыв заграницей, нельзя не согласиться, что онъ по прежнему и і продолжалъ служить интересамъ Россіи и русскаго просв' какъ обѣщалъ это въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ г-: чевской. Въ этомъ-же письмѣ онъ между прочимъ вы(увѣренность, что, «имѣя время для литературныхъ заняті: принесетъ «печатнымъ словомъ больше пользы Россіи», чѣм' нею своею дѣятельностью. Хотя отстраненіе барона Корфа посредственнаго служенія народному образованію и было не(нымъ ущербомъ для послѣдняго, тѣмъ не менѣе, оставаясь ницею, онъ, съ перомъ въ рукахъ, продолжалъ приносить ве(щественную пользу. Добровольный эмигрантъ будилъ во все[интересъ къ народному образованію и въ этомъ направлені водилъ общественнымъ мнѣніемъ съ такою твердостью, п ствомъ и успѣхомъ, какъ никто никогда. Благодаря именно не только въ печати и обществѣ ощущалось біеніе школьно но и самое дѣло народнаго образованія, несмотря на неблаı ный оборотъ въ его постановкѣ, продолжало шириться и улучшаться, совершенствоваться во всѣхъ отношеніяхъ, п тельномъ участіи земства, остававшагося вѣрнымъ тра/ «Положенія» 14-го іюля 1864 года, наперекоръ всевозм(«препонамъ» и противодѣйствіямъ. Заглянувъ въ «Земскіе І ники», въ «Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ м народнаго просвѣщенія» и въ школьную статистику центр: комитета, не трудно убѣдиться, что именно 70-е годы были немъ наибольшаго развитія у насъ дѣла народнаго образов мы обязаны этимъ какъ первоначальному энергическому данному барономъ Н. А. Корфомъ, въ пору дѣятельности Александровскомъ уѣздѣ, такъ и еще болѣе той энергіи и б ности, съ которыми онъ слѣдилъ за народнымъ образован все послѣдующее время—съ перомъ въ рукахъ.

Говоря—«*еще болѣе*», мы нисколько не рискуемъ ви: *преувеличеніе.* Установленный министерствомъ народнаго

щенія контроль за народнымъ образованіемъ былъ крайне односторонне принятъ и примѣненъ во многихъ мѣстахъ, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ народнаго образованія. Дѣло напримѣръ доходило даже до того, что нѣкоторые изъ инспекторовъ оффиціально требовали, чтобы учителя народныхъ училищъ «передъ каждымъ урокомъ составляли конспектъ и подшивали его къ дѣлу», чтобы они «не смѣли возбуждать никакихъ вопросовъ изустно, при посѣщеніи училища инспекторомъ, но обращали ихъ къ нему не иначе какъ письменно». Мало того: въ одномъ изъ учебныхъ округовъ послѣдовало распоряженіе, чтобы «учителя въ особой книгѣ ежедневно выставляли баллы или отмѣтки (отъ 0 до 5) всѣмъ ученикамъ за ихъ успѣхи», что физически даже невозможно въ народной школѣ и совсѣмъ ужъ не педагогично. Наконецъ взаимныя отношенія между земствомъ и мѣстною учебною администраціею обострялись иногда до такой степени, что возникали даже спеціальныя «дѣла о пререканіяхъ» управы съ учебною администраціею. И «пререканія» эти бывали весьма существеннаго свойства. Инспекторы иногда своею властью ограничивали число учащихся въ школахъ 50 человѣками, не допуская почему-то пріема бо̀льшаго количества даже и въ томъ случаѣ, еслибы фактически была доказана способность учителя вести школу съ бо̀льшимъ числомъ учащихся. Переводя учителей съ мѣста на мѣсто, безъ объясненія даже причинъ, они десятками увольняли ихъ отъ должности, совершенно игнорируя при этомъ практикою доказанную педагогическую правоспособность увольняемыхъ и руководствуясь лишь отсутствіемъ оффиціальнаго свидѣтельства на званіе народнаго учителя, котораго (т. е. свидѣтельства) не имѣлъ, какъ извѣстно, и баронъ Н. А. Корфъ—этотъ учитель русскихъ народныхъ учителей. Случалось, что школы подолгу оставались безъ книгъ и учебныхъ пособій, такъ какъ нѣкоторые изъ инспекторовъ ставили непремѣннымъ требованіемъ, чтобы ни одна книга, хотя-бы и одобренная спеціально для народныхъ училищъ, не поступала туда безъ надписи на ней инспектора. Земскіе тюки съ книгами для народныхъ школъ тысячъ на 5—6 рублей направлялись предварительно къ инспектору, и у него образовывалась чудовищная залежь школьныхъ учебниковъ и книгъ. Антагонизмъ между земствами и учебною администраціею доходилъ до того, что инспекторы отрицали право земства хотя бы на простое ознакомленіе съ годовыми ихъ отчетами—и отказывались сообщать ихъ земству.

Эти и подобные имъ факты, съ точнымъ обозначеніемъ мѣстностей, времени и дѣйствующихъ лицъ, читатели найдутъ въ книгѣ

барона Корфа—«Наши педагогическіе вопросы». Книга эта служитъ воплощеніемъ того, какъ горѣла и болѣла душа Корфа о невзгодахъ родного нашего школьнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ книга эта представляетъ и вѣчный памятникъ талантливости, такта и энергіи, съ которыми онъ боролся за дорогое ему дѣло. И—повторяемъ—это была замѣчательно успѣшная борьба по практическимъ ея результатамъ. Судя по характеру указанныхъ выше фактовъ, дѣло повидимому принимало такой оборотъ, что народное образованіе могло даже окончательно затормозиться и заглохнуть; въ дѣйствительности-же, — какъ сказано уже,—оно неуклонно шло впередъ и разносторонне развивалось. И мы обязаны этимъ главнымъ образомъ тому безпримѣрно пламенному увлеченію, съ которымъ баронъ Корфъ будилъ и поддерживалъ въ обществѣ школьную идею,—тому авторитету, съ которымъ онъ указывалъ на одностороннія увлеченія и ошибки, вредныя для дѣла, опираясь на глубокое знаніе народнаго быта, условій нашей общественной дѣятельности и положенія народнаго образованія въ западно-европейскихъ государствахъ. Эти указанія, горячо и съ убѣжденіемъ высказанныя, способствовали сглаживанію шероховатостей, порожденныхъ невѣдѣніемъ и слишкомъ крайнимъ усердіемъ не по разуму,—и въ результатѣ общерусской дѣятельности по народному образованію получился не минусъ, а *плюсъ*, при большомъ притомъ подъемѣ интереса къ этому дѣлу во всей мыслящей части общества.

Эта заслуга со стороны барона Корфа на пользу просвѣщенія Россіи не только не оцѣнена по достоинству его біографами, но къ сожалѣнію даже вовсе затушевана ими. Если дѣятельность его во время пребыванія заграницей не имѣетъ того блеска, которымъ отличалась она раньше, то сущность и энергія этой дѣятельности ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ предшествовавшимъ его трудамъ. Размѣры этой дѣятельности тоже поразительны.

Оторвавшись отъ непосредственнаго служенія народной школѣ въ роли педагога, баронъ Корфъ не забылъ однако о текущихъ ея нуждахъ и злобахъ. Тщательно перерабатывая каждое послѣдующее изданіе «Нашего друга», соотвѣтственно росту народной школы и ея потребностей, онъ кромѣ того перевелъ «для семьи, народной школы и реальнаго училища» капитальный трудъ Ф. Гардера—«Руководство къ наглядному обученію», въ двухъ объемистыхъ частяхъ. Это—цѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу.

Значеніе «Руководства» баронъ Корфъ совершенно правильно *опредѣляетъ* такъ:

«Эта книга, предлагая чрезвычайно о[illegible] матеріалъ по

анатоміи, физіологіи, ботаникѣ, минералогіи, географіи, физикѣ, при постоянномъ стремленіи автора повліять научною бесѣдою на нравственность дѣтей, предназначается лишь для матерей и учителей, сохраняя полную свободу дѣйствія за послѣдними. Народный учитель, не имѣя возможности располагать библіотекою, найдетъ въ предлагаемомъ руководствѣ весьма богатую по содержанію справочную книгу, по которой онъ можетъ готовиться не только къ урокамъ «Нагляднаго обученія», но и къ урокамъ чтенія по всякой книгѣ для чтенія, основанной на реальныхъ знаніяхъ; встрѣчая въ этой книгѣ нѣсколько прекрасныхъ образцовъ преподаванія и множество темъ для ученическихъ сочиненій и бесѣдъ съ учащимися, учитель, вдумавшись въ обильный матеріалъ, предлагаемый Гардеромъ, изберетъ лишь то, что̀ признаетъ пригоднымъ, сообразно времени, которымъ располагаетъ, и силами учащихся. Такъ поступитъ и мать, которая не разъ прибѣгнетъ къ книгѣ Гардера и для того, чтобы отвѣчать на вопросы ребенка, котораго еще не обучаютъ по книгамъ, но который учится изъ жизни и ищетъ помощи у матери своей для разъясненія множества вопросовъ, ежедневно занимающихъ развивающіяся умственныя силы. Не разъ мать и учитель воспользуются книгою Гардера даже какъ книгою для чтенія въ классѣ съ тѣмъ-ли, чтобы дать самую книгу въ руки учащимся, внимательно обсудивъ, которыя именно изъ статей годятся для самостоятельнаго и класснаго чтенія.»

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ второй части «Руководства», въ 1878 году, баронъ Корфъ выпустилъ новый свой трудъ: «Исторія Востока, Греціи и Рима — для обученія и самообразованія». Какъ было уже указано выше, исторія была однимъ изъ любимыхъ предметовъ барона Корфа, которымъ онъ очень усердно и вдумчиво занимался и въ лицейскую пору, и во время послѣдующаго самообразованія. Результатомъ этой самостоятельной переработки обширнаго историческаго матеріала и явилась названная книга, предназначенная авторомъ «не только для учащаго и учащагося міра, но и для прочтенія публикою». И эту оригинальную и дѣльную книгу дѣйствительно нельзя не рекомендовать «для прочтенія». Какъ справедливо говоритъ авторъ въ «Предисловіи» къ своей «Исторіи»:

« это—не новое историческое изслѣдованіе по источникамъ, но въ *методическомъ отношеніи* совершенно *самостоятельный* опытъ изложенія исторіи на основаніи лучшихъ научныхъ сочиненій по этому предмету, не имѣющей себѣ образца ни въ отечественной, ни въ иностранной литературѣ. Эта книга, не чуждаясь заимствованій, есть тѣмъ не менѣе результатъ десятилѣтняго преподаванія авторомъ всеобщей исторіи не дѣтямъ, которымъ, по мнѣнію автора, доступны лишь біографіи,—но юношеству; эта книга—результатъ жизни автора и посильной оцѣнки имъ событій древняго міра и раньше его о нихъ высказанныхъ мнѣній.»

Оригинальность этого «опыта» удачно охарактеризована авто-

ромъ слѣдующими словами Лекки, поставленными эпиграфомъ въ «Исторіи»: «Исторія — не просто рядъ событій, только хронологически между собою связанныхъ, но сцѣпленіе причинъ и послѣдствій». Именно анализу этого «сцѣпленія» и посвящена «Исторія» барона Корфа. Эта «Исторія» была очень слабо замѣчена нашею педагогическою критикою; между тѣмъ она несомнѣнно заслуживаетъ большого вниманія, какъ трудъ, выдающійся, замѣчательный не въ одномъ только «методическомъ отношеніи»...

Но гдѣ-же и когда именно преподавалъ баронъ Корфъ исторію «юношеству» втеченіи десяти лѣтъ? — Такой вопросъ неизбѣжно долженъ явиться у читателей. Да, въ нашемъ изложеніи есть невольный пробѣлъ. Слѣдя за барономъ Корфомъ, какъ выдающимся и разностороннимъ общественнымъ дѣятелемъ, мы не имѣли возможности касаться его семейной жизни, заслуживающей однако тѣмъ бóльшаго вниманія, что она представляетъ, можно сказать, одно неразрывное цѣлое съ общею его дѣятельностью на пользу всего русскаго учебнаго дѣла. Лишенный въ дѣтствѣ нѣжной материнской любви и ласки, баронъ Корфъ заполнилъ ими свою семью, своихъ дѣтей, и былъ идеально хорошимъ отцомъ и мужемъ. Онъ самъ руководилъ образованіемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей, т. е. двухъ дочерей. Первая учебная книга его («Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому методу») была составлена имъ для своихъ-же дѣтей и впослѣдствіи переработана и примѣнена имъ къ употребленію вообще въ школѣ и дома, т. е. къ обученію и дѣтей, и взрослыхъ. Лично занимаясь и во все послѣдующее время образованіемъ своихъ дѣтей, баронъ Корфъ со времени переѣзда на житье въ Женеву, когда старшей дочери его исполнилось уже 14 лѣтъ, основалъ тамъ свою домашнюю русскую семейную школу. Въ этой-то школѣ, вмѣстѣ съ другими преподавателями, баронъ Корфъ занимался и самъ, давая ежедневно уроки по разнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и по всеобщей исторіи. Объ этой школѣ, просуществовавшей не менѣе семи лѣтъ, принято говорить, нивѣсть почему, что она, будто-бы, «не имѣла успѣха». Но о какомъ именно «успѣхѣ» идетъ рѣчь? Если въ образовательно-воспитательномъ отношеніи,—то смѣло можно сказать, что «успѣхъ» ея былъ полный и несомнѣнный. Это безспорно была лучшая изъ школъ, когда-либо существовавшихъ, съ самою разумною программою преподаванія, самая свободная и независимая отъ предразсудковъ. О высокой разумности этой школы можно судить уже между прочимъ и по книгѣ барона Корфа «Исторія Востока, Греціи и *Рима», исполненной* глубокаго политическаго и философскаго смы-

авно какъ и разумнаго практическаго значенія, въ смыслѣ очень
го и вѣрнаго освѣщенія настоящаго прошлою жизнью человѣ-
а. Несомнѣнно настанетъ время, когда лица, учившіяся въ «се-
ой русской школѣ барона Корфа» въ Женевѣ, будутъ вспо-
ть о ней съ еще большею благодарностью и признательностью,
вспоминалъ онъ самъ о школахъ въ семьѣ Градовскаго и у
ппова. Но несомнѣнно конечно и то, что въ *стяжательномъ*
іеніи семейная школа барона Корфа не выдерживала никакой
ики и существовала едва-ли даже не въ убытокъ ея основа-
руководителю, первому и главному работнику. Но такова ужъ
а барона Н. А. Корфа—этого энтузіаста и фанатика въ сферѣ
ственной дѣятельности—что для него словно не существовало
ыхъ его дѣлъ. Всегда и весь для другихъ, дѣятельно вращаясь
толокѣ «міра сего», онъ, въ смыслѣ личныхъ интересовъ и вы-
былъ въ сущности человѣкомъ «не отъ міра сего». Поглощен-
увлеченный идеями и стремленіями высшаго порядка, вопросами
ачами общихъ пользъ и нуждъ, онъ какъ-бы даже совершенно
мѣчалъ положенія и хода своихъ матеріальныхъ дѣлъ. Еще
ытность въ Александровскомъ уѣздѣ, чрезмѣрное увлеченіе
ственною дѣятельностью отразилось довольно чувствительнымъ
ройствомъ его дѣлъ по имѣнію. Но это нисколько не обезку-
ло его и—какъ мы знаемъ уже—ни мало не измѣнило харак-
его дѣятельности и увлеченія разъ избраннымъ дѣломъ. Вѣря
ои знанія и силы, онъ никогда не сомнѣвался въ возможности
ить честнымъ трудовымъ заработкомъ. Менѣе всего конечно
ресовался онъ своею семейною школою съ точки зрѣнія мате-
ныхъ выгодъ. Онъ устроилъ ее съ цѣлью наилучшаго образо-
и воспитанія своихъ дочерей совмѣстно съ дѣтьми другихъ
ихъ семействъ, проживавшихъ заграницею. Въ этомъ отно-
школа вполнѣ достигала своей цѣли,—и онъ былъ доволенъ.
только по семейнымъ дѣламъ не представлялось болѣе надоб-
въ школѣ,—онъ ее закрылъ.

Время пребыванія барона Корфа заграницею было вмѣстѣ съ
и временемъ очень дѣятельныхъ сношеній его съ западно-
пейскими педагогами, которые знали его больше, чѣмъ кого-
изъ русскихъ педагоговъ, и высоко цѣнили его педагогическое
ваніе. Во время пребыванія въ Женевѣ, баронъ Корфъ, какъ по
у общенію съ мѣстною педагогическою, ученою и вообще ин-
игентною средою, такъ и по своей семейной школѣ, былъ на-
ько видною величиною, что женевская академія наукъ (Insti-
избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

IX.

Послѣдніе годы дѣятельности.

Труды барона Корфа въ Маріупольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ.—Возвращеніе изъ заграницы.—Провѣрка знаній взрослыхъ крестьянъ и воскресныя повторительныя школы.—Значеніе книги барона Корфа «Наши педагогическіе вопросы».—Херсонскій съѣздъ учителей и его особенности.—Неудача московской кандидатуры барона Корфа и вліяніе на него этой неудачи.—Смерть.

Какъ сказано уже выше, пребываніе барона Корфа заграницею не было безпрерывнымъ. Такъ напримѣръ, въ 1873 году онъ былъ вызванъ маріупольскимъ земствомъ, Екатеринославской губерніи, для руководства съѣздомъ народныхъ учителей. Воспользовавшись пребываніемъ его въ Россіи, бердянская уѣздная земская управа, Таврической губерніи, пригласила его обозрѣть ея школы и дать о нихъ свое заключеніе. Благодаря разумному, внимательному и участливому отношенію земской управы, эта педагогическая экскурсія принесла существенную пользу.

Барону Корфу пришлось осмотрѣть только 17 школъ въ этомъ уѣздѣ и произвести испытанія болѣе 900 учащихся. Но представители бердянской управы, сопутствовавшіе ему въ этой экскурсіи, въ каждую изъ посѣщаемыхъ имъ школъ приглашали учителей изъ сосѣднихъ селъ. Въ ихъ присутствіи баронъ Корфъ давалъ образцовые уроки по тѣмъ именно предметамъ, которые въ ней оказывались слабыми. Въ заключеніе-же былъ представленъ подробный отчетъ земскому собранію, который былъ напечатанъ имъ и разосланъ по школамъ, въ видѣ мѣры воздѣйствія на учителей. Подъ вліяніемъ личнаго руководства барона Корфа и его отчета, въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 1873 году были составлены двѣ инструкціи, направившія дѣло народнаго образованія на раціональный путь: одна инструкція—отъ мѣстнаго училищнаго совѣта—касалась порядка преподаванія, размѣра учебнаго курса, выбора руководствъ, — словомъ, собственно педагогической стороны дѣла; другая-же инструкція—отъ имени уѣздной земской управы—касалась времени начала и окончанія учебныхъ занятій, отношенія учителей къ мѣстному обществу и земству и разныхъ другихъ организаціонныхъ и хозяйственныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Благодаря этимъ земскимъ мѣропріятіямъ, а тѣмъ болѣе — личному руководству барона Корфа, указаніямъ и совѣтамъ, преподаннымъ имъ въ

своемъ «Отчетѣ» земскому собранію, — народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ получило такое быстрое, энергическое и прочное развитіе, какимъ не можетъ похвалиться буквально никакая другая мѣстность въ Россіи, не исключая даже столичныхъ и наиболѣе богатыхъ провинціальныхъ городовъ. Въ 1880 году напримѣръ, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ посѣщенія барономъ Корфомъ, вполнѣ благоустроенныхъ русскихъ народныхъ школъ въ этомъ уѣздѣ было около 100, болѣе чѣмъ съ 7,500 учащихся; годичный расходъ земства на народное образованіе достигалъ 75 тысячъ рублей, не считая 10,000 рублей, издерживаемыхъ сельскими обществами, и 32,000 рублей, расходуемыхъ нѣмецкими колонистами на собственныя школы, во многихъ изъ которыхъ преподается и русскій языкъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ этомъ типично-крестьянскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ дворянства, сельское населеніе съ такою любовью и сочувствіемъ относится къ народной школѣ, что не считаетъ обременительнымъ для себя единовременно расходовать отъ 3 до 5 тысячъ рублей на сооруженіе школьныхъ зданій.

Указывая на такой поразительный успѣхъ народнаго образованія въ Бердянскомъ уѣздѣ, необходимо добавить, что и борьба этого уѣзднаго земства съ крайне неумѣлою и безтактною мѣстною учебною администраціею также выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. И еслибы не эта борьба, успѣхи бердянскаго земства по народному образованію были-бы еще полнѣе и обширнѣе. Образцово обставивъ напримѣръ свои народныя школы въ матеріальномъ отношеніи, бердянское земство еще въ 1877 г. возбудило ходатайство объ обращеніи 23 одноклассныхъ земскихъ училищъ въ двуклассныя, съ предоставленіемъ имъ полнаго содержанія отъ земства.

Мы остановились на успѣхахъ школьнаго дѣла въ Бердянскомъ уѣздѣ потому, что этотъ фактъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о заслугахъ барона Н. А. Корфа въ области народнаго образованія. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ бердянскаго уѣзднаго земства, предсѣдатель управы А. П. Товбичъ, единственный крупный землевладѣлецъ въ уѣздѣ и человѣкъ высокопросвѣщенный, очень серьезно и искренно отнесся къ начинаніямъ барона Корфа въ Александровскомъ уѣздѣ. Почтенный Товбичъ однимъ изъ первыхъ вступилъ съ нимъ въ дѣятельную переписку. Результатомъ этихъ сношеній было то, что уже въ 1873 году, обозрѣвая школы Бердянскаго уѣзда, баронъ Корфъ могъ убѣдиться въ разумной и прочной постановкѣ народнаго образованія. Точно также и въ послѣдующей своей дѣятельности, не исключая даже и періода

IX.

Послѣдніе годы дѣятельности.

Труды барона Корфа въ Маріупольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ.—Возвращеніе изъ заграницы.—Провѣрка знаній взрослыхъ крестьянъ и воскресныя повторительныя школы.—Значеніе книги барона Корфа «Наши педагогическіе вопросы».—Херсонскій съѣздъ учителей и его особенности.—Неудача московской кандидатуры барона Корфа и вліяніе на него этой неудачи.—Смерть.

Какъ сказано уже выше, пребываніе барона Корфа заграницею не было безпрерывнымъ. Такъ напримѣръ, въ 1873 году онъ былъ вызванъ маріупольскимъ земствомъ, Екатеринославской губерніи, для руководства съѣздомъ народныхъ учителей. Воспользовавшись пребываніемъ его въ Россіи, бердянская уѣздная земская управа, Таврической губерніи, пригласила его обозрѣть ея школы и дать о нихъ свое заключеніе. Благодаря разумному, внимательному и участливому отношенію земской управы, эта педагогическая экскурсія принесла существенную пользу.

Барону Корфу пришлось осмотрѣть только 17 школъ въ этомъ уѣздѣ и произвести испытанія болѣе 900 учащихся. Но представители бердянской управы, сопутствовавшіе ему въ этой экскурсіи, въ каждую изъ посѣщаемыхъ имъ школъ приглашали учителей изъ сосѣднихъ селъ. Въ ихъ присутствіи баронъ Корфъ давалъ образцовые уроки по тѣмъ именно предметамъ, которые въ ней оказывались слабыми. Въ заключеніе-же былъ представленъ подробный отчетъ земскому собранію, который былъ напечатанъ имъ и разосланъ по школамъ, въ видѣ мѣры воздѣйствія на учителей. Подъ вліяніемъ личнаго руководства барона Корфа и его отчета, въ Бердянскомъ уѣздѣ въ 1873 году были составлены двѣ инструкціи, направившія дѣло народнаго образованія на раціональный путь: одна инструкція—отъ мѣстнаго училищнаго совѣта—касалась порядка преподаванія, размѣра учебнаго курса, выбора руководствъ, — словомъ, собственно педагогической стороны дѣла; другая-же инструкція—отъ имени уѣздной земской управы—касалась времени начала и окончанія учебныхъ занятій, отношенія учителей къ мѣстному обществу и земству и разныхъ другихъ организаціонныхъ и хозяйственныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Благодаря этимъ земскимъ мѣропріятіямъ, а тѣмъ болѣе — личному руководству *барона Корфа*, указаніямъ и совѣтамъ, преподаннымъ имъ въ

своемъ «Отчетѣ» земскому собранію, — народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ получило такое быстрое, энергическое и прочное развитіе, какимъ не можетъ похвалиться буквально никакая другая мѣстность въ Россіи, не исключая даже столичныхъ и наиболѣе богатыхъ провинціальныхъ городовъ. Въ 1880 году напримѣръ, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ посѣщенія барономъ Корфомъ, вполнѣ благоустроенныхъ русскихъ народныхъ школъ въ этомъ уѣздѣ было около 100, болѣе чѣмъ съ 7,500 учащихся; годичный расходъ земства на народное образованіе достигалъ 75 тысячъ рублей, не считая 10,000 рублей, издерживаемыхъ сельскими обществами, и 32,000 рублей, расходуемыхъ нѣмецкими колонистами на собственныя школы, во многихъ изъ которыхъ преподается и русскій языкъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ этомъ типично-крестьянскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ дворянства, сельское населеніе съ такою любовью и сочувствіемъ относится къ народной школѣ, что не считаетъ обременительнымъ для себя единовременно расходовать отъ 3 до 5 тысячъ рублей на сооруженіе школьныхъ зданій.

Указывая на такой поразительный успѣхъ народнаго образованія въ Бердянскомъ уѣздѣ, необходимо добавить, что и борьба этого уѣзднаго земства съ крайне неумѣлою и безтактною мѣстною учебною администраціею также выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. И еслибы не эта борьба, успѣхи бердянскаго земства по народному образованію были-бы еще полнѣе и обширнѣе. Образцово обставивъ напримѣръ свои народныя школы въ матеріальномъ отношеніи, бердянское земство еще въ 1877 г. возбудило ходатайство объ обращеніи 23 одноклассныхъ земскихъ училищъ въ двуклассныя, съ предоставленіемъ имъ полнаго содержанія отъ земства.

Мы остановились на успѣхахъ школьнаго дѣла въ Бердянскомъ уѣздѣ потому, что этотъ фактъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о заслугахъ барона Н. А. Корфа въ области народнаго образованія. Лицо, стоявшее въ то время во главѣ бердянскаго уѣзднаго земства, предсѣдатель управы А. П. Товбичъ, единственный крупный землевладѣлецъ въ уѣздѣ и человѣкъ высокопросвѣщенный, очень серьезно и искренно отнесся къ начинаніямъ барона Корфа въ Александровскомъ уѣздѣ. Почтенный Товбичъ однимъ изъ первыхъ вступилъ съ нимъ въ дѣятельную переписку. Результатомъ этихъ сношеній было то, что уже въ 1873 году, обозрѣвая школы Бердянскаго уѣзда, баронъ Корфъ могъ убѣдиться въ разумной и прочной постановкѣ народнаго образованія. Точно также и въ послѣдующей своей дѣятельности, не исключая даже и період

борьбы, А. П. Товбичъ былъ стойко вѣренъ тѣмъ разумнымъ началамъ, которые онъ воспринялъ отъ барона Корфа и путемъ переписки съ нимъ, и посредствомъ личныхъ сношеній, и изъ его журнальныхъ статей. Въ этомъ именно и заключается тайна образцоваго успѣха бердянскаго земства въ области народнаго образованія.

Вообще нужно замѣтить, что мимолетные, такъ сказать, труды барона Корфа въ Маріупольскомъ уѣздѣ, какъ руководителя съѣзда учителей, и въ Бердянскомъ, какъ обозрѣвателя школъ,—произвели большую сенсацію во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Польза отъ непосредственнаго воздѣйствія барона Корфа на народныхъ учителей была очевидна сама собою. Его глубокое знаніе быта народной школы и учителей позволяло ему быстро оріентироваться въ каждой новой мѣстности и отвѣтить на самыя животрепещущія школьныя нужды. Его горячность и любовь къ дѣлу, выдающаяся педагогическая даровитость — вдохновляли и увлекали учителей, пробуждали въ нихъ любовь и уваженіе къ своей скромной дѣятельности и заставляли ихъ дѣятельно работать надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ, тратя на это послѣднія свои средства. Въ хроникахъ земскаго школьнаго дѣла сотнями считаются факты, что учителя не только посредственные, но даже и слабые, недоучившіеся, подъ личнымъ вліяніемъ барона Корфа, дѣлали поразительные успѣхи, какъ въ отношеніи общаго образованія, такъ и педагогической подготовки. Эти плохенькіе, едва терпимые учителя, которымъ нехотя платили первоначально по 50—60 рублей въ годъ, такъ выдвигались впослѣдствіи успѣхами своихъ школъ, что достигали наивысшихъ окладовъ сельскихъ учителей, т. е. до 400 рублей въ годъ и болѣе. Нужно-ли говорить, чѣмъ былъ баронъ Корфъ для такихъ учителей и какъ безгранично признательна ихъ память о немъ?...

Подъ вліяніемъ примѣровъ маріупольскаго и бердянскаго земствъ, явилось, можно сказать, повсемѣстное желаніе заполучить барона Корфа или для ревизіи школъ, или для руководства учительскими съѣздами. Мы положительно затрудняемся назвать такую изъ земскихъ губерній, въ одномъ или нѣсколькихъ уѣздахъ которой не возбуждалось-бы вопроса о приглашеніи барона Корфа въ той или другой почетной педагогической роли. Можно съ увѣренностью сказать, что его ожидала совершенно своеобразная дѣятельность — роль кочующаго руководителя и контролера въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Примѣръ Бердянскаго уѣзда доказываетъ, какую громадную пользу могъ-бы принести баронъ Корфъ въ этой новой и очень важной роли на пользу всего государства.

Но обстоятельства однако помѣшали осуществиться этому благому дѣлу. Вслѣдъ за уставомъ 1874 года о народныхъ училищахъ были опубликованы «Правила» министерства народнаго просвѣщенія объ учительскихъ курсахъ. Хотя «Правила» эти вовсе не отмѣняли существованія съѣздовъ, — которые, какъ увидимъ ниже, благополучно продолжались впослѣдствіи и продолжаются понынѣ, — но тѣмъ не менѣе одностороннее истолкованіе и примѣненіе мѣстною учебною администраціею этихъ «Правилъ» повело къ тому, что, начиная съ 1874 года, съѣздовъ не стали разрѣшать, предлагая замѣнять ихъ курсами, тогда какъ функціи тѣхъ и другихъ существенно различны между собою. До исхода 70-хъ годовъ всѣ попытки земства возстановить значеніе учительскихъ съѣздовъ въ прежнемъ ихъ видѣ, главное-же—имѣть руководителями съѣздовъ не народныхъ инспекторовъ и директоровъ, какъ мѣстныхъ администраторовъ школьнаго дѣла, а въ полномъ смыслѣ спеціалистовъ-педагоговъ, какъ баронъ Корфъ, Бунаковъ, баронъ Косинскій и другіе,—не имѣли никакого успѣха.

Вслѣдствіе этого именно барону Корфу пришлось временно быть оторваннымъ отъ непосредственнаго участія въ ходѣ народнаго образованія и воздѣйствовать на него изъ заграницы путемъ печати,—какъ это извѣстно уже читателямъ.

Бодрымъ, исполненнымъ того-же огня, который согрѣвалъ его раньше, возвратился баронъ Корфъ въ 1880 году изъ заграницы. Онъ не разочаровался въ своемъ увлеченіи дѣломъ народнаго образованія, въ своемъ служеніи ему. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ между прочимъ вниманія слѣдующій фактъ. Выпуская седьмое изданіе своего «Руководства къ обученію грамотѣ», онъ посвятилъ его старшей дочери своей, Екатеринѣ Николаевнѣ, по мужу Бонтышъ, при слѣдующемъ характерномъ обращеніи къ ней:

«Дорогой другъ!

«Мы были уже друзьями въ то время, когда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я обучилъ тебя грамотѣ по этой книгѣ, въ то время еще не печатанной. Прими-же ее отъ меня теперь, когда у тебя уже есть сынъ, котораго дай Богъ тебѣ воспитать такъ, чтобы онъ, достигнувъ высшаго образованія, вопросъ о распространеніи грамотности въ народѣ всегда принималъ близко къ сердцу, не на словахъ, а на дѣлѣ.

«Авторъ».

При такомъ направленіи барона Корфа, нисколько не удивительно, что, едва успѣвъ возвратиться въ Россію, лѣтомъ-же 1880 года онъ предпринялъ совершенно новое и очень важное дѣло для народнаго образованія. Онъ задался вопросомъ: насколько

прочно образованіе, даваемое учащимся въ «новой земской школѣ», т. е. разумно организованной народной школѣ? Съ этою цѣлью онъ самъ лично произвелъ экзамены въ шести различныхъ селеніяхъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, Екатеринославской губерніи, 350 взрослымъ крестьянамъ изъ окончившихъ курсъ при первыхъ выпускахъ народныхъ школъ, т. е. около 14 лѣтъ тому назадъ. Довольно характерная подробность, что для производства этого испытанія конечно по доброй волѣ крестьянъ, барону Корфу пришлось просить разрѣшенія у начальства Екатеринославской губерніи, ссылаясь притомъ вовсе не на свою педагогическую извѣстность и славную дѣятельность въ этой-же губерніи, а только на званіе «дѣйствительнаго члена екатеринославскаго губернскаго статистическаго комитета». Одновременно съ барономъ Корфомъ, по его просьбѣ и программѣ, произвела подобный-же опытъ извѣстная дѣятельница по народному образованію, графиня П. С. Уварова, состоявшая съ барономъ Корфомъ въ давней и дѣятельной перепискѣ, въ рядѣ школъ Смоленской, Владимірской и Московской губерній. То-же было сдѣлано въ Таврической губерніи К. В. Ковалевскимъ, человѣкомъ образованнымъ, занимавшимъ постъ помощника предводителя дворянства. Всего въ пяти губерніяхъ было испытано около 500 взрослыхъ крестьянъ, учившихся лишь три зимы и затѣмъ вполнѣ предоставленныхъ себѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже безъ всякой помощи библіотекъ и какой-либо другой посторонней поддержки въ дѣлѣ образованія. На основаніи этихъ данныхъ, баронъ Корфъ пришелъ къ заключенію, что «ходячее мнѣніе о томъ, будто-бы наши школьники весьма скоро вполнѣ разучиваются, должно замолкнуть навсегда, какъ несоотвѣтствующее дѣйствительности».

Конечно этотъ выводъ касается лишь разумно организованныхъ школъ, съ пріохочивающею постановкою обученія, возбуждающею къ самодѣятельности. Общимъ оказывается правило, что чѣмъ лучше ведется обученіе въ школѣ, чѣмъ болѣе она завлекаетъ учащихся, тѣмъ прочнѣе удерживаются ими сообщаемыя школою знанія даже въ деталяхъ. Тѣмъ не менѣе произведенная провѣрка воочію убѣдила барона Корфа въ невозможности ограничиться въ образованіи сельскаго населенія только тѣмъ, что̀ можетъ дать постоянная народная школа въ три учебныя зимы. И онъ принялся горячо ратовать въ печати за необходимость повсемѣстнаго учрежденія у насъ, въ Россіи, воскресныхъ повторительныхъ школъ, въ видахъ бо̀льшаго углубленія и упроченія познаній, сообщаемыхъ *регулярною народною* школою, а также и нѣкотораго расширенія

ихъ, примѣнительно къ уровню развитія, возрасту учащихся и потребностямъ жизни.

Въ высшей степени остроумно и просто задумалъ баронъ Корфъ повторительныя свои школы. Для осуществленія ихъ необходимо пользоваться наличными народными школами въ селахъ, наличнымъ-же педагогическимъ сельскимъ персоналомъ. На занятія въ повторительной школѣ полагается около трехъ часовъ по воскреснымъ днямъ, всего 20 воскресныхъ учебныхъ дней втеченіи зимы. Плата за занятія въ школѣ—по два рубля за учебный день, всего 40 рублей за весь зимній повторительный учебный курсъ, при крайне ограниченномъ расходѣ на учебныя пособія. Польза-же отъ этихъ школъ—громадная. Молодой человѣкъ, въ возрастѣ около 20-ти лѣтъ, пройдя повторительную школу, т. е. затративъ всего около 60 учебныхъ часовъ въ зиму, получаетъ увѣренность и устойчивость въ пріобрѣтенныхъ имъ раньше знаніяхъ, навсегда уже овладѣетъ ими, а главное—знанія эти получатъ совсѣмъ новое для него освѣщеніе, войдутъ въ стройную систему и тѣсную, органическую между собою связь, чего никакъ нельзя добиться въ томъ раннемъ возрастѣ, въ которомъ учащіеся разстаются съ народною школою (т. е. около 10—12 лѣтъ). Тутъ уже является такое сознательное отношеніе къ дѣлу, какого не можетъ быть даже у самыхъ способныхъ и ретивыхъ школьниковъ въ раннюю пору, за недостаткомъ умственной и нравственной зрѣлости, трезваго пониманія условій и требованій жизни.

Имѣя обыкновеніе отъ слова переходить къ дѣлу, баронъ Корфъ устроилъ у себя на родинѣ двѣ воскресныя повторительныя школы для взрослыхъ. На основаніи ранѣе произведенныхъ испытаній лицъ, окончившихъ курсъ въ народной школѣ, и практики вновь открытыхъ имъ школъ, онъ выпустилъ дешевое (50 коп.), но очень остроумное руководство, подъ заглавіемъ: «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ». Эта небольшая книжка обнимаетъ собою программы, конспекты, методическія указанія и домашнія работы для всѣхъ уроковъ втеченіи учебнаго года и по всѣмъ предметамъ. Оставаясь въ предѣлахъ программы народной школы, придерживаясь общепринятыхъ учебниковъ и руководствъ, баронъ Корфъ, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, указываетъ въ своемъ «Руководителѣ» пути и средства къ полной переработкѣ всего учебнаго матеріала народной школы, во всѣхъ деталяхъ ея программы, придерживаясь при этомъ преимущественно синтетическаго, дедуктивнаго метода, вмѣсто аналитическаго, индуктивнаго метода, обязательнаго при первоначальномъ обученіи.

Нужно замѣтить, что горячая пропаганда барона Корфа въ пользу упроченія и освѣженія уровня элементарныхъ познаній взрослаго крестьянскаго населенія на нѣсколько лѣтъ опередила подобную-же пропаганду въ скандинавскихъ государствахъ. Но тамъ это движеніе вскорѣ-же вылилось въ форму учрежденія даже особыхъ университетовъ для крестьянскаго юношества, такъ талантливо описанныхъ профессоромъ математики въ стокгольмскомъ университетѣ, С. Ковалевскою (нынѣ умершею), въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Швеція и Норвегія успѣла уже покрыться густою сѣтью этихъ университетовъ, въ которыхъ крестьянское юношество съ элементарною школьною подготовкою, на порогѣ вступленія въ жизнь и перехода къ самостоятельной дѣятельности, освѣжаетъ и дополняетъ свои познанія. Эти университеты, не представляющіе никакихъ правъ, даютъ своимъ питомцамъ такую обширную подготовку въ области наукъ гуманитарныхъ, политическихъ и общественныхъ, какою не могутъ похвалиться даже молодые люди, оканчивающіе курсъ въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Швеція и Норвегія вполнѣ справедливо гордятся своими крестьянскими университетами и достигаемыми ими поразительно благопріятными результатами въ практической жизни. Прочно, широко-образованное крестьянство (скандинавскія государства, какъ извѣстно, преимущественно крестьянскія страны, какъ и Россія) оказывается самымъ надежнымъ насадителемъ и блюстителемъ всяческаго порядка, благоустройства въ жизни и всесторонняго культурнаго преуспѣянія. Приэтомъ съ несомнѣнною ясностью опредѣлился глубоко назидательный для насъ, русскихъ, фактъ. Чѣмъ шире и глубже образованіе новыхъ и новыхъ крестьянскихъ поколѣній, проходящихъ черезъ спеціальные университеты для нихъ, тѣмъ крѣпче держатся они земли. Обладая вполнѣ развитымъ и прочно установленнымъ человѣческимъ сознаніемъ и достоинствомъ, крестьянство съ университетскою подготовкою гордится своею трудовою независимостью и ведетъ сельское хозяйство съ безпримѣрною производительностью, обезпечивая себѣ вполнѣ приличное культурное существованіе при такихъ скромныхъ размѣрахъ хозяйства, при которыхъ въ другихъ странахъ терпятъ нерѣдко большія лишенія и даже голодъ.

Короче говоря, Швеція и Норвегія внесли своими крестьянскими университетами новое слово не только въ исторію міроваго народнаго образованія, но даже и въ исторію культуры человѣчества. *Они* нашли ключъ, разгадку къ обезпеченію прочнаго, мирнаго, *прогрессивнаго* развитія и систематическаго матеріальнаго улучше-

нія массы населенія путемъ жизненной ея самодѣятельности. Въ виду этого, все прошлое скандинавскихъ крестьянскихъ университетовъ есть безпрерывное развитіе и усовершенствованіе ихъ, при энергическомъ содѣйствіи правительства, мѣстныхъ общинъ и частныхъ лицъ. Скандинавцы давно убѣдились уже воочію, что такого рода дѣятельностью они завоевываютъ себѣ самое завидное, славное и прочное будущее, какъ образованнѣйшій народъ, занимающій самое почетное мѣсто по уровню народнаго благосостоянія, культурности и цивилизованности, быстро и безпрепятственно распространяющихся до самыхъ отдаленныхъ провинціальныхъ глубинъ. Эти-же послѣднія достигли уже того высокаго умственнаго и нравственнаго роста, что въ нихъ совершенно не можетъ быть того, что называется «провинціальною глушью», «дикостью», «отсталостью» и «косностью» сельскаго населенія, въ какихъ-бы окраинныхъ дебряхъ оно ни обитало.

Къ этой именно великой и благой цѣли стремился и баронъ Н. А. Корфъ въ своей пропагандѣ повторительныхъ школъ, въ видахъ освѣженія, упроченія и нѣкотораго пополненія знаній взрослаго населенія, прошедшаго уже народную школу или дома подучившагося грамотѣ и кое-чему изъ предметовъ элементарнаго курса. Но у насъ, къ несчастью, столь необходимое дополненіе къ курсу народной школы все еще остается, можно сказать, въ области мечты, желаній и ожиданій, если не считать нѣсколькихъ единичныхъ повторительныхъ школъ, остающихся какъ-бы въ видѣ памятника творческой самодѣятельности барона Н. А. Корфа на поприщѣ народнаго образованія.

Ратуя въ печати за повторительныя воскресныя школы («Воскресная школа», «Повторительныя школы для учащихся» и «Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ»), баронъ Корфъ еще разъ выступилъ съ горячими статьями въ пользу обязательнаго обученія грамотѣ всего подростающаго поколѣнія, при помощи домашнихъ крестьянскихъ школокъ грамоты, но съ принятіемъ однако мѣръ, чтобы эта маленькая ступенька первоначальнаго обученія не сходила *на нѣтъ*, не обращалась-бы въ рецидивъ безграмотности. Указанныя его статьи, напечатанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, вмѣстѣ со статьями, появившимися въ свѣтъ во время пребыванія заграницею, а также и нѣкоторыми позднѣйшими,—составили книгу «Наши педагогическіе воопросы», которой было уже упомянуто выше. Эта книга съ одной стороны заключаетъ въ себѣ дѣльный разборъ указанныхъ уже выше одностороннихъ увлеченій учебной администраціи, которыя такъ или иначе

тормозили правильное развитіе дѣла народнаго образованія и болѣе или менѣе мѣшали должному прогрессивному его росту, соотвѣтственно запросу времени и стремленіямъ мѣстнаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой книгѣ имѣются драгоцѣнные совѣты и указанія, въ какомъ направленіи должна развиваться дѣятельность общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, чтобы наконецъ мы могли добиться поголовной грамотности всего подростающаго школьнаго населенія, разумной постановки народной школы и мало-мальски сносныхъ познаній въ средѣ взрослаго сельскаго населенія. «Наши педагогическіе вопросы», вышедшіе въ свѣтъ въ 1882 году, въ связи съ двумя другими, извѣстными уже намъ, книгами: «Русская начальная школа» и «Наше школьное дѣло»,—обнимаютъ собою всю исторію русской народной школы, со всѣми ея свѣтлыми и мрачными, положительными и отрицательными сторонами, съ самаго перваго момента зарожденія разумной и регулярной народной школы, т. е. на протяженіи 17-ти первыхъ лѣтъ жизни ея на русской почвѣ. Если къ этому прибавить еще и нѣкоторыя его брошюры, можно безъ преувеличенія сказать, что одинъ баронъ Корфъ сдѣлалъ на пользу разъясненія потребностей и нуждъ русскаго народнаго образованія, бытовыхъ его обстоятельствъ и условій и отношенія къ нему законодательства—несравненно больше, чѣмъ было сдѣлано съ этою цѣлью въ указанный періодъ во всей русской печати. Онъ одинъ велъ это дѣло мужественно, стойко, наперекоръ всевозможнымъ невзгодамъ, съ непоколебимою вѣрою въ его успѣхъ.

И успѣхъ былъ несомнѣнный. Баронъ Корфъ высоко держалъ знамя народнаго образованія; голосъ его раздавался на всю Россію— и дѣло народнаго образованія неуклонно развивалось во всевозможныхъ направленіяхъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ замѣтно даже ослабѣли тѣ препятствія, съ которыми приходилось бороться на мѣстахъ въ этомъ отношеніи. Такъ, въ 1881 году, послѣ долгаго перерыва, былъ разрѣшенъ съѣздъ земскихъ народныхъ учителей Херсонской губерніи, который и состоялся въ іюлѣ того-же года, подъ руководствомъ барона Н. А. Корфа, въ Херсонѣ. Это былъ не просто учительскій съѣздъ, но, какъ справедливо назвали его въ свое время, «праздникъ тружениковъ народнаго образованія». Съѣздъ этотъ своевременно былъ описанъ барономъ Корфомъ въ «Русской Мысли». Эта статья, даже въ болѣе полномъ видѣ, вошла затѣмъ въ «Наши педагогическіе вопросы».

Херсонская губернская земская управа пригласила на съѣздъ *только* 70 лицъ; но имя барона Корфа привлекло къ участію въ *съѣздѣ до 250* учителей и учительницъ, въ томъ числѣ изъ шести

слѣдующихъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской и Бессарабской. Наплывъ посторонней публики былъ такъ великъ, что ее допускали на съѣздъ только по билетамъ. Дѣятельность съѣзда отличалась замѣчательною производительностью, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, обратившись къ описанію барона Корфа. Два часа въ день посвящалось ежедневно на образцовые уроки, даваемые учителями и учительницами; одинъ часъ—на лекцію барона Корфа, какъ руководителя курсовъ, объ антропологическихъ основаніяхъ, указываемыхъ на съѣздѣ пріемовъ обученія; одинъ часъ ежедневно удѣлялся обсужденію вопросовъ, поставленныхъ на очередь членами и руководителемъ. Пренія по поводу образцовыхъ уроковъ происходили вслѣдъ за окончаніемъ ихъ.

Этотъ съѣздъ народныхъ учителей, помимо его многолюдства и замѣчательной дѣловитости, имѣлъ еще слѣдующую очень характерную и важную особенность. Согласно программѣ, представленной барономъ Корфомъ, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, независимо отъ дневныхъ, дѣловыхъ, занятій съѣзда, еще и вечернія собранія членовъ его, съ цѣлью развлеченія. На эти собранія постороннія лица не допускались. Начинались они съ $6^1/_2$ часовъ вечера, съ чтенія протоколовъ, и затѣмъ превращались въ литературно-музыкальные и танцовальные вечера, продолжавшіеся до 9 час. вечера. Почетными посѣтителями были представители губернской земской управы, мѣстные директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ. Это разумное, находчивое отступленіе отъ общаго шаблона съѣздовъ придало херсонскому съѣзду такое оживленіе, простоту и задушевность, какими не можетъ похвалиться никакой другой съѣздъ.

Изъ постановленій съѣзда заслуживаетъ особеннаго вниманія ходатайство его «о созывѣ кратковременныхъ періодическихъ съѣздовъ учителей и учительницъ, для обсужденія нуждъ школы и учителя». У насъ къ сожалѣнію до сихъ поръ еще крайне не развиты съѣзды учителей; но вотъ какъ это дѣло было поставлено въ Пруссіи еще двадцать лѣтъ тому назадъ. Извѣстный нѣмецкій педагогъ Любенъ въ своемъ «Педагогическомъ Ежегодникѣ» между прочимъ говоритъ въ 1871 году по поводу съѣздовъ:

«Существующая организація, въ силу которой учителя каждаго прихода съѣзжаются ежемѣсячно, учителя каждаго округа—всякіе три мѣсяца, и учителя болѣе обширнаго округа (уѣзда), въ который соединены отдѣльные округа, собираются разъ въ годъ для того, чтобы взвѣсить существенныя условія быта народной школы съ различнѣйшихъ сторонъ и споспѣшествовать отправленію обя-

занностей ихъ профессіи, — вездѣ оказалась достигающей цѣли. Нельзя также не признать цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ самаго хода учительскихъ съѣздовъ, на которыхъ даются и обсуждаются пробные уроки, читаются лекціи и рефераты, гдѣ упражняются въ хоровомъ пѣніи и докладываютъ правительственныя сообщенія. Такое внутреннее устройство учительскихъ съѣздовъ во всякомъ случаѣ можетъ обновлять и дополнять свѣдѣнія членовъ съѣздовъ, содѣйствовать къ установленію въ средѣ ихъ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія на ввѣренную имъ важную дѣятельность, способно довести учителей отъ знанія до умѣнья и сдѣлать послѣднее плодотворнѣе.»

Къ этому считаемъ необходимымъ еще добавить, что учебная администрація не только считаетъ «долгомъ» созывъ съѣздовъ, но и «настаиваетъ», чтобы въ протоколахъ съѣздовъ точно обозначачалось, на какомъ именно основаніи кто-либо изъ учителей не присутствовалъ на съѣздѣ, и представилъ-ли отсутствующій «законныя» и «уважительныя объясненія».

Въ виду указанныхъ размѣровъ и значенія трудовъ и заслугъ барона Н. А. Корфа, невольно является вопросъ: какимъ образомъ такой крупный, выдающійся и даровитый общественный дѣятель могъ оставаться не у дѣлъ? Мы не говоримъ о казенной службѣ, для которой баронъ Корфъ былъ слишкомъ независимъ; но вѣдь въ большихъ городахъ, особенно-же такихъ крупныхъ, какъ Петербургъ и Москва, есть общественныя должности для завѣдыванія и руководства дѣломъ народнаго образованія. Казалось-бы, кому же, какъ не барону Корфу, быть руководителемъ въ той или другой столицѣ? Этотъ вопросъ, такъ сказать, самъ собою всталъ на очередь въ глазахъ всей интеллигентной публики послѣ появленія въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 годъ блестящей статьи барона Корфа, подъ заглавіемъ: «Петербургскія и Московскія начальныя училища». Около этого-же времени умеръ извѣстный педагогъ П. Е. Басистовъ, состоявшій при московской городской управѣ завѣдывавшимъ мѣстными народными училищами. Общественное мнѣніе сразу указало на барона Корфа, и бывшій въ то время городскимъ головою, Б. Чичеринъ, предложилъ барону Корфу баллотироваться на открывшуюся вакансію. Но лишь только стало извѣстно объ оффиціальной кандидатурѣ барона Корфа,— двѣ газеты: «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» предприняли противъ барона Корфа невообразимую травлю, такую злостную и разнузданную, какой рѣшительно никогда не выпадало въ печати на долю кого-бы то ни было изъ общественныхъ дѣятелей. По адресу ни въ чемъ неповиннаго барона Корфа посыпались со страницъ этихъ газетъ отборныя, совершенно не выя инси-

уаціи и брань, вродѣ слѣдующихъ: «безбожникъ», «врагъ духо-
енства»,«утилитаристъ»,«нѣмецъ», «пришлецъ», «представитель
ѣмецкой педагогіи», «матеріалистъ», «помѣщикъ, а не педагогъ»,
неблагонадежный человѣкъ», «противникъ Закона Божія» и
роч., все въ этомъ-же родѣ. Мало того: газетные борзописцы ко-
ались въ частной, семейной жизни барона Корфа, высчитывали
сточники его доходовъ, размѣры его литературнаго заработка,
одичный его бюджетъ—и все перевирали неслыханнымъ образомъ.
)та безсовѣстная газетная травля, изъ личной мести, производила
днако впечатлѣніе на московскихъ гласныхъ, вызывая въ нихъ
едоумѣніе, колебаніе, споры. Въ виду этого, баронъ Корфъ, вызван-
ый уже въ Москву для баллотировки, письмомъ на имя городского
'оловы, отказался отъ баллотировки—«чтобы не вносить разлада
ъ московское городское общество». Съ своей стороны московскій
'ородской голова, въ письмахъ отъ 18 и 27 октября 1882 года,
ыразилъ «искреннее сожалѣніе по поводу оборота, который при-
іяло дѣло», и сѣтованіе, что «не пришлось дѣйствовать вмѣстѣ».

Какіе-же однако «личные счеты могли быть у газетъ, такъ
еистово напавшихъ на барона Корфа по поводу его кандидатуры?
)бѣ газеты, московская и петербургская, принадлежатъ къ тому
емногочисленному количеству изданій, въ которыхъ не появилось
и одной печатной строчки барона Корфа за все время его необы-
айно плодовитой журнальной дѣятельности, хватавшей на деся-
окъ другихъ повременныхъ изданій иного разбора. Имѣющаяся-же
ъ нашемъ распоряженіи переписка проливаетъ особенно яркій
вѣтъ на эту небывало злостную и злокачественную газетную
равлю, на это безцеремоннѣйшее смѣшиваніе съ грязью человѣка
ысоко-безупречной репутаціи и самоотверженной общественной
ѣятельности. Оказывается напримѣръ, что московская газета,
акъ безславившая барона Корфа въ 1882 году, лѣтъ 20 тому
азадъ первая объявила всей Россіи о славной дѣятельности ба-
)она Корфа и справедливо превознесла превосходныя его личныя ка-
ества и дарованія. Издатель-же петербургской газеты еще въ
868 году, не имѣя въ то время своей газеты, но предпринявъ
ругое повременное изданіе, продолжающее существовать и по-нынѣ,
исалъ самыя льстивыя письма барону Корфу, чтобы заручиться
го сотрудничествомъ, и до небесъ превозносилъ его, какъ замѣча-
ельнаго и достойнѣйшаго изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей.
Іаконецъ то самое лицо (Дьяковъ), которое такъ безцеремонно
оносило барона Корфа въ петербургской газетѣ и такъ дерзко

занностей ихъ профессіи, — вездѣ оказалась достигающей цѣли. Нельзя также не признать цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ самаго хода учительскихъ съѣздовъ, на которыхъ даются и обсуждаются пробные уроки, читаются лекціи и рефераты, гдѣ упражняются въ хоровомъ пѣніи и докладываютъ правительственныя сообщенія. Такое внутреннее устройство учительскихъ съѣздовъ во всякомъ случаѣ можетъ обновлять и дополнять свѣдѣнія членовъ съѣздовъ, содѣйствовать къ установленію въ средѣ ихъ болѣе правильной и широкой точки зрѣнія на ввѣренную имъ важную дѣятельность, способно довести учителей отъ знанія до умѣнья и сдѣлать послѣднее плодотворнѣе.»

Къ этому считаемъ необходимымъ еще добавить, что учебная администрація не только считаетъ «долгомъ» созывъ съѣздовъ, но и «настаиваетъ», чтобы въ протоколахъ съѣздовъ точно обозначалось, на какомъ именно основаніи кто-либо изъ учителей не присутствовалъ на съѣздѣ, и представилъ-ли отсутствующій «законныя» и «уважительныя объясненія».

Въ виду указанныхъ размѣровъ и значенія трудовъ и заслугъ барона Н. А. Корфа, невольно является вопросъ: какимъ образомъ такой крупный, выдающійся и даровитый общественный дѣятель могъ оставаться не у дѣлъ? Мы не говоримъ о казенной службѣ, для которой баронъ Корфъ былъ слишкомъ независимъ; но вѣдь въ большихъ городахъ, особенно-же такихъ крупныхъ, какъ Петербургъ и Москва, есть общественныя должности для завѣдыванія и руководства дѣломъ народнаго образованія. Казалось-бы, кому же, какъ не барону Корфу, быть руководителемъ въ той или другой столицѣ? Этотъ вопросъ, такъ сказать, самъ собою всталъ на очередь въ глазахъ всей интеллигентной публики послѣ появленія въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 годъ блестящей статьи барона Корфа, подъ заглавіемъ: «Петербургскія и Московскія начальныя училища». Около этого-же времени умеръ извѣстный педагогъ П. Е. Басистовъ, состоявшій при московской городской управѣ завѣдывавшимъ мѣстными народными училищами. Общественное мнѣніе сразу указало на барона Корфа, и бывшій въ то время городскимъ головою, Б. Чичеринъ, предложилъ барону Корфу баллотироваться на открывшуюся вакансію. Но лишь только стало извѣстно объ оффиціальной кандидатурѣ барона Корфа,— двѣ газеты: «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» предприняли противъ барона Корфа невообразимую травлю, такую злостную и разнузданную, какой рѣшительно никогда не выпадало въ печати на долю кого-бы то ни было изъ общественныхъ дѣятелей. *По адресу* ни въ чемъ неповиннаго барона Корфа посыпались со *страницъ этихъ газетъ* отборныя, совершенно несправедливыя инси-

нуаціи и брань, вродѣ слѣдующихъ: «безбожникъ», «врагъ духовенства», «утилитаристъ», «нѣмецъ», «пришлецъ», «представитель нѣмецкой педагогіи», «матеріалистъ», «помѣщикъ, а не педагогъ», «неблагонадежный человѣкъ», «противникъ Закона Божія» и проч., все въ этомъ-же родѣ. Мало того: газетные борзописцы копались въ частной, семейной жизни барона Корфа, высчитывали источники его доходовъ, размѣры его литературнаго заработка, годичный его бюджетъ —и все перевирали неслыханнымъ образомъ. Эта безсовѣстная газетная травля, изъ личной мести, производила однако впечатлѣніе на московскихъ гласныхъ, вызывая въ нихъ недоумѣніе, колебаніе, споры. Въ виду этого, баронъ Корфъ, вызванный уже въ Москву для баллотировки, письмомъ на имя городского головы, отказался отъ баллотировки—«чтобы не вносить разлада въ московское городское общество». Съ своей стороны московскій городской голова, въ письмахъ отъ 18 и 27 октября 1882 года, выразилъ «искреннее сожалѣніе по поводу оборота, который приняло дѣло», и сѣтованіе, что «не пришлось дѣйствовать вмѣстѣ».

Какіе-же однако «личные счеты могли быть у газетъ, такъ неистово напавшихъ на барона Корфа по поводу его кандидатуры? Обѣ газеты, московская и петербургская, принадлежатъ къ тому немногочисленному количеству изданій, въ которыхъ не появилось ни одной печатной строчки барона Корфа за все время его необычайно плодовитой журнальной дѣятельности, хватавшей на десятокъ другихъ повременныхъ изданій иного разбора. Имѣющаяся-же въ нашемъ распоряженіи переписка проливаетъ особенно яркій свѣтъ на эту небывало злостную и злокачественную газетную травлю, на это безцеремоннѣйшее смѣшиваніе съ грязью человѣка высоко-безупречной репутаціи и самоотверженной общественной дѣятельности. Оказывается напримѣръ, что московская газета, такъ безславившая барона Корфа въ 1882 году, лѣтъ 20 тому назадъ первая объявила всей Россіи о славной дѣятельности барона Корфа и справедливо превознесла превосходныя его личныя качества и дарованія. Издатель-же петербургской газеты еще въ 1868 году, не имѣя въ то время своей газеты, но предпринявъ другое повременное изданіе, продолжающее существовать и по-нынѣ, писалъ самыя льстивыя письма барону Корфу, чтобы заручиться его сотрудничествомъ, и до небесъ превозносилъ его, какъ замѣчательнаго и достойнѣйшаго изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Наконецъ то самое лицо (Дьяковъ), которое такъ безцеремонно поносило барона Корфа въ петербургской газетѣ и такъ дерзко

предательски копалось въ интимной домашней, семейной его жизни, чрезвычайно много было обязано ему.

Такое удивительное стеченіе обстоятельствъ еще болѣе усилило и обострило для барона Корфа горечь неудачи въ Москвѣ и конечно же увеличило и безъ того тяжелый гнетъ «желчныхъ камней», оставленныхъ ему александровскими землевладѣльцами на память о совмѣстной съ ними дѣятельности. Теперь, какъ и въ пору забаллотировки на александровскомъ съѣздѣ землевладѣльцевъ, барону Корфу оставалось утѣшиться тѣмъ сочувствіемъ, которое проявляла къ нему вся благоразумная часть печати и общества. Впрочемъ на этотъ разъ барону Корфу дано было и нубличное удовлетвореніе. Въ засѣданіи московской думы 26 октября 1882 года было прочитано письмо извѣстнаго русскаго общественнаго дѣятеля, А. И. Кошелева, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Зная барона Корфа лично, зная его изданія и сочиненія, я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что онъ—человѣкъ, отмѣнно благонамѣренный, горячо преданный дѣлу народнаго образованія, много для него потрудившійся, строго нравственный, истинно земскій и искренній православный христіанинъ.»

Самъ-же баронъ Корфъ, печатно отвѣчая на инсинуаціи и клевету по его адресу, между прочимъ говоритъ въ заключеніи своей спокойной статьи, написанной по обыкновенію съ большимъ тактомъ и достоинствомъ:

«Я всегда былъ и всегда останусь на сторонѣ религіозно-нравственной *развивающей* школы, такъ какъ желаю людей, *сознательно* преданныхъ ученію Христову, *сознательно* относящихся къ себѣ самимъ, своему ближнему и къ Божьему міру и *сознательно* любящихъ Христа, благословившаго дѣтей, не какъ жертву тьмы, а какъ мысль съ безбрежной широтой, которой принадлежитъ будущее и по сравненію съ которою мы, люди, уже пожившіе или отживающіе, представляемъ лишь ограниченное дѣло. Если вы любите школы, то любите молодежь: это—будущее Россіи.»

Московскій эпизодъ, въ виду указанныхъ условій безчинства двухъ газетъ, былъ безъ сомнѣнія очень тяжелъ для барона Корфа. Но, по наружному виду, по ходу дѣятельности, не замѣтно было никакой перемѣны. Въ 1883 году дѣятельность его отличалась такой-же энергіей и разнообразіемъ, какъ и въ предшествовавшіе годы. Въ этомъ году, отвѣчая на текущую сельскохозяйственную злобу всего юга Россіи, онъ выпустилъ въ свѣтъ «чтеніе для народа», подъ заглавіемъ «Хлѣбный Жукъ» (кузька). Эта маленькая 10-ти копѣечная брошюрка, написанная съ большимъ знаніемъ дѣла и замѣчательною ясностью, общепонятно, можетъ служить образ-

цомъ—какими должны быть чтенія для народа. Въ іюнѣ 1883 года онъ руководилъ учительскимъ съѣздомъ въ Бердянскомъ уѣздѣ съ тѣмъ-же жаромъ, увлеченіемъ и вниманіемъ къ учителямъ, какъ и въ Херсонѣ. Въ сентябрѣ того-же года онъ былъ избранъ почетнымъ попечителемъ «Гнѣдинскаго ремесленнаго училища», основаннаго извѣстнымъ уже намъ Т. Гнѣдинымъ въ своемъ имѣніи, на собственныя средства. Барону Н. А. Корфу пришлось много поработать перомъ, помогая учредителю училища въ борьбѣ съ самыми невѣроятными препятствіями, затянувшими открытіе этого заведенія на *14-ть* лѣтъ, тогда какъ на одну постройку училищнаго зданія было затрачено уже учредителемъ его около 35 тысячъ рублей. Бодрымъ, оживленнымъ присутствовалъ баронъ Корфъ на торжествѣ открытія училища. Блестящая рѣчь, сказанная имъ при этомъ, полна надеждами на лучшее будущее, дышетъ юношескимъ увлеченіемъ и огнемъ. Но это было, можно сказать, послѣднею вспышкою угасавшей уже энергической его натуры. 13-го ноября 1883 года онъ умеръ тамъ-же, гдѣ и родился, т. е. въ Харьковѣ, на рукахъ любимой супруги, «*отъ окончательнаго истощенія жизненныхъ силъ*»,—какъ опредѣлили врачи причину его смерти. 15-го ноября состоялось погребеніе, при громадномъ стеченіи высшей и нисшей учащей и учащейся братіи, торжественно воздавшей послѣдній долгъ почившему славному подвижнику на поприщѣ общественной дѣятельности вообще и народнаго образованія въ особенности.

X.

Заключеніе.

И по характеру, и по условіямъ дѣятельности баронъ Н. А. Корфъ занимаетъ совершенно уединенное положеніе въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Онъ представляетъ собою глубоко поучительный примѣръ, какъ надо понимать нравственныя обязанности привилегированныхъ людей въ отношеніи *трудового населенія*, какъ много можетъ сдѣлать человѣкъ на пользу общую однимъ личнымъ своимъ почином и самодѣятельностью, если онъ вооруженъ, какъ слѣдуетъ, образованіемъ, если онъ стоитъ на высотѣ пониманія долга, чести, обязанностей и правъ, если онъ вѣренъ своему призванію и стремленію.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Н. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. **60 к.**, въ пап. **75 к.**, въ пер. **1 р. 25 к.**

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разск. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. **75 к.**, въ папкѣ **1 р.**, въ переплетѣ **1 р. 25 к.**

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. *А. Бранчининова.* Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. **2 р.**, въ пап. **2 р. 50 к.**, въ переп. **3 р.**

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. *Е. Конради.* Съ 58 рис. Ц. **2 р.**, въ перепл. **2 р. 75 к.**

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ перепл. **2 р.**

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. *В. Острогорскаго.* 45 рис. 2 изд. Въ пап. **1 р.**, въ пер. **1 р. 75 к.**

ИЗЪ ЖИЗНИ ИСТОРІИ. *А. Арсеньева.* Съ рис., въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

ПОСЛУШАЕМЪ! Разск. *А. Нольде.* 28 рис. Въ папкѣ **1 р.**, въ пер. **1 р. 50 к.**

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. *Н. Азбелева.* Съ 16 рис. Ц. **20 к.**

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова.* 200 рисунковъ на 10 листахъ. Ц. **1 р.** „Объясненіе“ къ нимъ **5 к.**

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. **1 р.**

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ *В. Обреимовъ.* 2-е изд. Ц. **40 к.**

...КРЫ БОЖЬИ. Біографическіе очерки *А. ...тровинской.* Ц. **1 р. 25 к.**

...ІОГРАФІИ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИ...ТЕЛЕЙ. Составилъ *В. Острогорскій.* Съ портретами. 3 изд. Ц. **50 к.**

...КИ ГУСТАФСОНА. Ц. **1 р. 25 к.**, въ ...папкѣ **1 р. 50 к.**, въ перепл. **1 р. 75 к.**

...ТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. **75 к.**, въ папкѣ **1 р.**, въ перепл. **1 р. 30 к.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ *А. Шелгуновой:* Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Доррить, 10) Два города. Цѣна каждаго романа **40 к.** Въ папкѣ **50 к.**

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *С. Ворисгофера.* Съ 73 рис. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.**, въ пер. **2 р. 50 к.**

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. **2 р.**, въ пап. **2 р. 25 к.**, въ пер. **2 р. 75 к.**

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.**, въ перепл. **2 р. 75 к.**

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстрац. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ пер. **2 р. 25 к.**

МУЧЕНИКИ НАУКИ. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3 изд. Ц. **1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. *Тисандье.* пер. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* 353 рис. Ц. **2 р.**, въ пер. **2 р. 75 к.**

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. *Люкаса.* Съ франц. Ц. **1 р.**

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. *А. Круглова.* Съ 70 рис. Ц. **1 р. 25 к.**, въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ перепл. **2 р.**

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. *П. Засодимскаго.* Съ рис. Ц. каждой книжки по **35 к.**

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ переплетѣ **2 р.**

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. *А. Круглова.* Съ 6 рис. Ц. **25 к.**

НЕЗАБУДКИ. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 40 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ перепл. **2 р.**

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. *Э. Кандеза.* 67 рис. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.**, въ переплетѣ **2 р. 50 к.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

...) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. **6 к.**—2) **Ангелъ ...рти.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—3) **Измаилъ-Бей.** ...9 рис. Ц. **10 к.**—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. ...Ц. **3 к.**—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. **4 к.**—...) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. ...Ц. **3 к.**—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. **4 к.**—8) **Аулъ ...Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. **3 к.**—9) **Литвинка.** Съ ...рис. Ц. **3 к.**—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. **2 к.**—...) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. **3 к.**—...) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. **2 к.**—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. **2 к.**—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. ...Ц. **3 к.**—15) ***Казначейша.*** Съ 5 рис. Ц. **4 к.**—...) ***Герой нашего времени.*** Съ 23 рис. Ц. **25 к.**—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. **8 к.**—18) **Таман...** 5 рис. Ц. **3 к.**—19) **Княжна Мери.** Съ ... Ц. **12 к.**—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. ...21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. **3 к.**—22) **Маска...** Съ 5 рис. Ц. **10 к.**—23) **Испанцы.** Съ ... Ц. **10 к.**—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. ...25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ ... Ц. **8 к.**—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ ... Ц. **8 к.**—27) **Странный человѣкъ.** Рома...ская драма. Съ 5 рис. Ц. **8 к.**—28) **Два ...** Драма. Съ 5 рис. Ц. **5 к.**—29) **Всѣ балл...** легенды. Съ 3 рис. Ц. **5 к.**—30) **По... изъ современной жизни...** ... рис. Ц. ...

